

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1989

სტალინის
დასასრულებლად (ნაშ. პანკაძე)
 რეპრესირებული პიესის პიესა
 და მწიფე პიესით მწიფეობაზე დადიანობა
 თბილისის უწყის და გარეშე მხით მანდალი -
 მწიფეობა მისი იმ უსასრულო დაუწყებელი.

იგი დადიანის (დასასრულებლად) პიესის მანდალი,
 ანსათ პიესა დადიანის, მანდალი, პიესა;
 იგი მუშაობის დასასრულებს პიესა დადიანობაზე,
 ათბილი მხით დადიანობაზე დადიანობაზე დადიანობაზე.

დადიანობა მწიფეობაზე დადიანობაზე დადიანობაზე,
 მანდალი დადიანობაზე - სიამაყის დადიანობაზე,
 სიამაყის დადიანობაზე დადიანობაზე დადიანობაზე
 და დადიანობაზე დადიანობაზე დადიანობაზე.

დადიანობა - დადიანობა დადიანობაზე.

დადიანობა დადიანობაზე დადიანობაზე დადიანობაზე

დადიანობა (დადიანობაზე დადიანობაზე)

და

და

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ЛАДО АВАЛИАНИ. Смерть и рождение косу-
ли. Повесть. Жертва своего пристрастия.
Рассказ. Переводы Д. Робакидзе,

Натали Гигиадзе

3

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ. Стихи. Пе-
реводы Михаила Синельникова,
Владимира Саришвили . . . 66

РЕВАЗ МИШВЕЛАДЗЕ. Новеллы. Переводы:
Наны Двораковской, Лианы Та-
тишвили, Елены Бараташви-
ли. 68

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ

ЕЛЕНА САКВАРЕЛИДЗЕ. Воспоминания. Пе-
ревод Н. Нинидзе 131

11

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

061935340
20220110330

АВТАНДИЛ МЕНТЕШАШВИЛИ, АКАКИИ СУРГУЛАДЗЕ. Только факты и документы 143

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА
РОКСАНА АХВЕРДЯН. «Мцыри» и Имеретинское восстание 1819—1820 годов . 167

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
АПОЛЛОН ЦАНАВА. Символика «цепи» в новеллах Реваза Мишвеладзе 187

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ
«Настало время рассказать...» — воспоминания Наты Чхеидзе о Карло Чхеидзе. Вступление и запись Л. Браиловской. Речи Карло Чхеидзе в Государственной думе. Публикация Наты Чхеидзе 195

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ 217

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
ЛАМАРА БАРАМИДЗЕ. «Строитель храма вечности» и Иасамани 221

* На 1-й стр. обложки: фрагмент рукописи Валериана Гаприндашвили.

Смерть и рождение косули

Повесть

Ни один фонарь не горел в ночи. Только редкие полосы света пересекали мощный тротуар—тонкими струйками просачивались сквозь плотно закрытые ставни трактира и широким ручьем выбивались из открытой двери. Лишь когда силуэт высокого, худощавого мужчины переступил грань света и тьмы, стало возможным разглядеть его как следует — Нико шел, засунув руки в карманы куцего пиджака и напевая про себя мотивы, льющиеся из притулившихся друг к другу вдоль каменистого берега трактиров и винных погребков. Хотя вряд ли ему удавалось расслышать мелодию в перемежающихся звуках шарманок, дудуки и доли.

По привычке шел он не спеша, но, свернув налево, у дверей трактира Чракуа вовсе замедлил шаг и устоялся на висящий сверху разрисованный фонарь. Издали его почти не было видно, да и вблизи, тускло горящий, он не слепил глаз. Стекла фонаря изнутри были покрашены белой краской, и сквозь них лился матовый ровный свет желтой, как яичный желток, лампочки. А рисунок на будто бы затуманенном фонаре казался удивительным. На левом боковом стекле был нарисован большой глаз с черным зрачком и отважно прорисованным верхним веком, так что эта отчетливая черная линия оставляла впечатление, будто глаз окаймлен частым веером ресниц. Рисунок был очень красив и вовсе не походил на бездушную пачкотню какого-нибудь горемельца, что висит у порога каждого трактира или вин-

ного погребка. Остановившийся под фонарем Нико положил обе руки на затылок и поднял голову. Потом осторожно отступил на несколько шагов, вышел на мостовую и стал посреди улицы. Теперь он рассматривал лобовое стекло фонаря, на котором были изображены контуры двух перекрещенных винных рогов, а между ними виноградная гроздь с золотистыми крупными ягодами, прикрытыми наполовину листком. Поначалу он хотел нарисовать нечто совсем иное, но хозяин трактира настоял-таки на своем. При звуках приближающегося экипажа Нико вернулся на тротуар. Еще раз окинул взглядом светящийся фонарь. С грохотом промчался мимо фаэтон. И сквозь цокот копыт почудился ему на миг заглушивший звуки музыки окрик — «Эгей, граф!» — и мелькнули обращенные к нему из коляски лица. Один, сидящий спиной к облучку, даже привстал и замахал рукой. Нико даже не шелохнулся, словно не слышал оклика, даже не проводил взглядом фаэтон, который то возникал в освещенных полосах света, то вновь тонул во мраке. Только подумал: «Кто-то узнал меня... Еще бы, меня многие знают! Вот давеча те юнцы мне сказали — ты, мол, в самой Франции известен! Уж и не знаю, верить ли? А впрочем, чего только не бывает на свете!» Нико еще раз оглядел фонарь, затем обошел его с левого боку. «Чей же взгляд напоминает мне этот глаз?» — наивно подумалось ему, будто он и вправду забыл ту красавицу.

В задумчивости Нико на миг закрыл глаза, пригладил левой рукой всклокоченные волосы и направился к трактиру. Но, не сделав и трех шагов, вернулся и вновь уставился на фонарь. При тусклом свете фонаря его лицо было осенено какой-то потусторонней белизной, к тому же он уже третий день не брился, и оно казалось еще худее, чем на самом деле. Но во внезапно ожившем взгляде этого усталого человека было столько тепла, и с такой любовью глядели на рисунок его большие, влажные глаза, что можно было только диву даваться! Он не отвел взгляда от того фонаря до тех пор, пока не заломило шею. Затем вновь сунул руки в карманы куцега пиджака и, понурив голову и пошатываясь, сделал несколько шагов. Внезапный грохот вернул его к действительности. Он огляделся и заметил мятущиеся

за окнами трактира тени. Явственно слышались звуки дудуки. По коротким отрывочным возгласам понял, что собиралась расходиться какая-то изрядно подвыпившая компания... Нико махнул рукой и продолжил путь. Ворота протяжно заскрипели. Во дворе было гораздо темнее, чем на улице перед трактиром. Лишь льющийся из узкого окна свет рассеивал кромешный мрак, освещающая путь.

Он постарался все же оглядеться по сторонам и, низко потупившись, направился к двухэтажному строению. На первом этаже в стойлах царило спокойствие. Как видно, приехавшие из деревень крестьяне хорошо наторговали нынче, подались восвояси. Еще вчера, да и сегодня утром, здесь был страшный шум и гам — бляели козы и овцы, кудахтали куры, взвизгивали поросята, где-то мычала корова. Можно было подумать, что городской базар перенесли сюда, во двор трактира Чракуа. По субботам, накануне базарного дня, здесь вечно сумятица. Затем вновь наступает спокойствие, нарушаемое звуками шарманки, грохотом доли и нескончаемым пением пьяных голосов. Нико подошел к лестнице. Поднявшись на первую ступеньку, остановился, ухватился рукой за тонкие перила и покачнулся, взмахнув другой рукой в воздухе, — испугался, что расшатанные перила не выдержат и он упадет. Припомнилось ему и то, что в середине лестницы одна из ступенек проломлена. Поднявшись на узкую веранду, он заглянул в комнату. Здесь все было ему знакомо как свои пять пальцев, но он все же на миг задержался на пороге... Комната была едва освещена коптилкой. Вокруг на нарах вповалку лежали люди. Воздух был спертый, ощущался запах гари, даже в полутьме была видна летающая по комнате копоть. Обычно, если не удавалось на время устроиться на ночь к какому-нибудь духанщику, Нико за гривенник ночевал здесь, в «гостинице» Чракуа. Если ему подавали бесплатно еду и водку, он упрямо платил хозяину за ночлег. В других местах же и за четыре гривенника только пускали на порог, не то чтобы отвести отдельную комнату; хотя, по правде, там укладывали в постель и можно было хоть выспаться по-людски. Здесь же, в этой довольно-таки просторной комнате, вдоль трех стен стояли необструганные деревянные

нары. И в будни тут было не продохнуть, а уж в субботу и воскресенье подавно. Протиснуться меж лежащими на нарах можно было лишь с великим трудом, разве что кто-то сжалится над тобой и потеснится. Вот и в этот воскресный вечер тут было битком набито всякого люду. Нико поначалу было даже подумал убраться отсюда, авось, мол, какой-нибудь из духанщиков-соседей пустит переночевать, но поленился идти куда-либо еще, устал. Он переступил порог. Прошел мимо спящих мертвецким сном. Кто-то заворочался. Нико остановился. Заметил сложенную бурку рядом с каким-то, судя по одежде, горцем и подумал, что было бы хорошо, если бы хозяин освободил для него занятое своей буркой место. Нико наклонился и потрепал спящего за пальцы ног. Носки показались ему мокрыми. Даже в тусклом свете коптилки заметил Нико, как сверкнули белки глаз разбуженного горца, который поначалу поднял голову, потом резво приподнялся и, опершись на локти, тихо, но гневно спросил:

- Ты кто такой? Что тебе нужно?!
- Браток, это твоя бурка?
- Чьей же ей быть?
- Ты не уступишь мне...
- Что? Бурку?
- Нет, не бурку. Место.

Горец посмотрел на лежащего рядом, но тот еще не отошел ото сна и не понимал, что происходит вокруг. Затем вновь перевел взгляд на незнакомца и спокойно произнес:

— Чем же это местечко тебе приглянулось? Если поместишься...

— Помещусь как-нибудь... Не толстяк...

Нико стоял спиной к коптилке и казался лежащему перед ним человеку еще худее, чем был на самом деле...

Горец сложил свою бурку и положил на лежащие под головой хурджины и чувяки. Нико протиснулся на нары. Горец чуть пододвинулся, и Нико улегся на спину, даже ноги вытянул, заложил руки за голову и наконец-то облегченно вздохнул.

Облокотившись на свое высокое изголовье, горец усмехнулся, глядя на него, и Нико улыбнулся ему в ответ. «Интересно, чему он смеется?» — удивился он.

— Эй, дружище, как это ты умудрился так отощать, словно целый месяц и крошки хлеба в рот не брал?

Нико ничего не ответил, только подумал: «Главное, чтобы голова была в порядке. Тело — это труп. А жирный труп стократ омерзительнее тощего».

— Хоть бы видел себя, когда возник у меня над головой, — немного помолчав, продолжил горец, — ну, настоящий призрак. Даже лица не видно было... А ты вон, оказывается, какой симпатичный!..

Нико отвел взгляд и уставился в стену, смущенно улыбаясь.

— Тебя как звать?

Нико вновь посмотрел на него.

— А я думал, ты узнал меня...

— Как я должен был тебя узнать?

— А тебя как зовут?

— Меня — Кавтар! — гордо ответил горец. — А это вот брат мой, Ианвараи.

— Ну а меня зовут то Нико, то Никала, а когда и «графом» величают, кому как заблагорассудится...

— Ну а на самом-то деле ты кто, откуда родом?

— На самом деле? На самом деле я — Нико Пироманашвили. Кизики, слышал такое местечко?

— А как же.

— А Мирзаани?

— И это слышал.

— Ну вот, из этого самого Мирзаани я и есть... Ух ты, началось нашествие, — вдруг воскликнул он, потирая при этом шею. Затем понюхал ладонь и вновь продолжил: — Это он...

Горец поглядел на него удивленно.

— Кто — он?

Нико дал понюхать ему ладонь.

— Клоп! Будь они неладны. Там, в горах, нас блохи заедают, ну а здесь — клопы.

Но Нико уже забыл и о клопах, и о Кавтаре, и о Мирзаани, и о всех, кто спокойно посапывал вокруг или громко храпел... Забыл тотчас, глянув на кувшин и коптилку. У противоположной стены на низком столе стояли рядом коптилка и кувшин с водой. И разве можно

после хорошего вина удержаться от глотка воды?.. Куда ему было идти в эту ночь? Когда пламя колебалось, виляя длинным серым хвостом, то и блики на кувшине странно искажались, то увеличиваясь, а то и вовсе исчезая. Нико невольно вспомнил «Медведя в лунную ночь». И внезапно вскопчил, подбежал к столу, выдвинул кувшин, а коптилку поставил поглубже, отошел на два шага — кувшин уже полностью скрывал коптилку, зато она равномерно высвечивала сзади кувшин, и его туловище казалось теперь ровным черным пятном.

Ианвараи посмотрел на брата, затем подвинулся к нему и зашептал в ухо:

— Поначалу он казался пьяным, а теперь боюсь, что он сумасшедший.

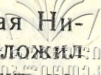
— С чего ему быть сумасшедшим? Свет бил в глаза, вот он и затемнил его.

Нико вновь улегся. Потом, спустя время, неожиданно извинился перед Кавтаром, заложил руки под голову и уставился долгим взглядом на кувшин. Ему очень нравились освещенные таким образом предметы, хотя он и не знал, что этот эффект называется контражуром, ему и не надо было знать это. Он хотел уснуть, но освещенный кувшин не давал ему покоя. «Эх, кабы мне сейчас кисть и краски», — подумал он и внезапно хлопнул себя ладонью по лбу. Кавтар раздраженно воскликнул:

— Что, опять клоп?

— Да нет, какой еще клоп? — ответил Нико. — У этого сумасбродного Михака остались все мои инструменты, даже кисти из Багдада где-то посеял...

Нико еще несколько раз вставал и вновь ложился. И сам не мог уснуть, и у соседа сон прогнал. Достаточно ему было бросить взгляд на освещенный коптилкой кувшин, как он тотчас успокаивался, его больше не мучала обида из-за потерянных кистей, и он думал лишь о том, каким образом воспроизвести на черной клеенке двойник этого кувшина. Несколько движений кистью — и кувшин со своей мимолетной светотенью заживет совсем иной жизнью, и Бог весть, сколько она продлится... Но, терзаемый обидой за потерянные кисти и изнуренный мыслями о будущей картине, он наконец-таки уснул. А Кавтар все еще бодрствовал. Сон окончательно покинул его. «Никогда еще не встречал такого челове-

ка», — думал он, то и дело исподтишка оглядывая Нико. Нико спокойно похрапывал. Когда Кавтар подложил под голову бурку, оказалось, что он скорее сидит, нежели лежит. Во сне Нико положил руки на свои худые ноги. Окна были открыты, и если одетому в шерсть горцу прохлада сентябрьской ночи была нипочем, то Нико то и дело во сне так потирал руками ноги, что было очевидно, что он мерзнет. Кавтар заметил это. И наконец сообразил — чтобы лечь пониже и к тому же уважить этого странного, но доброго человека, взял с изголовья бурку, сложил ее в длину и укрыл одной полдой Нико. Тот во сне ничего не почувствовал. Лишь несомненно ощутил неожиданное тепло. Вскоре и Кавтар уснул крепким сном, так что даже не проснулся на крик хозяйского черного как смоль петуха с красным гребешком. Угревшийся в тепле Нико под утро озяб и проснулся, с трудом разлепил веки и удивился, что, кроме него, на нарах в комнате никого не было. Все уже разбрелись кто куда. На нарах лежало сено. Крестьяне пользовались оставшимся от корма сеном как подстилкой, и по сравнению с другими им было спать и мягче, и теплее, и рано поутру бока спросонок у них ломило не так, как у остальных.

Для Нико эта ночь была мучительна. То и дело его будили чей-то сдержанный кашель или неумолчный храп, хотя, признаться, он давно уже привык ко всему этому. Да и звуки той шарманки и дудуки всю ночь стояли у него в ушах, словно писк сотни комаров. Кажется, музыка утихла к рассвету, но чад от коптилки был еще более невыносим для спящего человека. И разве только чад? Все в ночлежке спали одетыми. Собственная одежда служила им и тюфяком, и одеялом. Многие разулись, подложив сапоги и чувяки под головы.. И воздух пропитался запахом потной одежды и кожи.

Все на чем свет стоит проклинали хозяина трактира, но в ночлежке и на следующую ночь негде бывало упасть яблоку. И во всем повинен двугривенный. Двугривенный одурачивал, двугривенный манил, двугривенный вынуждал бедняков коротать ночь на жестких досках.

В комнату вошла уборщица, полная русская жен-

щина. В одной руке она держала швабру, в другой ведро с водой.

— Ты еще здесь, граф? Ну и любишь же поспать!

Сидящий на краю нар Нико потер ладонями лицо, словно намыливая его, затем пригладил волосы худыми, длинными пальцами и ответил:

— Э-э, да разве тот, кто любит поспать, ступит за этот порог?!

Уборщица внимательно оглядела Нико, затем от души расхохоталась.

— Граф, на кого ты похож!.. Жаль, нет у меня с собой осколка зеркальца, дала бы тебе поглядеть!..

Нико стало обидно от ее смеха, он вдруг выпрямился, отряхнул ладонями пиджак.

— А сама-то на кого похожа! — с опозданием ответил он и собрался уходить, но женщина преградила ему путь шваброй.

— Ну ты и горяч! Что я тебе плохого сказала? Ведь добра желаю. Знаешь, какой ты чумазый? Таким замарашкой даже наш Прохор-трубочист не ходит!..

Нико посмотрел на нее с удивлением и даже благодарностью.

— Да? А что ты хочешь, всю ночь чадила эта чертова коптилка. А знаешь, какой черный цвет получается, если растереть эту копоть в масле. Ах, если бы ты знала, как он молил вчера — нарисуй, мол, меня, нарисуй!

— Это кто же?

— А вот он... Кувшин. Знаешь, как он был освещен!.. Эх, но откуда тебе это знать, — Нико еще раз взглянул на нее и убедился, что с этой толстухой говорить о живописи совершенно бесполезно. Потому и прервал свою речь столь отчаянно. — Эх, да что с тобой разговаривать! Давай, сделай-ка доброе дело, позволь мне умыться над твоим ведром. Если ты про кувшин не поняла, должна хотя бы понять, что Нико Пиросманашвили не может выйти на улицу с вымазанным копотью лицом... Этим мерзавцам большего и не надо, сколько чокнутых все же на белом свете! — он схватил кувшин за горлышко и потряс... Воды осталось столько, что как раз хватит помыться. — И вправду, не выходить же на улицу в таком виде, весь мир меня знает!..

Уборщица молча приняла у него из рук кувшин. Даже ей было известно, что «графа» в городе знает каждая собака.

— А без мыла разве смоешь копоть?

— Это ведь всего лишь копоть, а не масляная краска... Наливай.

Нагнувшийся было Нико внезапно выпрямился. «Наливай вина — и выпьем, выпьем, чтоб оно пропало! — И пойдет прямой дорогой мир, бредущий как попало!»*

Уборщица удивленно взглянула на него, но промолчала. Она слышала о том, что Никала человек со странностями, и сама имела возможность убедиться в этом. Да и второго такого честного и доброго человека она в жизни не встречала.

Нико всласть умылся и поблагодарил уборщицу. И вежливость его пришлась ей по душе.

— Гордый ты человек, да и цену себе знаешь, а обзавелся бы семьей, и вовек тебе бы цены не было.

— Э, для некоторых все на свете легко, вот как и языком трепать — и семьей обзавестись, и детьми, и.. человека убить!.. А меня словно бес попутал... Э, да разве ты поймешь?

Вместо того, чтобы обидеться, она лишь скорчила рожу.

— Это... Как ее звали? — она приложила палец ко лбу.

— Что с тобой разговаривать! Тебе бес лишь в женском обличье видится... Дай Бог счастья моему бесенку!.. Вот его след! — Нико глянул на свои брюки — пятна каких только красок не были насажены на них — зеленой, синей, желтой, красной..

Нико быстро вышел из комнаты. Гордо выпрямившись, спустился по лестнице. Шаткие перила вновь при каждом шаге навевали на него таинственный страх.

В этакую рань во дворе трактира суетились лишь половые да ученики. Один из них прямо под носом у Никалы пронес голову и ноги только что освежеванной овцы. Чтобы не упала, мальчик придерживал голову по-

* Стихотворение Важа Пшавела «Застольная» цитируется в переводе А. Тарковского.

дбородком. Никалу пробрала дрожь при виде такого зрелища: он не выносил вида крови. Чуть поодаль кошка старательно облизывала брошенный у пня топор. Там отрубали головы курам и индюшкам. Нико отвел взгляд и посмотрел в дальний угол двора. Там, вокруг акации, было огорожено пространство размером в сажень. Кого только нельзя было иногда увидеть в этой загородке — и теленка, и овцу, и козу. Чакуа держал там купленных у крестьян животных, прежде чем заколоть их... Случалось, что прямо-таки разрывал слух визг закланных поросят.

Теперь же Нико бросились в глаза рога какого-то животного и наостренные высокие ушки. Нико с интересом стал приближаться к дереву медленным шагом. Отчетливо разглядел между кольями большой черный зрачок. «...Никогда еще не видел подобной косули... Она и вправду создана самим Господом Богом... Может, я во сне?» Нико зажмурился и тотчас широко раскрыл глаза, остановился в двух шагах от частокола. Косуля по-прежнему стояла неподвижно, словно в оцепенении глядя даже не на Нико, а куда-то в пространство. В черных зрачках ее сверкали отблески света, которые тотчас привлекли внимание Нико. Перед косулей лежала свежескошенная трава, но, судя по всему, она даже не притронулась к ней. Она несколько раз вздрогнула, отгоняя мух, мотнула головой, и когда вновь жалобно и печально глянула своими большими глазами, Нико словно громом поразило. Он провел рукой по голове, затем, словно слепой, протянул руки и подошел к ограде.

Косуля в страхе, хромая, отпрянула от него. Нико заметил запекшуюся кровь на ее задней голени. «Бедняжка, она ранена», — подумал Нико, сорвал зеленую веточку, просунул голову между прутьями и протянул ветку косуле на раскрытой ладони. Косуля повернула голову и ущипнула листочек. Нико ощутил на ладони такое горячее дыхание, словно его обдало паром из снятого с огня котелка. Затем он коснулся шеи косули под ее подбородком и почесал. «Какая у нее, оказывается, жесткая шерстка...»

Сердце Нико наполнилось жалостью и одновременно отрадой. Он не зря тратил время. Теперь уже жадно

приглядывался к странно изогнутым, совсем еще молодым рогам, к кокетливо наостренным, длинным, изящным ушкам, к огромным зрачкам, словно обведенным по краям черной как смоль канвой и с белой, словно из шелкового полотна, сердцевинкой, неподвижным, но полным бездонной печали. Восторженную и удивленную улыбку вызывала у него ее черная мордочка с белой, отчетливо выделяющейся канвой вокруг подбородка, ее изящная шея, грудь... А это что же? Странное, белое, похожее на клеймо пятно на крупе. Белая полоса пересекала по всей длине брюхо животного.

Нико обеими руками вцепился в колья, прислонился к ним на миг лбом и закрыл глаза. Горькая догадка пронзила его — «Завтра, в это время, столь прекрасное животное уже небось простится с жизнью...» Нико поднял голову... Еще раз окинул косулю жадным взглядом от мордочки до крупа. «Господи, не гневайся на меня, но должен потягаться с тобой в мастерстве. Вот только... на клеенке! Или тогда я не Пиросманашвили...» Внезапно еще одна мысль озарила его сознание, и... Он еще раз всунул голову меж колеьев, заглянул в глаза косуле, глядел долго, затем резко дернулся назад. В спешке не сумел ловко высунуть голову сквозь колья и больно поранил ухо. Но ему было не до этого, всем существом он уже предался охватившему его порыву. «Хоть бы повар был здесь», — не успел он это подумать, как столкнулся с ним в дверях трактира.

— Что с тобой, мил человек! — спокойным тоном сказал ему высокий дородный повар. — Хорошо еще, что нет у меня в руках котелка с супом, а то и кипятка для ошпаривания кур...

— Малакия, а чья это косуля?

— Косуля? Та, что в загоне? Так и знал, что понравится тебе! Вчера Чракуа купил у пшавов.

— И что?

— Что — и что? Зарежем ее... А шашлык и тебе достанется.

— Да погоди ты! Какой еще шашлык! Глядя на нее, мне кажется, теперь и вовсе к мясу не притронусь!

— Ну, ежели ты к мясу не притронешься... — повар захихикал. — И не таких забивали... А молочных

ягнят тебе не жалко, когда наш Степко вонзает в их шейки длиннющий, как змеиное жало, нож...

— Да погоди... Что ты несешь? Скажи лучше, сегодня зарежете или нет?

— Не думаю, чтобы сегодня! Иначе все припасенное мясо испортится. Все захотят шашлыка из косули. А то, как знать, чудака прицепится какой-нибудь, мол, плачу хоть сто рублей, только украсьте мое застолье шашлыком из этой косули!

Нико поднял голову и поглядел на повара полными страха глазами.

— Ну да! — Нико вновь понурил голову, сложил руки на груди и задумался. Выхода он не видел. Малакия лишь окинул его взглядом, повернулся и пошел своей дорогой. Нико вдруг очнулся, захолопал глазами, словно человек, вышедший из темноты на яркий свет, и окликнул повара:

— Малакия! Ты даже выслушать по-людски не можешь!

Малакия обернулся и с улыбкой ответил обиженному Никале:

— А ты спроси, где у меня время ляды точить?

— Вот и спрощу!.. Чракуа в трактире?

— Откуда мне знать? Вчера еще взъярился и сегодня с утра бесится. Говорил половому — если проедет пролетка, останови, в полицию, мол, поеду... Кузькину мать, мол, покажу этому Микичу...

— Микичу! Они же с Чракуа не разлей водой были, и...

— Вчера повздорили... А потом Микич схватил бутылку шампанского и выбежал вон. Вдруг раздался такой грохот, будто в трактир молния ударила. Оказывается, этот верзила той бутылкой швырнул в фонарь над входом, в тот самый, что ты разрисовал.

— И что? — спросил Нико.

— А то, что фонарь наутро нашли в сточной канаве, а вдребезги рассыпавшиеся стекла валялись на пороге.

Вдруг за спиной Нико раздался знакомый голос Чракуа:

— Эх, надо же иметь такое счастье!

Нико вздрогнул. И от обиды, что вчера разбили раз-

рисованный им фонарь, и от того, что так неожиданно раздался за его спиной голос человека, которого он хотел бы увидеть. Обернувшись, он увидел, что Чракуа стоит на пороге черного входа в трактир, подзывая его указательным пальцем протянутой руки.

Нико спокойно приблизился к этому тучному, словно пугало, человеку. Издали поздоровался с ним и даже пожал ему руку, потому что трактирщик по-прежнему держал свою протянутой. Этот коротышка-толстяк, похожий на пузырь, еле дышал, и на его оплывшем лице явственно вырисовывались черные, густые, будто приклеенные брови и усы. От полноты, казалось, даже глаза его заплыли.

— Никала, знаешь, как я рад тебя видеть! Смотри-ка, стоит только захотеть, и все у меня сбывается!

— Чем обязан я твоей радости?

— Пожалуй-ка в трактир... Ты же гость мой, а не какая-нибудь голь перекатная, чтобы стоять на пороге! — толстяк довольно-таки резво засеменял по узкому темному коридору и, войдя в зал, окликнул полового: — Ну-ка, подать Никале водку, да с соответствующей закуской!

Половой, уважив хозяина, одарил Нико такой теплой улыбкой вместе с наполненным до краев стаканом водки, будто вся его судьба зависела от этого человека.

Никала не проронил ни слова. Только растерянно пожал плечами и с жалостью подумал: «К чему мне с утра бередить желудок и туманить разум, была бы у меня кисть в руках, еще ладно...» и осторожно поднял приподнесенный ему на ладони стакан... Поднеся к подбородку, он придержал его и другой рукой и, не поворачивая головы, внятно, произнес:

— Пусть только радость царит под этим кровом!

— Вот молодец! — захихикал трактирщик. Нико единым духом опрокинул стакан... Выпивать водку Никала был такой же мастер, как и рисовать кистью. Он слегка съежился, спрятал на миг голову в плечи и поставил стакан на прилавок. Там же на тарелке лежали для него рыба и испеченный в тонэ хлеб. Нико рукой дал понять половому, что закусывать не станет, и обернулся к трактирщику:

— Слушаю!

Чракуа энергично и смешно размахивал руками,

тем самым желая продемонстрировать Никале свое к нему уважение, провел его на улицу.

— Видишь! — указал он на валяющиеся у порога осколки и покореженный каркас фонаря.

Нико нагнулся и поднял осколок шириной в палец. Он узнал нарисованное собственной рукою веко.

— Бог с ним, с фонарем, — произнес трактирщик, — но такое безобразное отношение к твоей работе я не прощу и городовому, не то что этому ослу Микичу... Надо же мне было не найти вовремя тот аршинный шампур, а то проткнул бы им его печенку, как шашлык... — трактирщик вытащил длиннющий платок, отер пот со лба и подбородка, затем старательно сложил платок своими пухлыми, словно без фаланг, пальцами и засунул в левый карман.

— Ну да ладно. Что было, то было. Кузнец мне к полудню новый фонарь принесет, вставлю стекла, и, Никала, сделай доброе дело, распиши мне его еще разок, ну, как тогда, помнишь, что там было нарисовано!..

Нико горько усмехнулся. Он по-прежнему думал о том фонаре, к которому приглядывался вчера, все виделся ему тот глаз..

Трактирщик с удивлением посмотрел на него и повторил свой вопрос:

— Помнишь, говорю, что там было нарисовано?

— Помню, конечно... Я согласен... Только... — Нико замолчал и посмотрел на Чракуа молящим взглядом. Тому не понравилось, что Нико колеблется, и он еще больше покраснел в страхе, что Нико откажется.

— Что значит «только»? Разве случилось так, чтобы мы не договорились?

— У меня тоже есть просьба.

— Ух ты! Все для тебя сделаю! Разве я хоть раз тебя обидел? — духанщик подбоченился и огляделся по сторонам.

— Вот ту косулю, — Никала заглянул Чракуа в глаза, — которую тебе продали пшавы..

— А я-то думаю, какая такая у него просьба, — расплылся в улыбке трактирщик, потом почесал затылок и покачал головой. — Значит, она тебе приглянулась? Хочешь нарисовать для меня? Только знай! Не на стене. На клеенке я согласен, куда хочу, туда и повешу..

— Конечно, нарисую! Что ни попросишь, все сделаю! Только... Знаешь что? Не закальвай ее!

Трактирщик резко опустил руки, замахал и воскликнул:

— Так что ей — сдохнуть? Не видел разве, что она ранена?!

— Ну что ты такое говоришь! С чего ей умирать? Ты только отпусти ее, а картин я тебе сколько хочешь нарисую.

Несколько растерявшись, трактирщик отеческим тоном упрекнул Никалу:

— Знаешь, что я тебе скажу? Нельзя быть таким сердобольным. Однажды ведь уже разорился? Если и я буду по твоему уму-разуму жить, как думаешь, что хорошего из этого выйдет?

Никала еще больше выпрямился.

— То я не своим делом занялся! А в своем деле мне ничего не страшно... Потому что люблю его и... И оно меня любит! Моей кисти все подвластно, ни одна тайна от нее не скрыта!..

— Ты что, не помнишь? Как ты любил Маргариту!.. Но и она тебе изменила!

При упоминании имени Маргариты — изменила, мол, — у Нико чуть было не помутилось сознание. «Изменила? Что вы понимаете? Если меня спросить, она приняла единственное правильное решение — убежала от грозящего ей ярма... В том-то и дело, что не изменила... Ни мне, ни себе самой. Своей женской природе. Она ведь не похожа на обычных домовитых женщин... Положим, мы бы поженились. Маргарита и семейный очаг? Маргарита и дети? Маргарита и стирка? Маргарита и швабра? Маргарита, как соловей, рождена для песни... Песня была и ее семьей, и детьми...»

Мысли о Маргарите вовремя заставили Нико замолкнуть, он не стал спорить с Чракуа. Если бы он вспыхнул при упоминании ее имени, то и на косулю мог тотчас рукой махнуть. А Маргарита так явственно предстала перед ним, так сплелись друг с другом ее взгляд и взгляд той косули, что ему и не различить их теперь. Большие, полные печали черные зрачки, разведенные в стороны руки, кокетливо изогнутая шея.

Он так же неожиданно успокоился, как и вспыхнул, и тихо сказал:

— Значит, нет?

— Согласен, — коротко отрезал трактирщик. —

— Десять картин, и я ее пальцем не трону!..

— Как десять? Хочешь, чтобы я надорвался?

— Ты же говорил... — начал было Чракуа, но поднятая в знак согласия рука Никалы заставила его замолкнуть.

Нико расправил плечи, вскинул голову и, ободренный победой, гордо и испытующе посмотрел на Чракуа.

— Даешь слово?

— Что значит — даешь? Я уже дал. А ты — хочешь бери, хочешь нет.

— Ладно. Тогда я пошел. У меня кирпичного не достает. И голубой понадобится. Как куплю, тотчас вернусь... — Он что-то вспомнил, слегка ссутулился и стал шарить руками в карманах своего куцега пиджака.

— Знаешь что? Одолжи мне рубль... А то вдруг... Элиоз не даст мне в долг.

Чракуа сунул руку за пазуху, достал засаленную кошну и протянул Никале рубль. Нико взял у него деньги и сердито или небрежно смял их в кулаке. Как он мог сказать Чракуа правду? Да и недосуг ему было покупать краски. И в трактирщикову клятву он не поверил. Он задумал отправиться в Дидубе, там он видел давеча владельца зоопарка, и просить его купить кошулю у трактирщика и показать всему миру. Дорого бы она ему не обошлась, ведь она была ранена. «А купит ли он такую?» — усомнился он.

Все время стояла у него перед глазами кошуля, пока он шел по улице быстрым шагом, однажды даже вслух произнес мучившие его мысли. «Эх, какими глазами смотрела она на меня», — затем вновь погрузился в свои раздумья. «Господь не наградил животных даром речи, но разве слова сравнятся с ее выразительным взглядом! И все же, каким взглядом она меня проводила! Неужто нужно быть Миндией*, чтобы разгадать пе-

* Миндия — герой народной легенды и одноименной поэмы Важа Пшавела, которому доступен был язык животных и растений.

чал в ее глазах? Знает ли эта бедняжка, что вся судьба ее нынче зависит от меня?»

Рев разбивающихся о набережную волн предавшегося мыслям о несправедливости мироздания Никалу к действительности.

Пиросманашвили шел по Горбатому мосту. Вскоре он подошел к ограде из колючей проволоки. Бродячий зоопарк уже снялся с места. Очень огорчился Никала. Даже какое-то подобие боли пронзило сердце, и, расстроенный, он так и не вошел во двор. Все и снаружи было отчетливо видно. Под огромным навесом осталось только две клетки со львами. А за навесом спокойно разгуливал на свободе жираф, странно вытянув в небо длинную шею. Нико узнал этого жирафа. Впервые он увидел его три года назад. «Смотри-ка, он еще жив». Одна клетка со львом стояла у самой кромки навеса, поэтому ее освещало солнце, и соломенная шерсть животного искрилась золотом. Вторая была в тени и на ней валялись сверху какие-то неприглядные тряпки. Из глубины ее грозно глядел старый лев. Этот контраст тотчас бросился в глаза Нико — сверкающая под солнцем шерсть и казавшийся лишь мрачным силуэтом старый лев. Лишь глаза животного сверкали желтизной. Нико пожалел его. Быть может, потому, что он был стар, ему было тяжело даже пошевелиться. В то время как тот, другой, без устали метался по узкой клетке, словно стараясь поймать кисточку собственного хвоста.

Нико вновь уставился на старого льва. «Бедолага!» — подумал он, и вдруг лицо его озарилось радостью и удивлением — «Какая хорошая мысль пришла ко мне! Если он на самом деле и не черного цвета, то душа его полна черноты!.. Давай-ка я нарисую черного льва! Ну а тот, другой, пусть будет желтым! Ему цвет солнца больше подойдет! Молод ведь, ему еще долго на солнце глядеть предстоит!» — Он призадумался на миг, потом оперся левой рукой о столб, к которому была прикреплена проволока.

— Ну и счастье же у меня! Что ни задумаю, все проваливается. — Столб неволью напомнил ему о перилах на лестнице трактира Чракуа. — Как бы из-за этих львов я не забыл о своей косуле?! — подумал он и,

словно только сейчас прозрев, заметил мелькнувшую вдали чью-то тень.

— Эгей! — позвал он.

Человек обернулся, но не стал слишком утруждать себя мыслями о незнакомце и продолжал катить в дальний конец загона свою полную мусора, навоза и всякого хлама тачку. Там он сбрасывал ее в яму и возвращался назад. Можно было только диву даваться его усердию. На обратном пути Никала еще раз окликнул его, хотя что он мог узнать нового — и зоопарк, и его хозяин уже снялись с этого места. Но тот странный низкий человек внезапно сорвался с места и направился к Пиросманашвили так, словно собирался ввязаться с ним в драку, размахивая руками и грозно поводя плечами. Приблизившись, он вдруг обильно высморкался, отер руку о штанину, ухватился обеими руками за колючую проволоку и молча уставился на Никалу слегка косившими глазами. И Нико сровнял с ним взгляд. Так молча и смотрели они друг на друга — Нико большими, добрыми, улыбающимися карими глазами, а тот неизвестный — черными, зло сверкающими и косыми. Голова его была столь широкой, что казалась расплющенной. И словно поэтому один его глаз был широко раскрыт, а второй — словно щелка и налит кровью. Привлекли внимание Нико и его огромные, вцепившиеся в проволоку кулаки, казавшиеся и вправду ужасно непропорциональными по отношению к его низкой, но крепко сбитой фигуре. Нико, признаться, даже поежилась под пристальным взглядом незнакомца, который так и не проронил ни слова. Вдруг, словно в знак того, что он хочет спросить у Нико, что ему здесь надобно, он оторвал правую руку от проволоки, быстро трижды помахал ею перед лицом и тихо, нечеловеческим голосом завыл. Нико ответил даже раньше, чем понял, что перед ним глухонемой.

— Я хотел видеть хозяина зоопарка..

Немой, казалось, догадался, о чем его спрашивали, и так взмахнул рукой, словно хотел сказать — это еще что за чудак выискался на мою голову. Непонятно разве, что зоопарк уже два дня назад уехал отсюда. Потом указал рукой на дорогу, мол, уехал и больше не вернется. И сам повернулся спиной к Нико, кото-

рый проводил его взглядом, свидетельствующим о том, что уродство немого вызвало в нем скорее любопытство художника, нежели страх. Глухонемой еще раз оглянулся с полпути, желая убедиться, по-прежнему ли стоит незнакомец у ограды, и, видно, удивился, что Нико так и не ушел и по-прежнему улыбался ему. Больше он не оглядывался на Нико, поспешно принялся за дело — стал бросать мусор на тачку, чувствуя себя в поднявшихся клубах пыли вполне естественно.

У Нико по-прежнему, словно видение, стояло перед глазами перекошенное лицо глухонемого, когда его внимание привлекла другая картина... К нему медленно приближался жираф. Он ступал осторожно, нерешительно, смешно качая маленькой головой на огромной, вытянутой, словно столб, шее.

«Эй, а не узнал ли он меня... Откуда ему знать, что я нарисовал его три года назад?»

Жираф остановился неподалеку, не разобрав, собирается незнакомец предложить какое-то лакомство или нет...

Правда, Нико был удивлен, отчего жираф глядел на него столь пристально и гневно, но вспомнил о том, что недосуг ему нынче думать о подобных вещах. Он еще раз взглянул на жирафа, затем помахал ему рукой и медленно, походкой усталого и удрученного человека пошел прочь. Немой, львы и жираф отвлекли его мысли, но он все же не мог забыть о косуле. Несчастье было не в том, что по-прежнему не оставляла его печаль по косуле, а в том, что он не в силах был больше ничего придумать... Даже если бы Чракуа сдержал свое слово, даже если бы Нико сегодня же передал бы ему десять картин, все равно это не спасло бы косулю... Сколько могли посетители трактира лишь сглатывать слюну, глядя на нее.

Уже издали он еще раз оглянулся. Оглянулся и оторопел. Жираф подошел к проволочной ограде, высунул голову и долго смотрел ему вслед, точно так же смотрел ему вслед, как он нарисовал его три года назад — зло и гневно. «Действительно, узнал», — подумал он и на этот раз твердо поверил в то, что жираф узнал Нико Пиросманашвили. Это было не удивительно. Животные запоминают человека, причинившего им и

зло, и добро. Впервые три года назад ведь именно здесь увидел Нико жирафа. Даже угостил его с позволения зрителя: купил у дворника новый веник и протянул жирафу. А когда Нико уходил из зоопарка, жираф счел его достойным своего внимания и — так долго и пристально глядел на него, словно хотел спросить, когда же он придет еще раз и принесет с собой веник... Их встреча и вправду состоялась спустя три года, но если встреча со старым знакомым навеивает разные воспоминания, то с жирафом Нико уже давно. что называется, «свел счеты». Сейчас он думал о косуле. Только ее судьба волновала с самого утра почему-то художника. И разве не ради нее он отправился в эдакую даль? Но... Ни зоопарка уже не было на месте, ни его владельца. «Это все судьба. Человек предполагает, а Бог располагает», — думал Нико. Он продолжал идти, но уже чувствовал, что пешком ему обратно не добраться. У железнодорожной станции решил дожидаться трамвая, доехал до площади Воронцова. При выходе из трамвая на площади нос к носу столкнулся с худошавым Мито, приказчиком торговца красками, который, не переводя дух, сообщил ему: — Никала, тебя Михака ждет, ох, как ищет! Всю набережную обыскали! Вчера, мол, мы должны были вместе кутить на Авлабаре, а он, мол, посреди самого веселья на глазах исчез из трактира и свои кисти на произвол судьбы бросил...

— Что ты говоришь! Нашлись мои багдадские кисти! Надо же! Ну, где видано! Я ищу кисти, а Михака, оказывается, ищет меня! Бросил! Ушел! А что мне было делать? Сначала пиво, затем водка, потом снова пиво, потом снова водка! Этот несчастный пил, как боров!.. Я ему не компания! Может, он и ему подобные мазилы и решили меня спить, чтобы потом и у меня, как у них, тряслись руки и ноги? Недосуг мне, правда, Мито? Откуда им знать, сколько чего еще мне надо нарисовать... Куда ни глянь, все так и просится на полотно... Вот и давеча... Знаешь, каких я видел львов? Черного и желтого!

— Черного?! — удивился Мито.

— Я его таким увидел! Скажи-ка лучше, куда он подевал мои кисти? Слушай, и как я мог их забыть!

Только и думал о том, как от них вырваться, разве до кистей мне было? А когда пришел в «гостиницу» Чракуа, только тогда и вспомнил про них. Хлопнул себя по лбу, но уже поздно было!.. А вот где я их забыл — в трактире или в магазине, где оставил до этого кисти и банки с красками, так и не вспомнил...

— Михака заходил к нам в лавку, я ему масляных красок отвесил — белую и голубую. Ему кто-то поручил выкрасить потолок в трактире, в недавний ливень его залило, тогда-то он и рассказал про твои кисти. Он их оставил у Шавнабада, он человек надежный, к тому же Никалу больше всех остальных чтит, у него ничего не пропадет. А до того Михака побывал у Чракуа. Тот и говорит — поручи кисти моему половому, Никала, мол, все равно сюда вернется, Михака говорит, нет, мол, не могу, если потеряете, мне платить за них придется.

— Удивляюсь я, ей-богу, не думал, что у Михака хватит на это сображения, — Нико пошарил в карманах. — Значит, говоришь, у Шавнабада мои кисти? Ну а ты... Вот... Возьми... На память! — он протянул Мито одолженный у Чракуа рубль. Мито ни за что не взял у Никалы деньги. Нико не ожидал этого. Долго еще держал он в протянутой руке свой рубль, до тех пор, пока Мито не прыгнул в тронувшийся уже трамвай. Нико проводил трамвай печальным взглядом и помахал рукой совестливому юноше. Потом глянул на стоящий на высоком постаменте памятник Воронцову, держащему в опущенной руке длинную шашку. Нико знал о том, что Воронцов был образованным человеком, и все удивлялся тому, почему же ему вложили в руки шашку. Почему русский царь напоминает о том, что с оружием в руках подчинили они Кавказ?..

...У Шавнабада в ту комнату, где хранились его кисти, Никалу не пустили. Во-первых, самого хозяина Шавнабада не было дома, и семья его тоже была в деревне, стояла пора сбора винограда. Нико не оставалось ничего иного, как ждать. Он присел в конце лестницы, ведущей на второй этаж. Ему надо было многое обдумать. Больше всего его, конечно же, волновала судьба косули. Он почему-то никак не мог избавиться от мысли, что ее обязательно зарежут. «С ума меня сведет

эта косуля», — то и дело шептал он, оглядываясь по сторонам.

Во дворе Нико заметил того слугу Шавнабада, который давеча не пустил его в комнаты — мол, гость хозяина поживает и тревожить не велено. Нико тихо окликнул его:

— Ваню, дружище, поднимись-ка ко мне на минуту, скажу тебе кое-что...

— Ты кого зовешь, дядя Никала?

— Тебя, кого же еще?

— Так меня же Сосо зовут!

— Сосо так Сосо.

Мальчик взбежал по лестнице.

— Чего пожелаете?

— Кто же это тебя так обчекрыжил? В Кизики и овец стригут аккуратнее...

Мальчик и вправду был на редкость уродливо пострижен.

— Ты что же это, Ваню, побойся Бога. Нет, Сосо! Где у меня время ждать? Когда еще вернется твой хозяин, и гость его, не знаю, когда глаза раскроет! А мне что прикажешь — ждать? Нет, я искренне благодарен за то, что так бережно хранятся мои кисти, но если я их вовремя не заполучу назад, то и держать их столько времени ни к чему было!

Мальчик задумал было молча уйти от него. Нико вовремя заметил это и схватил его за кушак.

— Ну что же ты, дядя Никала, не мог чуть пораньше прийти или попозже... Как это тебя так угораздило...

— Угораздило! Что же теперь делать?

— Подожди еще чуток. Гость этот не простой человек. Как взглянет, сразу колени подкашиваются. А хозяин разве что не молится на него. Уж и не знает, как его ублажить, чем угодить? Знаешь, где я рвал траву для его коня?

— Как его зовут?

— Фамилии я не помню. Но ты, по-моему, должен его знать!

— Кого только я не знаю! Ну, ты и скажешь! — рассмеялся Никала.

— Так, нет, говоришь? Сам же о нем и рассказывал... Это тот, кто написал рассказ о косуленке...

Пиросманашвили, услышав эти слова, тотчас вскочил со ступеньки и выпустил мальчика.

— Ты понимаешь, что ты сказал?.. Как давно я хотел его увидеть! — но удивление и восторг Никалы тотчас сменились сомнением. — Эх, поверил, как сущее дитя... И этот сопляк меня обманывает..

— Почему это я сопляк? Если вру... — от обиды мальчик весь набычился... Выражение его лица заставило Никалу поверить.

— Так это правда? — с сомнением спросил он. — Это и вправду он — Важа Пшавела?

— Да, он... Нет, дядя Никала, Шавнабада другое имя называл..

— Другое? — Нико задумался. — Лука? Важа Пшавела — это Лука Разикашвили.

— Да, Лука, Лука он, дядя Никала!

Нико еще на миг усомнился, задумался.

— А это вправду он? Ты ничего не путаешь? А если не он окажется?

— Да говорю же тебе, дядя Никала... Он это... Клянусь папой, Шавнабада все время его так называет! Ну хочешь, побей меня... Когда проснется, он выйдет, и ты его узнаешь! Знаешь, вот такой широченный меч висит у него на поясе! — мальчик прижал друг к другу мизинцы раскрытых ладоней.

Пиросманашвили вновь сел на ступеньку. Но заметил, что усидеть на месте ему было трудно — то и дело взгляд его устремлялся к той, крайней, комнате. Он нетерпеливо ждал, когда скрипнет дверь и на пороге появится Важа Пшавела... «Надо же, я познакомлюсь с Важа Пшавела... Он написал «Рассказ косуленка», и я ему расскажу о своей косуле... Может, он купит ее у Чракуа. Ну, я и замечтался... У него в горах небось полно этих косуль... Когда захочет, тогда и поймает! Но нет! Когда он увидит ее, раненную и плененную, то не вытерпит! А то вдруг не сговорится с Чракуа и обнажит свой меч!.. Да разве станет такой человек ввязываться в историю с каким-то там Чракуа!.. Все же скажу ему! Посмотрим, что он мне посоветует? Но нет! Нет, не смогу я ему сказать! За весь мир его печаль гложет, не хватало только из-за какой-

то несчастной косули печалиться? Одной косуле я и без него небось как-нибудь помогу...»

Мальчик улучил минуту, сбежал по лестнице и снизу окликнул Нико:

— Дядя Никала, смотри, не буди гостя, сиди сми-рно, не скрипи половицами, не то, от Шавнабада тебе ох как достанется!.. Вот скажет ему этот Лука, или как его там, мол, не дали мне у тебя покоя...

Нико рукой дал ему понять — будь спокоен.

Мысль о том, что рядом с ним, в соседней комнате, спит Важа Пшавела, вовсе лишила Никалу покоя, от малейшего шороха сердце его вздрагивало, и он никак не мог понять, почему же так взволновала его предстоящая встреча с Важа Пшавела. Когда раздался какой-то шорох, он решил, что Важа Пшавела сейчас появится на пороге, и привстал, собрался даже оправить свой костюм, но руки не подчинялись ему... В это время дверь слегка приоткрылась, и в щелке показалась сначала лапка, а затем и мордочка кошки. Она тихо мяукнула, прошла в щелку, беззаботно потянулась и направилась к ошарашенному Нико. Нико перевел дух и проговорил:

— Гляньте-ка на эту негодницу!.. Так что, гость проснулся и выставил тебя вон?

Кошка мяукнула и присела, подобрав лапки.

Приоткрытая дверь придала Нико силы, ободрила его, и он медленно подошел к ней. Держался он с таким достоинством, что можно было подумать, его нижайше просили пожаловать. Он прислушался. В комнате было тихо... Всего лишь раз отрывисто скрипнула тахта, и вновь воцарилось молчание. Не отходя от двери, Нико заглянул во двор. Вокруг никого не было видно. Улучив минутку, Нико осмелел, рискнул взяться за ручку двери и приподнял дверь вверх, чтобы она, не ровен час, не скрипнула. Слово тень проскользнул он в комнату.

В ней все было ему знакомо. В прошлом году вместе с Михака они красили здесь потолок и оконные рамы. Но сейчас после дневного света комната показалась ему чересчур темной... Он даже растерялся, не сумев ничего вокруг разглядеть, даже спящего гостя не было видно. Справа его внимание привлекла

струйка света, льющаяся сквозь прикрытые ставни. Он направился к ней. Окно оказалось всего лишь в каких-нибудь двух шагах. Нико чуть приоткрыл створки ставен, и комната вдруг озарилась светом. Нико теперь чувствовал себя неопытным вором, казалось, что он пробрался сюда, как незадачливый вор, а вовсе не для того, чтобы посмотреть на поэта. Важа лежал как раз напротив окна, на стоящей у самой стены тахте. В комнате раздавалось его могучее, но неровное дыхание. Нико сделал еще пару шагов, вышел из полосы света, встал за ставнями и пригляделся к спящему.

Пола чохи Важа свисала с тахты. Правую руку Важа заложил под голову, а левая же, полусогнутая, лежала на рукояти висящего на поясе меча. Чоха на нем, должно быть, черного цвета. Свет тускло освещал его грудь, и почти неразлично, синий или зеленый был на нем ахалухи¹. Он лежал лицом вполоборота к стене. Спадающие волосы скрывали его широкий лоб. В глубоких глазницах лежала тень. Нико, словно замороженный, остановился шагах в пяти от спящего и пристально уставился на него. Он все еще не пришел в себя. Все происходящее казалось ему сном, и в глубине души он гневался на себя за то, что рискнул войти в комнату. «Да, он, конечно, мог бы написать и «Бахтриони», и «Гость и хозяин», — подумал он и пошевелил пальцами безжизненно повисшей холодной руки. Смирившийся было с судьбой, он вдруг ощутил себя свободным, вольным, отважным. Какие строки приходили ему на ум?

«Удалой боец не может видеть смысл во всяком вздоре!» Или — «Почему я создан человеком? Почему, исполненный красоты, В сонме туч, в высоком мире неком, Не рожден я капелькой росы»². И тут Пиросманшвили вдруг пробрала дрожь и на глаза наверну-

¹ Ахалухи — мужская национальная одежда в виде сорочки надевается под чоху.

² Цитаты соответственно из стихотворений «Застольная» (пер. А. Тарковского) и «Почему я создан человеком» (пер. Н. Заболоцкого).

лись слезы. Никак не мог он понять, какая сила заставила его сделать эти пять шагов к спящему... Подойдя к тахте, Нико опустился на одно колено, дрожа всем телом, взял в руки свисающую с тахты полу чохи... и поцеловал ее.

Нико помнит, как он поспешно и растерянно вскочил, не сообразив поначалу, где находится дверь. Он очнулся, лишь когда в глаза ему ударил льющийся в приоткрытые ставни свет, и быстро огляделся по сторонам... Сам же удивился своей суетливости, словно это и не он был вовсе. Куда подевались спокойствие и величие, за которые его и окрестили «графом». Он ни на миг не забывал слова того безобразно остриженно-го мальчика — завернутые в платок кисти лежат на низком стуле у среднего окна. В полутьме он пошарил рукой под подоконником... Прав оказался парнишка. Он тотчас нашел кисти и, прежде чем выйти из комнаты, не сдержался и еще раз пристально и внимательно посмотрел на Важа Пшавела. Только сейчас он заметил, как билась у него на шее жила. Нико прижал правой рукой к груди сверток с кистями и вышел из комнаты, не отводя от спящего глаз. Когда он закрыл за собой дверь, все происшедшее минуту назад уже стало для него тайной, оставшейся в той полутемной комнате, могильную тишину которой нарушало лишь дыхание Важа. Выйдя на свет, Нико подумал, что все происходящее он и вправду видел лишь во сне.

Он медленно спустился по лестнице. В глубине души поблагодарил Господа за то, что во дворе никого не оказалось. Но проходя через арку низких ворот, он вдруг услышал слабый голосок — «Дядя Никола...»

Нико растерялся и, не найдя иного выхода, остановился.

— Уходишь? — вновь раздался знакомый голос мальчика. — Уходишь, дядя Никола?..

Нико не выдержал, повернулся и рассерженно прокричал:

— Не видишь, что ли? Ухожу я, ухожу! — и вышел.

Избавившись от мальчишки, он вздохнул с облегчением. «Пооди объясни ему, почему я ухожу... По чему не подождал, когда вернется хозяин и когда проснется Важа Пшавела, чтобы забрать свои кисти. Эх, судьба у меня, видать, такая! Я видел спящего Важа Пшавела... Эх, добраться бы мне до клеенки! Ишь ты, возомнил о себе! С кем равняюсь! Он — Важа Пшавела, а я всего лишь Нико Пиросманашвили», — Нико вдруг приостановился, задумался и усмехнулся. Потом расправил плечи, оправил пиджак и гордо огляделся по сторонам — «А почему бы и нет! Не так все и плохо! Но, знаешь что, скромность все-таки предпочтительнее! Готов об заклад биться, если Важа обо мне спросят, он скажет, что кисть Пиросманашвили не уступит моему перу! Давайте скажем, положи руку на сердце, ведь и вправду не уступит?..» Нико расслабился, понурил голову и как-то стыдливо захлопал глазами.

«Эх, знать бы, что со мной происходит... Ведь правду говорят, что Нико Пиросманашвили гордец.. Даже «графом» нарекли... Я и сам не хочу, но то ли бес, то ли ангел все время заставляет меня задирать голову... Ты, мол, большого о себе представления... То и дело бросают мне в лицо упрек эти бездарные мазины... А, собственно, почему бы и нет? Не будь у меня такого о себе представления, я и не был бы тем, кто я есть. Потому и держусь гордо, а не из-за ложной спеси, которой предаются все, кто горазд! Видите, до чего я додумался... Какие мысли навлекли на меня строки Важа. Где это слыхано? Словно исступленный мольщик, облобызал полу его чохи... Ну и что, ведь не на виду у всего мира... Ни Важа Пшавела, ни кто другой про то ничего не знают. Если бы он видел, мог бы подумать, что я лицемерю. А так ничто не ущемило мое самолюбие. Некрасиво так поступать на виду у всех... И все же интересно, отчего так бьется у меня сердце?»

Погруженный в раздумье, он прошел около двухсот шагов и даже миновал трактир Чракуа. «Ух ты, что это со мной сегодня...» — подумал Нико и вернулся. При виде трактира Нико тотчас представил себе его толстяка хозяина, но это видение тотчас исчез-

ло, когда он вспомнил о косуле. «Ничего, что мне не удалось застать хозяина зоопарка... Все равно Чракуа от своих слов не откажется. А я пока что нарисую ему одну-две картины... А потом, станет он гневить Бога и отказываться?! Но ведь он просил десять! Ну и в историю втянула меня эта косуля? Лучше было вчера переночевать где-нибудь в другом месте? Пусть даже в чистом поле...»

Нико заметил, что по лестнице трактира сновали какие-то люди. Кто-то собирался устраиваться на ночлег, кому-то, по-видимому, здесь пришлось не по душе. И половые как-то слишком рьяно суетились по двору. Никто из повстречавшихся Нико даже не взглянул на него, кто потупился, кто вовсе отвел взгляд, они словно не замечали его, занятые делами. Нико пожал плечами. Правда, он в душе осудил их, но до того ли ему сейчас было. В другое время стоило ему только показаться, как они тут же начинали трепать языком. Теперь же все, словно обиженные, отворачивались от него. Нико продолжил путь. Он гордо вскинул голову. То, что произошло с ним в комнате, в которой спал Важа Пшавела, казалось, посвятило его в сокровенные тайны духа поэта и связало его с ним тайной клятвой братства.

Войдя во двор, он тотчас подумал — сначала повидать Чракуа и еще раз усовестить его или проведать косулю? Сердце влекло его к косуле, а по дороге ему встретились эти люди, и он усмехнулся их странному поведению. Раньше его упрекнули бы — что, мол, так гордо шествуешь? И вправду, никогда еще не был Нико Пиросманашвили столь горд и счастлив. Еще бы, ведь он видел самого Важа Пшавела. Особенно он был рад тому, что видел его спящим. «Кто знает, какие ему снились сны... Может, он, словно Миндия, был в плену у дэвов... Может, он вот-вот собирался съесть кусок змеиного мяса... И все же, как насуплены были у него брови... Такой мог бы написать столь величественные стихи...»

Тем временем Нико подошел к загону... Подойдя еще ближе и не заметив косули, Нико мертвецки побледнел: это ему показалось дурным знаком. «Не спрятал ли ее Чракуа, чтобы набить ей цену? Не уди-

влюсь, если он потребует с меня теперь пятнадцать картин. Что, разве совесть ему помешает? Он ведь торговец, трактирщик...» И только он подумал это, как взгляд его упал на висящую на кольях загородки шкуру косули.

...Он пришел в себя, услышав какой-то смех... Раскрыл глаза и увидел перед собой каких-то знакомых и не знакомых ему людей. Кто-то что-то говорил ему, кто-то пытался шутить.. Малакия не пожалел даже своего фартука, стер им грязь с левой руки. Потом он с жалостью проговорил: «И как это живет на земле человек с таким мягким сердцем?..»

— И как все же он упал? Ты видел? Словно внезапно лопнувший воздушный шарик! — сказал пришедший покутить вместе со своими друзьями жестянщик, который в этот миг оказался неподалеку.

Никалу взяли под мышки и осторожно подняли на ноги.

— Ну, стой же ты, что прислоняешься к нам, словно скособоченная калитка, — Никала узнал хриплый голос пекаря Цкалобы. Нико все еще пошатывался, голова у него кружилась, и потому его не выпускали из рук стоящие рядом Малакия и Цкалоба.

Нико провел рукой по лбу, словно хотел смахнуть капли пота, потом сделал знак стоящему у загона какому-то зеваке отойти в сторону, еще раз бросил взгляд на висящую на кольях шкуру с белым пятном и горестно произнес:

— Креста на нем нет!

— На ком, Никала? — спросил Цкалоба.

Нико лишь молча поглядел на него. А в глубине души ответил: «На том, кто заколол ее». Он высвободился из рук Малакия и Цкалобы и, пошатываясь, побрел к загону. Дрожащей рукой коснулся белого пятна на влажной шкурке и, словно рисуя на полотне, обвел указательным пальцем по краю пятна..

— Как бы он не свихнулся... — прошептал Цкалоба. Эта мысль озадачила и Малакию. Остальные лишь беззастенчиво рассмеялись. На смех Нико обернулся и... Дорого ему обошлось это... Взгляд его тотчас упал на валяющуюся под шелковицей голову косули.

Широко раскрытые глаза ее, казалось, глядели в небесную лазурь.

Горе Нико никого не смутило.

Эти люди давно уже смирились со всем, происходящим на божьем свете, привыкли ко всему относиться холодно и равнодушно. Казалось бы, лишь один человек — Нико Пиросманашвили — был создан для того, чтобы сопереживать ближнему, разделять его муки и горести. Все же остальные были свободны от этой «кары» и, конечно же, счастливы в своем бездушии. Если, конечно, может чувствовать себя счастливым камень, хотя в этот миг Нико Пиросманашвили не отказался бы превратиться в камень.

Возвращение Никалы заметил и Чракуа. Недосуг ему было сейчас до какого-то там Никалы, но, тем не менее, мысли о разбитом фонаре и одолженном рубле заставили-таки его выглянуть во двор. За ним увязались трое подвыпивших гуляк. Им Чракуа уже успел сказать: «Видите, мол, что приключилось с этим юродивым художником Никалой из-за косули, шашлык из которой вы изволили отведать». Те, конечно же, тотчас из любопытства потащились за Чракуа.

Нико еще издали заметил этих четверых — один высокий и худой, другие пониже и поплотнее, — они стояли у черного входа в трактир, смешно набычившись и подбоченясь.

Нико шел медленно. В одной руке он держал кисти. Другой почему-то проводил по волосам, словно желал отряхнуть с них дождевые капли.

Чракуа все же испугался при виде низко склонившего голову, сверкающего злым взглядом Никалы. Хотя он вовсе не из робкого десятка, да и не один к тому же... Но бесчестный поступок, который он совершил, то, что так быстро и легко отступился от данного слова, все же заставили его смутиться. «И чего это я так перепугался? Хоть бы друзей постеснялся», — подумал он и собрался с духом. Чракуа громко откашлялся и встретил Никалу таким бесстыдным взглядом, словно был здесь вовсе ни при чем.

— Послушай, Никала, куда это ты запропастился, а?

Нико решил пройти мимо, не говоря ни слова, но рука верзила — дружка Чракуа — вдруг, словно шлагбаум, преградила ему путь. Нико поднял голову и посмотрел на него полными печали глазами.

Минутным замешательством Никалы воспользовался Чракуа и не преминул спросить:

— Ты понимаешь, в какое положение меня поставил? Я чуть было не свихнулся, тебя ожидая. А косуля тем временем помирает! Ну скажи, что мне было делать? Ты же сказал, что сразу же вернешься...

— Ты слышишь, Никала? Что Чракуа оставалось делать?

— Знаешь же, — Чракуа не давал вставить друзьям слово, — если животное издохнет, то все, мясо пропало. Ну скажи, пожалуйста, что мне было делать!

— Да, что ему было делать! — подтвердил верзила.

У Нико немного отлегло от сердца. Он вовсе не собирался верить Чракуа, но решил все же не ссориться с ним. Он стоял и думал о косуле, в то время как Чракуа с дружками был уверен, что он их внимательно слушает...

Чракуа сделал три коротких шага и похлопал Никалу по плечу. Пиросманашвили вздрогнул, очнулся от своих мыслей и посмотрел на Чракуа таким печальным взглядом, что и ледяное сердце бы дрогнуло. Правда, хозяин трактира вроде бы смутился, но все же не показал виду, лишь пробормотал сдавленным голосом:

— Да ладно тебе... Повадился рисовать всякую живность... То жираф, то медведь, то свиноматка, а то и дикий кабан... Хватит уж, пора и совесть поиметь. Чем они тебе помогут? Что — накормят, напоят, работу найдут или ночлег предоставят? Знаешь что, Никала, послушай меня, брось ты все это! Не лучше ли тебе...

Нико столь неожиданно вздернул голову и испытующе поглядел на Чракуа, что тот прикусил язык на полуслове.

— Их бросить — а тебя начать рисовать? — спросил Нико, пристально оглядывая Чракуа и остановившись взглядом на его животе. — Знаешь что, я таких

животных не рисую! — сказал Нико и резко пошел прочь.

Ни с чем остались Чракуа и его дружки. Лишь молча переглянулись, не найдя подходящих слов. Или они ничего не поняли, или, напротив, поняли слишком хорошо и не знали, что же теперь предпринять, как реагировать. Чракуа был ошарашен не меньше остальных, и, покамест его дружки приходили в себя, Нико столь же неожиданно вернулся. Засунув правую руку в карман куцего пиджака, он подошел к ним с грозным видом. Дружки уже подумали было, что он сжимает в кармане нож, но Никала вытащил из него смятую рублевку, бросил в лицо Чракуа и, не оглядываясь, столь же стремительно направился к выходу.

Быстрым шагом удалялся Пиросманашвили от шумного трактира. В начале Винного подъема, под круглым балконом царицы Дареджан остановился передохнуть. Он так бежал доселе, словно бы за ним кто-то гнался. Даже если бы и погнались, что в этом удивительного?

Нико обернулся, оглядел одно- и двухэтажные домики, что приютились на высоком берегу Куры, трактиры, винные подвальчики и лавки старьевщиков и поприветствовал их, словно узник, вышедший из тюрьмы... Потом медленно побрел по Винному подъему... Проходя мимо лавки жестянщика, прикрыл одно ухо рукой — разве можно стерпеть этот грохот и скрежет железа? Хотя, как могли выдерживать эти люди, работающие в той лавке изо дня в день, из месяца в месяц.

Нико направился к садику, разбитому справа у подножия подъема. Может, удастся где-нибудь посидеть в одиночестве и прийти в себя, собраться с мыслями, решить, как быть дальше. Но... Вдруг сердце его неожиданно забилося. Вновь вспомнилась голова косули с поломанным рогом, ее прикованные к небу безжизненные глаза... Словно въявь предстало ему все это... Потом косуля вновь ожила в его представлении... Он вновь ощутил тепло ее жесткой, кирпичного цвета шкурки. Это тогда, у Чракуа, перехватило у него горло в злобе, и не смог он ни слова произнести, ни слезы проронить. Сейчас же глаза его налились слезами,

взгляд затуманился, и он не смог больше сделать ни шагу. «Как пазло на улицах полно народа... Осрамлюсь ведь, обязательно кто-нибудь из знакомых встретится... Пиросманашвили, мол, плачет. Вот незадача! Кто это мог его обидеть? Ведь все доселе только радовались ему... Да, злых языков нынче хватает. Поглядишь, лицо у него живое, а сердце — каменное!.. Да что я, и герои «Вепхисткаосани», случалось, слезу роняли, но то было другое время, и люди были другие... Если не найду здесь где-нибудь укромный уголок, завтра уже весь город будет обо мне судачить...»

Куда бы он ни заглянул, всюду его встречали радостными возгласами. Вот только... Всюду звучало одно и то же — А ну-ка, поднести Никале водку в большом стакане; — Ну-ка вино в небольшом роге; — Ну-ка, пиво в пол-литровой кружке. «До вина ли мне сейчас... Откуда им знать, какая печаль лежит у меня на сердце, сколько грехов на белой земле творится!.. Хотя, как же не знают! Потому и пытаются залить водкой полыхающий в груди огонь... И я сколько раз пытался, но, оказывается, водка не в силах погасить огня, полыхающего в груди!»

Наконец все-таки Нико решился переночевать у Окруа.

К счастью, он встретил его как раз на пороге дукхана. Нико было приятно видеть этого облаченного во все белое старца. И широкая, окладистая борода его сверкала белоснежной сединой. Рукава его белой рубахи были спущены. А один угол белого фартука был задран, и под ним виднелась выгоревшая, смятая штанина брюк. Обут он был, правда, в черные тапочки, но и они были густо обсыпаны мукой. Одни лишь голубые глаза Окруа не припорошила мучная пыль.

Вместе с кровом Нико предложили вдоволь вина, но даже за ужином он к нему не прикоснулся. Зря уговаривали его пекари-рачинцы:

— Никала, раз уж пожаловал к нам, запей этот шашлык стаканчиком вина! Эти кахетишцы все уши прожужжали, расхваливая свое саперави, но с вином Кипинаури ничто не сравнится!

Нико добродушно улыбнулся.

— Чем это вам не по душе кахетинское саперави.

— спокойно отвечал Нико. — На каждое свой любитель найдется. А тому, кому по душе саперави, ваше покажется разбавленным водой и подслащенным.

— Гляди-ка, вовсе с землей сровнял и нас, и наше вино. Окруа, слышишь?

— Я-то слышу, а ты понял, Спиридон, что он хотел сказать — я, мол, только кахетинское саперави жалую.

— Ишь ты! Мы же на Винном подъеме находимся, не на Водном. В мгновение ока перебегу к Мачханели и... Сразу же забуду любимое Никалино саперави! Скажи-ка лучше, Никала, литра тебе хватит?

Нико остановил собиравшегося уже бежать с бутылкой в руках Спиридона.

— Говорю же тебе, не то что литр, и капли сегодня не выпью!

— Да ладно, оставь его... Кто знает, что у него на сердце. Видать, от души говорит... — сказал Окруа, и Спиридон вернулся на свое место.

Да и сами пекари не очень-то налегали на вино. Лишь несколькими стаканами ограничились. Правда, они не захмелели, но от песни не удержались.

Нико подумал, пока они кончат петь, можно успеть не то что в соседнюю лавку за красками сбегать, но и весь район обойти.

Рачинцы внезапно прервали песню.

— Никала, если и к песне не лежит у тебя душа, расстели мешки, ложись... — предложил Окруа.

— Да нет, не до сна мне, — отказался Нико, — прямо-таки горю...

— Гореть-то мы должны. Все время суем голову в печку...

«Это другой огонь», — подумал Нико и стал раздумывать — не стоит откладывать до утра — вот и этюдник при нем, и краски в склянках растерты, а пол-литровая баночка с маслом хранится у него неподалеку, в соседней лавочке. Можно ее сейчас и принести. Заодно захватить голубую и кирпичную краски, если, конечно, дадут в долг. «Так будет лучше... Надо, чтобы все было при мне... Кто знает, что будет завтра... А утром, может, и лавка окажется закрытой... К чему усложнять себе дело».

Рачинцы снова затаили песню. Они лишь проводили взглядом направляющегося к выходу Нико, словно прощаясь с ним, запели еще громче. На пороге Нико обернулся.

— Я тотчас вернусь. Пусть кисти полежат там, на стуле.

Окруа не отводил от Нико взгляда, пока тот не закрыл за собой дверь. Потом он посмотрел на лежащие на треноге, завернутые в платок кисти и, не прерывая пения подумал: «Придет, куда же он денется... Хотя однажды он уже точно так же надул нас!»

Окруа любил Никалу. И Нико уважал его. Достаточно того, что в прошлом году он нарисовал его с горячим хлебом в руках и подарил ему картину. Окруа послал ту картину в деревню похвастаться перед соседями — вот, мол, как вашего Окруа городские художники уважают.

Пекари еще не допели песню, когда Никала и вправду возвратился.

— Молодец, Никала! — воскликнул Окруа и ласково улыбнулся ему.

Нико не ответил. Молча снял с плеча подвешенный на ремне ящик и вместе с уложенными в большой бумажный пакет стеклянными баночками поставил в угол. Сам же присел на треногу.

— Никала, придвигайся к нам! Ты же съел всего лишь маленький кусочек. Правда, шашлык не из косули, зато из молодого барашка!

При упоминании о косуле Нико вовсе лишился аппетита, вновь овладели им черные думы. Правда, он подошел к столу, но ни к чему так и не прикоснулся.

Рачинцы вновь затаили песню, им было теперь не до Никалы. А у того по-прежнему стояла перед глазами вероломно заколотая косуля... Сначала ему привиделось белое пятно на крупе, потом валяющаяся под деревом голова с отломанным рогом, потом безжизненный взгляд оставшихся открытыми глаз.

— Да, это я никогда не забуду! — невольно произнес он и вздрогнул. Пекари вновь прервали пение и устали на Никалу.

Нико неловко было под взглядами этих трех удив-

ленных людей, и в свое оправдание он как-то стыдливо произнес:

— Это так, вспомнилось что-то... Такова природа человека... Какие только мысли не лезут в голову!

— Послушай, Никала, вино вроде мы пили, а язык у тебя заплетается...

— А вы как думаете, ваше вино сильнее моего горя? — Никала поежился, собрался встать. — Если принимаете меня на ночлег, то давайте спать, а нет, так я пошел!..

— Никала, — Окруа предостерегающе поднял указательный палец. — Не нравится тебе наше вино? И шашлык из ягненка не по душе? Ну, а если все под этим кровом тебе не по нутру... То, не будь я Окруа, если не вытащу сейчас же припрятанный под лавкой дедушкин кинжал, и...

Никто не проронил ни звука. Молча закончили они трапезу, молча растащили по привычным местам мешки с мукой и молча устроились на ночлег. В задней комнате духана, в которой стояла большая деревянная квашня для замеса теста и в которой лежало на устланном мешками с мукой полу четыре человека, громкую тишину нарушал лишь мерный храп Окруа. Он, по привычке уснул тотчас же. Нико же, сложив руки под голову, широко раскрытыми глазами разглядывал белые от муки балки потолка, на которых ему по-прежнему мерещилась отрубленная голова все той же косули. Больше ничего он не видел. «Нет, не оставит она меня в покое!» — не выходила у него из головы эта мысль.

Но так или иначе, уснул и он. Но его сон и внезапно воцарившееся спокойствие, прерываемое мерным храпом, продолжались недолго. Нико вдруг внезапно проснулся и сонным голосом проговорил:

— Где она... Ты что, не слышишь?!

Спиридон и Иона тотчас вскочили в страхе и в волнении. Затем, чуть позже в темноте раздался спокойный голос Окруа:

— Кто, Никала?..

— Хотите верьте, хотите нет... Только она звала меня. Я слышал крик... Это была она.

Это «объяснение» обескуражило всех и ввергло в

раздумье. Никак не могли они понять, что происходит с Никалой.

Спиридон зажег лампу, опустился перед Никалой на колени и осветил ему в лицо. Испуганными глазами глядел озадаченный пекарь в глаза Никале, сидящему на мешках, обхватив руками оба колена. Свет спросонья слепил ему глаза, но он не загоразживался от него. Отблески света странно отражались в его широко раскрытых глазах... Спиридон даже как-то растерялся — «Не свихнулся ли, часом, этот блаженный... Что с ним тогда делать, если спятит?» Но пекарь помнил и то, что более мягкого и покладистого человека, чем Нико, на свете не сыскать было. Быть может, потому и рассеялись тотчас неволью посетившие его сомнения.

— Что случилось, чего переполошил среди ночи натрудившийся и подвыпивший народ? С кем ты говорил, чей крик тебе слышался?!

Нико поглядел на пекаря горящими глазами.

— Ну, косуля же, та, которую зарезали...

— Кто зарезал, где?!

Казалось, Спиридон вновь насторожился — о чем это опять болтает этот человек, — вновь осветил лампой ему в лицо, но теперь он выглядел гораздо спокойнее. Нико заслонила от света ладонью.

— Спиридон, погаси эту лампу и иди-ка спать, — сонным и рассерженным голосом отозвался повернувшийся к ним спиной Окруа. — Какое время байки рассказывать... Мало ли что человеку приснится... Нашли забаву... — и, словно бы угрожая, произнес: — Не знаете разве, что ни свет ни заря подниму вас на ноги... Знаете ведь, что ничего хорошего не выходит, если недоспавший человек берется тесто месить!..

Но по глубокому вздоху, последовавшему за этими словами, все поняли, что Окруа успокоился и вот-вот уснет опять. Кроме Нико, всех тотчас одолел сон, и вновь слышался разноголосый, разнотонный храп.

Пиросманашвили же лежал, уставившись взглядом в потолок и мечтая только об одном — чтобы скорее рассвело. Жара, правда, у него не было, но странно горело все внутри, и никак не мог он успокоиться. Он осторожно ерзал на мешках и время от времени тихо

стонал, поглядывая в темноту в ту сторону, откуда раздавалась причудливая «фуга» пекарей-рачинцев.

Нико то закладывал руки под затылок, то скрещивал их на груди и все время продолжал думать, лежа с открытыми глазами. Потом он вдруг зажал обеими ладонями уши. Он твердо знал, что раньше полудня, прежде чем нарисует косулю, не вернется к нему покой, а сейчас он не в силах прервать спокойный разноголосый храп пекарей, столь раздражающий его, не мог растолкать всех троих и закричать — побойтесь, мол, Бога, как вы можете спать, когда я готов с ума сойти. Не мог он так поступить... Не такой человек Нико Пиросманашвили. И не потому, что боялся, как бы его с побоями не выставили вон, нет. Просто ему было жаль этих почтенных, натрудившихся за целый день людей. Ведь вся их радость исчерпывалась этим сладким, беззаботным сном, и он предпочитал уж как-то перетерпеть собственную муку, хотя чаша его терпения вот-вот готова была переполниться.

Не найдя другого выхода, он вновь крепко зажал ладонями уши. Возникший в ушах странный гул даже как-то успокоил его... Его было легче переносить, чем этот беспечный храп. Ничто в жизни, казалось ему, не свидетельствует столь очевидно о пустоте внутреннего мира человека, как беззаботность. Но в чем он мог упрекнуть сейчас спящих людей, которые даже не принадлежали себе.

В эту ночь Пиросманашвили извелся не меньше, чем во вчерашнюю, проведенную в «гостинице» Чракуа... Хотя, разве можно было сравнивать... Коварство Чракуа лишило его последних сил, переполнило чашу терпения... Потому и мечтал он о рассвете, надеялся, что дневной свет принесет ему хоть малейшее облегчение.

Только лишь рассвело, Нико, не долго раздумывая, схватил свои пожитки и тихонько выскользнул из комнаты, так что никто ничего не услышал. Только лишь звяканье замка входной двери насторожило даже во сне державшего уши востро Иону, он растормошил спящих рядом Окруа и Спиридона и сообщил, что в лавку пробрались вору. Окруа инстинктивно схватился за лежащий у изголовья кинжал, потом бросил взгляд

туда, где должен был лежать Никала, все понял и улыбнулся.

— Сбежал, — сказал он, широко, с удовольствием зевнул и вновь улегся.

В это же время как раз послышался голос Никалы:

— Ухожу, приглядите за лавкой...

— Эх, — воскликнул Окруа, — покарай меня господь, если на свете сыщется еще один такой чудак!

Окруа был прав, хотя и не догадывался, что счастье его в том и состояло, что довелось ему в жизни встретить такого человека и что он его к тому же нарисовал.

Пиросманашвили пересек Метехский мост. На Татарской площади только собирались на базар торговцы. Шум и галдеж нарастали с каждой минутой. Какие только возгласы ни раздавались, чтобы завлечь покупателей — и на грузинском, и на азербайджанском, и на армянском языках, от всевозможной снеди и утвари, разложенных на прилавках, а то и прямо на земле, рябило в глазах.

Нико так и тянуло пройтись по этим шумным рядам, потолкаться среди людей, ублажить взор этим изобилием, ощутить запах айвы или персика, но иная забота его тяготила, и он прислушался к своему сердцу, подчинился молчаливому призыву...

Еще издали послышались ему звуки шарманки в грохочущем за спиной фаэтоне. Они все усиливались по мере того, как фаэтон нагонял художника.

Было удивительным то, что звуки эти не оглушали погруженную еще в утренний сон улицу. Шарманщик медленно крутил ручку, и воздух наполнялся плавной, мягкой, навевающей сон мелодией... В фаэтоне сидели друг против друга лишь один кинто и шарманщик. Шарманщик, судя по всему, трезв. Кинто же изрядно подвыпил. Он то и дело, пошатываясь, вставал на ноги, размахивал в воздухе красным платком и пытался подпевать в такт песне хриплым, надтреснутым голосом.

Нико не любил шарманку. «Уши дерет», — гово-

рил он, бывало. Хотя, оказывается, при чем здесь шарманка, если шарманщику слух отказывает.

Нико прислушался. Очень уж печальной показалась ему песня. Он даже время от времени закрывал глаза, чтобы опять ничто не мешало ему предаваться мелодии...

Медленно катит фаэтон, и, странное дело, даже цоканье лошадиных копыт не мешает этой песне.

Нико прибавил шаг, чтобы не слишком отстать от фаэтона. Так странно взволновали его звуки шарманки. Он словно бы силился что-то вспомнить и не мог, словно бы искал что-то в глубине своей души. И внезапно находит, догадывается... Вот, оказывается, что не давало ему сомкнуть глаз в том удивительно уютном духане Окруа, что вытолкнуло его на улицу спозаранок, что волновало, что заставило его потерять покой... Он понял, что там, в духане Окруа, тишина уняла его страсть рисовать. Пиросманашвили не был приучен думать и работать в тишине, без возгласов и без музыки, и сейчас, когда донеслись звуки этой песни, словно бы отлегло у него от сердца, словно бы елеем обдали они его, словно бы крылья у него выросли...

В «Эльдорадо» появление Пиросманашвили осталось не замеченным для всех, кроме повара. Нико постеснялся подходить к парадному подъезду. Издали окинул взглядом большую вывеску, вошел в маленькую дверь, выходящую в сад, и притулился среди божек с вином и всевозможной снедью. Он послал мальчика к знакомому повару — кабардинцу Солоху — мол, скажи, что Никала пришел.

У Солоха спешных дел не оказалось, и он тотчас пришел. Мальчик бежал перед ним.

— Нико! Ты чего прачешься? Не убил ли кого? — горец сверкнул в улыбке ослепительной белизны зубами. Сидящий на лежащем вдоль стены бревне Нико, высоко подняв руку, театральным жестом приветствовал повара. — Что у тебя семь пятниц на неделе? Хозяин только то и твердит, куда это, мол, Никала запропастился, не обидно, мол, чтобы его картины укра-

шали не «Эльдорадо», а какие-то дешевые и грязные трактиры и духаны...

Вставший уже с бревна Нико молча слушал его, понурив голову. Способность слушать была его большим достоинством. Какой-нибудь вертопрах никогда не даст слова молвить, то и дело перебивает, глубокий же человек обязательно выслушает, задумается, да и дельный совет подаст... Если вообще сочтет нужным отвечать, а то и вовсе промолчит.

— Ну вот я и пришел, как видишь, — спокойно ответил Нико, даже не взглянув на повара и не улынувшись ему. Он по-прежнему стоял, виновато понурив голову и не шелохнувшись. Потом обернулся к своим лежащим у бревна ящику и бумажному пакету, схватился было за них...

Затем вновь выпрямился и строго сказал обрадованному его приходом Солоху:

— Если приютить меня, не тужи... А то мне некогда... Я работать пришел.

— Где тебе будет лучше, Нико, на складе или там, в сарае с сеном и дровами...

— Там, где просторнее и свету больше...

— Тогда в сарае...

Нико взял свои пожитки и направился к сараю... Он отодвинул щеколду. Дощатая тяжелая дверь со скрипом отворилась. Нико почувствовал запах сена, и ему стало приятно. Затем он соорудил из полен козлы высотой в аршин, установил на них свой ящик и огляделся вокруг оценивающим взглядом. В это время ему что-то вспомнилось, поспешил к выходу и окликнул спешащего на кухню Солоха:

— Эй, подожди! Куда бежишь...

Повар хорошо знал Никалу, рассмеялся и подошел к нему.

— Знаешь, что я тебе скажу, — тихим голосом начал Нико, — не сочти за труд...

— Слушаю тебя, Нико.

— Мне клеенка нужна, только... Черная, чтобы не меньше пяти пядей в длину и в ширину. Ты же знаешь, я или куплю тебе взамен, или же вычтите ее стоимость из денег за какую-нибудь картину. Пришли мне с этим вот мальчиком...

— Ты об этом полового спроси или у уборщицы Сона. Это она обычно хранит старые клеенки.

— Зачем мне старая?.. Скажешь тоже...

— А что из того, если она будет немного в углах потерта. Отрежешь края, а середина как раз и сгодится.

— Знаешь что, Солох? Мне теперь некогда лясы точить... Попроси Сона сам от моего имени...

Солох знал, что Нико не любит лишних разговоров. А когда ему приспичит поработать, то и вовсе не глядит на тебя, лишь молчит, насупившись. Потому Солох молча обернулся и дал знак мальчику следовать за собой. Нико выбежал за ними следом и догнал повара. И Солох обернулся на звук шагов:

— Что случилось, Нико?

— Ничего. Знаешь, что я хочу еще у тебя попросить? — их никто не слышал, но Нико все же зашептал повару на ухо: — Нельзя ли, чтобы вот те зурначи затянули мухамбази¹?

Солох не удивился.

— Нет ничего проще! Шепну им словечко, вот и все...

— Только не так, чтобы по всему саду слышно было...

— Ну что ты. Пройду мимо и шепну на ухо. Положись на меня.

Нико удивился.

«Действительно, что это со мной... Когда музыка мне нравится, я будто бы лучше рисую... Это все они виноваты, приучили меня!..»

— Солох! Я покой люблю, а тишину не выношу... Она как пустота! А пустота и есть пустота — будь то в нас самих или вокруг нас!..

— Или будь то в кармане! — довольный своим замечанием, Солох расхохотался. — Ладно, Нико! — отрезал он и дал знак мальчику следовать за собой.

— Солох! — повар не сделал и пяти шагов, как

¹ Мухамбази — стихотворение определенного размера, зачастую исполняемое под музыку.

Никала вновь окликнул его. — Ты же знаешь, я не люблю ждать.

— Знаю! — ответил, обернувшись вполоборота, Солох «занудному» Никале, подняв руку, сделал ему знак — мол, будь спокоен, — и продолжил путь.

Солох удивлялся — и как это все, и стар и млад, так ему подчиняются... Что ни скажет, без слов выполняют.

Но все знали, что не из страха исполняют они его просьбы, и никто не вынуждает их к этому, напротив. Удивительно то, что всем было приятно услужить Пиросманашвили.

Именно в тот момент, когда Нико взял в руки кисть и попробовал мягкость щетины на ладони, неподалеку раздались звуки мухамбази. Медленно, словно дым, растекались отрадные звуки иплыли в пространстве. Словно бы чья-то невидимая рука поднесла Нико букет из этих звуков. Пиросманашвили прислушался к ним на миг, и ему показалось, что звуки эти усилились, поднялись ввысь и рассыпались в пространстве... Нико провел кистью шириной в три пальца по растертой на толстом стекле голубой краске, и с первым же взмахом кисти клеенка преобразилась.

...Нико уже не слышал звуков мухамбази, медленного, протяжного стона дудуки... Он предался теперь иной музыке, иному волнению. Для него не существовало больше ничего, кроме кисти, красок и той косули, образ которой столь явственно отпечатался в его памяти...

Часов около четырех популудни проходящий мимо Солох вспомнил о Нико. Хотя он и спешил по делу, любопытство все же заставило его остановиться и заглянуть в сарай. Погруженный в работу Нико оглянулся на скрип двери, но, судя по всему, даже не узнал стоящего на пороге Солоха. Его горящий взор все еще не различал ничего, кроме того единственного, из глубины души возникающего видения. Видение это с поразительной быстротой возникало на клеенке, и растерянный повар зачарованно застыл на пороге, словно оказался свидетелем рождения чуда.

Солох понял, что он здесь лишний, но, прежде чем уйти, всё же не сдержался и сказал:

— Нико! Пусть меня покарает Господь, если кто-нибудь еще, кроме него самого, знает тебе цену!

Перевод Д. РОБАКИДЗЕ

Жертва своего пристрастия

Мог ли я когда-нибудь представить, что заинтересуюсь личностью Джоглидзе, тем более после его смерти, хотя кое-что я, правда, слышал об этом довольно странном человеке и раньше, но разговоры о нем замыкались в узком кругу сотрудников его учреждения, так как ни жизнь, ни смерть людей, подобных Джоглидзе, обычно никогда не вызывают интереса общественности. И вы только вообразите себе, сколько таких жизней, подобно свече, «возгораются» и «угасают» бесследно, если, конечно, одна из ста не возродит «пожара».

Хотя «пожара» не произошло и тогда, и все же простая случайность не «дала» угаснуть бесследно еще одному «огарочку». Сама судьба, видимо, привела меня в тот вечер на панихиду Джоглидзе. Я был знаком с родственником покойного, приятным, обходительным человеком, так что мое появление на панихиде можно приписать скорее элементарным нормам морали, нежели дани уважения к почти незнакомому покойнику. Однако родственник Джоглидзе, восприняв мои соболезнования как нечто из ряда вон выходящее, сразу же решил как-то «отметить» мою внимательность: после панихиды он отвел меня в сторону, вытащил из-за пазухи какую-то тетрадь и сказал:

— Я уже прочел и должен вам сказать, что некоторые записи меня просто поразили. Оказалось, что я, близкий человек, совершенно ничего о нем не знал. Теперь вот... мне собственно ее девать некуда... а вы, вы журналист и...

Поколебавшись, я взял протянутую тетрадь. Как-то неудобно было отказываться. Тогда мне даже в го-

лову не пришло, а какое, собственно, имею я право «копаться в чужой душе», да и имеет ли на это право родственник покойного, отдавая мне тетрадь без завещания покойного. Не знал я и того, какую память по себе оставил в этих записях покойный. Этим, видимо, и объяснялись колебания, с которыми я клал в карман столь неожиданно предложенную тетрадь, даже не взглянув толком на обложку с потертыми краями. Поразительно, однако во мне не заговорило, может и неуместное в тот момент, но столь присущее каждому смертному, простое человеческое любопытство.

Шло время, а я почему-то не торопился «приступить» к джоглидзевской тетради, хотя подобное равнодушие не было понятно и мне самому. Со стороны такая реакция может показаться малоубедительной, однако, на мой взгляд, виной всему так застрявшая в моем мозгу фраза, брошенная на панихиде родственником покойного: «...некоторые записи меня просто поразили. Оказалось, что я, близкий человек, совершенно ничего о нем не знал». И опять-таки, у другого подобная фраза вызвала бы абсолютно иную реакцию, другой бы на моем месте не утерпел и стал бы листать тетрадь прямо на улице. Я же, как уже говорил, не торопился, словно хотел забыть обо всем, и о тетради в том числе. Сейчас мне уже трудно сказать, насколько правильно вообще я поступил, прочтя, хоть и не сразу, дневник покойного, тем более, что собираюсь придать огласке отдельные его записи. Бог знает, может, именно это и сдерживало меня так долго, возможно, я подсудно чувствовал, что не ограничусь одним лишь прочтением. И опасения мои, как видите, оправдались. Должен сказать, что недуг, столь неожиданно сразивший Джоглидзе, приобрел в наши дни, к сожалению, довольно распространенный характер. И корень зла, равно, как и причину множества других подобного рода несчастий, должно усматривать в самой сути естества человеческого, присущей ему со времен Адама и Евы и обуславливающей как сильные, так и слабые стороны человеческого характера. Недуг этот, обретая на сегодняшний день благодатную почву, распространился с неимоверной силой. Об инкубационном периоде сего заболевания сказать что-либо определенное совер-

шенно невозможно благодаря поразительной амплитуде его колебаний. Если для одних она ограничивается несколькими месяцами, для других затягивается на годы. Особую тревогу заболевание вызывает еще и потому, что совершенно не зависит ни от возраста, ни от комплекции, а тем более от занимаемой человеком должности. Должен сказать, что непосредственной и роковой связи с последним обстоятельством болезнь не имеет. Ей в равной степени безразлично, занимает ли намеченная ею жертва пост директора либо ею окажется рядовой сотрудник. В Джоглидзе же вся суть заболевания нашла свое классическое отображение и развитие со всеми присущими ей перипетиями и трагическим концом. О чем и свидетельствуют записи Джоглидзе. Хотя не меньший интерес в этом плане вызывают суждения и некоторых знакомых покойного, с которыми мне довелось встречаться и беседовать.

Стоит взяться за тетрадь Джоглидзе, как мной овладевает тревожащее душу чувство, и дело не только в том, что в руках чужая вещь. Я, пожалуй, и не решился бы назвать дневник вещью, так ощутимо здесь присутствие души человеческой, и каждая страница бережно хранит невидимый след ушедшего хозяина...

Первую страницу украшают старательно выведенные инициалы владельца. Подобное прилежание невольно наводит на мысль, что писавший эти строки—человек спокойный, уравновешенный, можно сказать, склонный к некоторому педантизму. Однако последующие записи являют собой полную противоположность. На второй странице едва различимы домашний адрес и место работы. Сразу же хочу сказать, что ни профессии, ни места его работы мы разглашать не собираемся и вовсе не оттого, что в них заключена какая-то тайна или же имеются другие, стесняющие нас обстоятельства. Напротив. Мы имеем дело с совершенно обычной человеческой профессией и со столь же рядовым ведомством. Подобных учреждений на сегодняшний день что грибов после дождя. Для нас, в данный момент, важно другое: попытаться проникнуть в суть личности, сопоставив ее с непредсказуемо случайно выбранной профессией. Ведь дело, которым занимался Джоглидзе на службе, не имело ничего общего с

полученным им в свое время образованием, а, стало быть, носило характер случайный, что, по-видимому, и сыграло определенную роль в разыгравшейся впоследствии трагедии.

Человек раскрывается лишь тогда, когда дело, которым он занят, становится смыслом его жизни, и способности, ниспосланные ему свыше, проявляясь со всей полнотой, приносят ему подлинную, непреходящую радость.

Около десяти последующих страниц дневника испещрены всевозможными уведомлениями, адресами друзей-приятелей, телефонными номерами и какими-то разрозненными сокращенными пометками, расшифровать которые со временем, вероятно, затруднился бы и сам Джоглидзе. Следом идут пять абсолютно чистых страниц, по-видимому, оставленных с какой-то целью, а за ними начинаются записи, датированные разными числами. Эта часть рукописи страшно небрежна, исчеркана вдоль и поперек, почерк сбивчивый, неровный, трудно представить, что все это писалось одной и той же рукой. Строчки, то ровные, то торопливые, набегая друг на друга, местами превращаются в дикие каракули, пытаюсь разобрать которые, невольно усомнишься равно как в духовном, так и физическом благополучии автора. Подобную мазню можно было приписать безалаберности характера, однако в данном случае она скорее всего объясняется неудобством положения в момент письма. Согласитесь, что невозможно обойтись без каракулей, если ты пытаешься записать что-либо, сидя в городском транспорте, тем более на отдельных участках маршрута. И тем не менее, хоть и с трудом, но текст все же прочесть можно.

Итак, одна из привлечших мое внимание записей, датированная третьим апреля, сообщает: «Вот уже сколько лет я занят «спискоманией», вроде уже и достиг кое-чего, но... что мнилось добром, обернулось во зло. Однако я не сдаюсь. Это другим невдомек, но я-то ведь знаю, что... болен. Оригинально, не правда ли? «Спискомания» — заболевание. Что еще за болезнь, спросите вы? И нет, на мой взгляд, среди всех существующих человеческих недугов более древнего и коварного, чем этот, известный на сегодняшний день как

«спискомания»... Известный пока что только мне одному, это я окрестил его так...»

«Запись вторая: 10 июля. Что за погода! Похолодало, будто к снегу. Наверное, и Бог сошел с ума. Вот уже сколько времени не могу заставить себя работать, ни к чему душа не лежит (погода тут, естественно, ни при чем). Меня терзает одна и та же мысль: как бы не отстать от других. И во сне, и наяву, где бы я ни находился, дома ли, на улице, я постоянно думаю об этих пресловутых списках. Пьющий человек глушит себя спиртным, заядлый курильщик исходит в сигарете, что же касается «спискомана», тут уж извините...»

Третья запись: «10 августа. Если говорить откровенно, в глубине души мне и сейчас обидно, может даже обиднее, чем десять лет назад. Что поделаешь, коль в учреждении, где проработал столько лет, тебе так и не удалось продвинуться. И еще: меня всегда задевало, да и сейчас задевает, когда некоторые наши сотрудники держатся со мной слишком уж высокомерно и, что хуже всего, сами этого даже не замечают. Обращаются ко мне исключительно по фамилии, будто имени и отчества у меня и нет вовсе. И все к этому так привыкли, что не только начальство, но и такие же, как я, рядовые сослуживцы, завидев меня в конце коридора, уже издали орут во всю глотку: Джоглидзе, Джоглидзе, словно величать по имени-отчеству следует одних лишь директоров да заведующих. Долгое время мне казалось, что уж хуже этого ничего и быть не может. Но вот как-то раз сгоряча у меня на работе вырвалось: «Что ж это получается? — возмутился я. — Мне уже и в «спискоманы» не попасть?». С того злополучного дня фамилии моей как ни бывало. Мало того, что все учреждение стало называть меня «спискоманом», так вот теперь, уж и не знаю каким образом, это прозвище просочилось и в район, где я живу.

А что, собственно, такого я сказал?! Весь мир буквально помешан на этой самой «спискомании», так чем же я хуже?! А что, директор наш, Эрастыч, разве он не одержим этой самой «спискоманией»? Ну-ка, попробуй, обойди его при составлении какого-либо списка, хотя бы и в пределах нашего учреждения, будь то спи-

ски на импортные шубы или билеты на футбол и не только тогда, когда играют наши с иностранцами, а даже на совершенно обычные матчи... Их, естественно можно посмотреть и по телевизору, не утруждая себя походами на стадион, но... в списке он состоять должен непременно, независимо от того, возьмет он билет или нет. Эрастыч хорошо понимает, что если сегодня обойдут в «малом», то завтра не постесняются обойти и в «большом». Все — дело привычки, закон инерции! Вот где собака зарыта!»

И еще одна небезынтересная запись: «19 сентября. Как только у нас составляется очередной список, нужно мне это или нет, я борюсь до победного конца, а попав — теряю к нему всякий интерес. Что со мной происходит? Уж не свихнулся ли я часом?! Где же собака-то зарыта?»

«25 сентября. Так, пожалуй, я еще никогда из себя не выходил! Знать наверняка, что уж в этом-то квартале не пропустил ни одного списка, и вот, на тебе! Оказывается в учреждении, у меня под носом, составляется еще какой-то и... ото всех все тщательно скрывают! Что же это может быть, о чем не знает еще ни одна живая душа?!

А этот Катамадзе просто рехнулся! Сам директор ко мне благоволит, кто же он такой выискался, чтоб все от меня скрывать, да еще и огрызаться, презрительно кривясь. Тоже мне, конспиратор выискался! И все же, где собака зарыта? Эрастыч тоже хорош! Хотя... Уж очень искренне удивился, узнав обо всем... Я не мог ему не поверить, может и вправду он не в курсе? Обещал поговорить с Катамадзе, как только тот появится. А Бог его знает, спросит ли?»

И наконец, еще одна запись, последняя: «26 сентября. Полусонный я вскочил с постели. Так напугать спящего может, наверное, разве что землетрясение. А причина моего испуга, должен сказать, была просто смехотворная. Мне приснился Катамадзе. Хотя... для кого как. Если говорить честно (может, кто со мной и не согласится), но обиды, какой бы незначительной она ни была, я, лично, безнаказанно не оставляю. А что если завтра, не приведи Господи, позволят что и похуже?! И надо же было ко вчерашней нервотрепке еще и

этот дурацкий сон? Всю ночь глаз не сомкнул и только задремал к рассвету, как... пригрезился этот чокнутый Катамадзе. Сотрудник это наш. Два месяца назад его выбрали председателем месткома, так уж он вообразил себя чуть ли не папой римским. И во сне он мне повторил слово в слово, что не постеснялся заявить наяву. Не суйся, говорит, ты, ради Бога, во все списки подряд!» Проснулся я весь в холодном поту. Липкие струйки стекали по шее так, будто я стоял под дождем... Не испытавший не поймет, какое отвратительное ощущение вызывает этот холодный пот... свинцовый затылок, натянутые до предела мышцы на шее... Заложив руки за голову и закрыв глаза, я несколько минут неподвижно сидел в постели. Вдруг мне, застывшему в таком положении, почудилось, будто все вокруг куда-то поплыло... мгновенно открыв глаза, я остолбенел... И стена напротив, и висевший на ней портрет моей матери ходили ходуном! И тут я, никогда не обращавшийся к Богу, взмолился: «Всевышний! В чем я провинился?! Не вознесения же я просил, на самом деле, у этого бессовестного Катамадзе, а лишь включения в список!» Смешно, конечно. Какой там Господь Бог! Меня и Катамадзе-то не услышит...

С трудом присев на край кровати, кряхтя, я начинаю одеваться... завтракать не хочется, да у меня и нет ничего... голова кружится по-прежнему, но на работу я все-таки пойду. Бог знает, может, в последний раз... Хоть посмотрю, что там творится. Вдруг еще какой список составляют и меня обойдут... А, может, сегодня Катамадзе будет в другом настроении и скажет наконец, что они от меня так скрывают...»

На этом записи в дневнике заканчиваются. Джоглидзе действительно не суждено было вернуться домой самому...

Во всем этом есть что-то непостижимое и, я бы сказал, не вполне реальное.

Поначалу я решил в первую очередь встретиться с Катамадзе, так как за день до смерти именно с ним у Джоглидзе произошел конфликт. Но в последнюю минуту я изменил план действий. Мне показалось более целесообразным начать свой «самовольный допрос» с директора, нежели с Катамадзе. «Самовольный», по-

сколько это была моя собственная инициатива, и в редакции об этом ничего не знали.

— Вас беспокоит журналист Вардзиели...

— Я слышала о вас. Вы по личному вопросу?

— Скажите, пожалуйста, директор не очень занят?

— Я думаю, что для вас у него время найдется. Он всегда с большим уважением относится к людям вашей профессии. Когда бы вы хотели прийти?

— Да хотя бы сейчас, в течение получаса...

Увидев меня в дверях своего кабинета, директор встал мне навстречу, что было расценено мной не только как дань вежливости, но и как выражение крайней доброжелательности.

Пройдя до середины кабинета, Эрастыч, как его здесь называли, указав на стул, вежливо предложил мне сесть, а сам расположился в старомодном глубоком кресле.

— Чем могу служить?

Эта банальная фраза произвольно вызвала у меня улыбку.

— Батоно Эрасти, у меня к вам несколько... необычная просьба...

— От журналистов всего можно ожидать!

Он засмеялся.

Я сконфуженно потупил голову, делая вид, что столь «остроумное» замечание директора меня просто обезоружило.

— Я вас слушаю.

— Вы, естественно, помните... что недавно... скончался один из ваших сотрудников... Джоглидзе...

— «Спискоман»! Да, да, конечно. И что же? Уж не воскрешать ли вы собрались часом этого несчастного?..

Тут я изобразил подобие улыбки, хотя в том, что Джоглидзе был помянут им как «спискоман», не было ровным счетом ничего остроумного.

— Говорят, для журналистов тайн не существует? Наверное, вы уже выяснили...

— Что означает «спискоман»? Да, мне объяснили... собственно, это и привело меня к вам. Скажите, пожалуйста, вот вы лично, чем вы можете объяснить

подобную одержимость? Может, в этом, действительно, была нужда?..

— Объясните как угодно... — На чистом листе бумаги, лежавшем перед ним, директор начертил фломастером неровный круг, поставив в середине точку с вопросительным знаком. — Теперь уже ни для кого не секрет... да и я, собственно, тоже так думаю, — продолжил Эрастыч, — что из-за всего этого и погиб несчастный Джоглидзе.

— И все же, — настаивал я, неожиданно почувствовав в движениях собеседника какую-то нервозность. К вопросительному знаку в кругу прибавилось еще два. Посмотрев на меня, он снова заговорил.

— Может, ничего из ряда вон выходящего я вам сейчас и не скажу, но... одно ясно. Под вопросительными знаками появился восклицательный, а в голосе Эрастыча засквозили какие-то таинственно-доверительные нотки. — Эти списки действительно погубят всех нас! — со вздохом произнес он. — Ведь каких только списков мы не составляем!..

Он задумался.

— А что вы лично можете сказать о Джоглидзе? — не выдержал я, нарушив молчание.

— Я лично? — повторил Эрастыч, словно прислушиваясь к собственному голосу, и снова замолчал, видимо, мысленно представляя себе покойного. — Безобидный был вообще-то человек, только уж чрезмерно, так сказать, любознательный. Всегда спешил поздороваться первым... Не припомню, чтобы я лично в чем ему отказал... не помог, не пошел бы навстречу. Вот только... в одном мы перед ним, пожалуй, виноваты... упустили, так сказать... Квартиры не дали. А ведь жил он Бог знает где. Вы ведь сами понимаете, в учреждении столько сотрудников и... удовлетворить желание каждого не под силу не то что простому смертному, но и самому Господу Богу. Пытаешься, конечно, сделать для людей все возможное, да так, чтоб и затрат было поменьше, а все в конечном итоге достигается ценою крови и пота...

А в остальном... нет, не припомню, чтоб не помог, особенно в последнее время. О его «спискомании» частенько «забывали», тут уж я всегда приходил на по-

мощь. «Спискомания»! Эта его одержимость была предметом всеобщих насмешек и пересудов, вот и прозвище прицепилось... Эх! Ну чего бы ему не жить с ними, со странностями. Я, честно говоря, к нему как-то привязался что ли, да и все вообще у нас его очень жалеют. Рано он ушел. Кто бы мог подумать!.. И поминки ему справили, прямо сказать, на зависть... за счет учреждения... Лучше б мы при жизни о людях побольше заботились... Он, бедняга, наверное, за таким столом в жизни не сидел. Чего только не было! И рыба всякая, и икра — черная, красная, и фрукты всевозможные... Если говорить честно, то все мы отдаем должное этой самой «спискомании». А что касается Джоглидзе, так он, как говорится, лишь козел отпущения. Чего греха таить, не попади я в списки номенклатурных работников, разве сидел бы я здесь? Кресло и списки, — директор чуть вытянув вперед правую руку, взглянул на ногти, — вот о чем мы печемся, вот наши инфаркты, гипертонии, диабеты... Он посмотрел на меня и засмеялся. — Одни это делают неумеючи, тщетно пытаюсь пролезть в игольное ушко, другие же оказываются более изворотливыми... Он снова взглянул на ногти. Возможно, мы и объявим борьбу этой «спискомании», как сегодня объявили пьянству или курению. Пока же, как видите... составляем списки. Юбиляров, женщин, награжденных к восьмому марта, новоселов, отпускников, премированных, списки на редкие книги, на лекарства, на спектакли гастролеров, на футбольные матчи и Бог знает на что еще! Мечемся, переживаем, нервничаем без толку, порой совершенно забывая и об учреждении и о работе... Ты понял, где собака зарыта?! Оставим Джоглидзе в покое, пусть земля ему будет пухом. Скольких еще загонит на тот свет эта «спискомания?!» Разве это не тема для журналиста? Да и для многих других, задумывающихся над создавшимся положением.

— Действительно, вы совершенно правы, Эраст Эрастович!

Услышав свое имя-отчество, он удивленно вскинул брови, вероятно не предполагая, что они мне известны.

— Хотя, брат, — несмотря на удивление, он все

же продолжил начатую мысль, — чего только нет в наш тревожный век?! Раньше хоть в небе царил покой, а теперь взбудоражены и земля, и небо!!!

Дверь кабинета приоткрылась, явив изящный силуэт секретарши.

— В чем дело, Асма?

Секретарша подала какой-то одному Эрастычу понятный знак. Он тут же встал. Проследив за движением его большого пальца, я взглянул на потолок. Все ясно. Его вызывало наверх начавство. Стало быть, «аудиенция» закончена.

— Вот так, мой дорогой. Понадоблюсь, не стесняйтесь. Всего хорошего!

— До свиданья. Спасибо за внимание!

Уже стоя, директор левой рукой снял телефонную трубку, одновременно протянув мне правую для рукопожатия.

Я покидаю кабинет. Директор понравился мне. Другой на его месте, пожалуй, не стал бы так откровенничать. Тут уж не скажешь, что он раб своего кресла. А это на сегодняшний день большая редкость. Так и стоит он перед глазами: светлые ровные брови, синие глаза, чуть непропорциональный овал лица. И эта странная привычка — при разговоре рассматривать ногти на руке.

Секретарша чарующе улыбается, и я с радостью поцеловал бы ей ручку, но здесь это как-то неуместно. Спрашиваю о Катамадзе.

— Катамадзе в командировке. Позвоните послезавтра, — продолжая улыбаться, отвечает она.

Я решил не терять времени и до приезда Катамадзе встретиться с другими интересующими меня людьми. В первую очередь с соседкой Джоглидзе. В том доме на отлете, где он жил. Я уже был там однажды, в тот злополучный вечер, когда родственник Джоглидзе вручил мне его дневник...

Двор довольно большой. Огороженный низким каменным забором, напоминающим развалины старинной кладки. В глубине двора — двухэтажный дом. Во всю длину второго этажа, со стороны фасада, тянется балкон. Крыша дома довольно необычна, так как покрыта одновременно и жостью, и так называемой марсельской

черепицей. В левой части двора, ближе к улице, горит огонь. Женщина в черном лениво поковыривает в нем длинной железякой. Пламя то занимается, то притухает, и тогда дым обволакивает все вокруг. Я помахал рукой женщине, все время смущенно, но с нескрываемым любопытством смотревшей в мою сторону. Подойдя ко мне, она остановилась напротив, по ту сторону забора. Вся в черном, смуглая, худая, на вид ей можно было дать не более сорока пяти лет. Маленькая головка, такое же маленькое личико, с несколько необычным разрезом черных глубоких глаз, спокойствие которых мгновенно снимет напряженность, невольно возникшую при встрече не знакомых друг с другом людей. У правой брови седина. сразу же бросающаяся в глаза.

— Простите, уважаемая. если не ошибаюсь, здесь жил Джоглидзе...

— Да... Я вспомнила вас, вы были на его панихиде...

Дым тянулся в нашу сторону.

— Что же вы жжете здесь среди бела дня?!

— Может, войдете, — вместо ответа предложила женщина. — Что, собственно, вас интересует? Почему вы заговорили о Джибо?

Я не знал, что покойного звали Джибо. Только она и назвала его по имени. Не Джоглидзе, не «спискоман», как о нем вспоминали на работе, а просто Джибо.

От приглашения я, естественно, не отказался. Мы прошли двор и по деревянной лестнице поднялись на второй этаж.

— Мне хотелось, чтоб вы взглянули, где жил этот несчастный, — обернулась ко мне женщина.

В комнате, некогда принадлежавшей Джоглидзе, двери и окна были распахнуты настежь.

— Все-таки странно, — задумчиво проговорила она, посмотрев на меня. — Почему вы пришли именно сегодня? Вы что, знали...

— Нет, я ничего не знаю... А что, собственно, происходит? — откровенно удивился я.

— Да, вот, новые жильцы комнату ремонтируют.

Выносят во двор все, что у него было и... жгут во дворе. Я тоже помогаю.

— А что, родственники ничего взять не захотели?!

— Что им было забирать? У него почти ничего не было...

— А что же тогда жгут?

— Жгут?.. Да то, что он собирал всю свою жизнь...

— И все же?

— Бумаги, вырезки из газет. У него все стены были сплошь оклеены какими-то списками... Еще с сорок пятого года.

— На панихиде я этого не заметил!

— Как бы вы могли заметить? Родственник его принес тогда черный материал из театра и завесил им все стены. Это уж потом мы соскребали. Вчера целых полдня потратили. Осталась вот только одна эта стена. Сейчас рабочие пошли перекусить, вы вовремя успели.

Я никак не мог понять, о чем она говорит. Подойдя поближе к стене, я глазам своим не поверил. Каких только списков на ней не было! Списки выборов, собраний, списки награждений, состав юбилейных комиссий...

— Да он был просто ненормальным, этот Джоглидзе! — вслух произнес я, совершенно позабыв, что нахожусь здесь не один.

— Джибо? — неожиданно услышал я голос за спиной и, обернувшись, натолкнулся на откровенно неприязненный взгляд женщины. — Нормальный, да еще какой нормальный... Вы бы на других посмотрели... Есть тут у нас один. Кандидатом философских наук себя называет. Взять хотя бы его... Он просто покоя не давал жившему вон там, в доме напротив, однорукому. Выйдет, бывало, однорукый на балкон и давай чихвостить кандидата. Ты, мол, напрасно нос задираешь, теперь мы все равны. Однорукый, честно говоря, тоже был хорош. Ограниченный, тупой, да к тому же и бездельник отменный. А кандидат в ответ перекинет руку через перила балкона и давай его дразнить. Да как, не спрашиваете? Комбинацией из трех пальцев! Однорукый распаляется все больше, а кандидат вертит рукой с кукишем. И так до тех пор, пока однорукый не выдыхался. Потом наш так называ-

емый кандидат выносил на балкон небольшой столик, подсаживался к нему и заставлял жену накрывать отменный стол с бутылкой шампанского, свежим грузинским хлебом, икрой, шашлыками или жареной молодой курочкой, ставил вазу, полную фруктов, и, со смехом принимаясь за еду, приговаривал для одностороннего: «Смотри-ка теперь, как мы равны, полюбуйся». А сколько раз, держа над головой толстенную книгу, кандидат кричал что было мочи: «Смотрите, люди добрые! Я здесь Гёте штудирую, а этот недоучка с трудом прочитывает траурные объявления в газете, да и то с грехом пополам! И он еще вздумал со мной тягаться! Как же! Совсем распустили мы этих дураков и бездельников!».

Никак я этого человека понять не могла! Ну на что это похоже, скажите вы мне?! А Джибо... Он совсем другой был, тихий такой, скромный. А что прозвали его «спискоманом»... так что ж тут поделаешь?! У каждого ведь свои недостатки... Да и что это за недостаток?! Кому ж не хочется быть поближе к сильным мира сего... а ими сейчас считаются те, кто находится в этих злополучных списках. Джибо был хорошим человеком, но только кому это сейчас нужно, плохой ты или хороший?! Правда, таким он был раньше, до того, как его прозвали «спискоманом». Потом с ним что-то произошло, потом он очень изменился. Все время ходил раздраженный... Мне было его очень жаль. Но что я могла сделать! Да и какое я, соседка, имела право учить его уму-разуму!

— А кроме родственника, с которым я знаком, у него никого больше не было?

— Были, но он ни с кем не общался. Семья в районе осталась, расстались они, видимо, еще до того, как он здесь поселился. Джибо был не из тех, кто со всеми уживается. Лично мне он всегда казался человеком на редкость чутким... Оставил вот мне на память швейную машинку и полки румынские для книг подарил. Я раньше учительницей была, преподавала географию в семилетке. Увлекалась стихами, романами. И Джибо, между прочим, любил читать. Правда, читал он как-то бессистемно, но... Говорил, что, если не прочтет перед сном хотя бы страниц десять-двенадцать, то и заснуть

не сможет. Все корил меня бывало, что книги мои на плохих полках лежат. Эти авторы, мол, заслуживают большего уважения. Я, говорил, попрошу местком, чтоб внесли меня в списки на мебель, может, Бог даст, и поздравлю тебя на Новый год полками. И действительно. Я уже не знала, как и благодарить. Действительно, на новых полках книги смотрятся совершенно по-другому.

Рассказывая все это, моя собеседница почти не смотрела на меня. Единственное, что в ней коробило — так это неестественное подергивание уголков рта во время разговора. Стараясь отвести взгляд, она постоянно опускала ресницы и так смущенно улыбалась, что просто невозможно было не заподозрить чего-то. «Уж не была ли она любовницей Джибо?» — вдруг подумалось мне. Раззадоренный своим предположением, я испытующе уставился на нее. Почувствовав этот взгляд, женщина с минуту смотрела на меня и вдруг неожиданно громко рассмеялась, а потом, прикрыв лицо ладонями, стремглав выскочила на балкон. Засмеялся и я. С какой легкостью, не произнеся ни слова, мы высказали друг другу все, о чем подумали! Может, я и не прав? Тогда чем же объяснить ее странный смех? Женщина живет в городе, видимо, давно, и тем не менее, что-то провинциальное сквозило в каждом ее движении, манере говорить, в образе мыслей. Ведь ни город, ни образование не дают возможности преодолеть генетически обусловленный «потолок» мышления. Руководствуясь привычками общества, в котором вращался смолоду, человек до конца остается таким, каким был до приезда в город.

После моего разговора с соседкой Джибо прошло уже четыре дня. И вот теперь я слоняюсь по коридору учреждения. Жду Катамадзе. Он, как мне сказали, куда-то вышел и скоро вернется. Я не стал беспокоить секретаршу директора ни звонками, ни вопросами. Как относятся к Катамадзе сотрудники, сказать трудно, но, судя по всему, особой любви они к нему не питают. Еще в прошлый свой приход я отметил у директорской секретарши пренебрежительную улыбку, вызванную моей заинтересованностью Катамадзе, наверное, здесь к нему относятся довольно сдержанно, придерживаясь

поговорки: хвали да сторонись. Джоглидзе, видимо, не делал ни того, ни другого. Так, задумавшись, меряя коридор, я чуть не столкнулся с шедшим навстречу человеком и, вместо извинений, неожиданно для самого себя спросил:

— Вы Катамадзе?

Не каждому дано уместить во взгляде столько надменности, иронии и удивления одновременно, я было решил, что ошибся, но тут последовал довольно сухой, лаконичный ответ.

— Это я.

О его квадратном красноватом лице сказать что-либо положительное было довольно трудно, а вот голос был действительно хорош, настоящий баритон. Обладатель такого голоса непременно должен хорошо петь... Господи, и чего только не придет в голову! Нашел время и место для подобных размышлений! Интересно все же, от чего же зависит этот необузданный полет человеческой мысли?!

— Хотелось бы поговорить...

— Для долгой беседы не располагаю временем, может быть, завтра...

— Всего десять минут.

Он снова посмотрел на меня и, со звоном вытащив ключи из кармана, отпер дверь.

— Входите, — предложил он.

В комнате стояло четыре стола. Катамадзе подошел к одному из них и принялся перебирать какие-то бумаги. Я расположился напротив. Кроме нас в комнате никого не было.

— Вроде ничем особенным не занимаемся, а дел по горло. Я приехал сегодня утром... и вот, набралось уже этих бумаг... заявлений разных...

— Вы извините, что побеспокоил...

— Да! Совсем забыл спросить. — Оторвавшись от своего занятия, он пристально посмотрел на меня. — Вы кто, собственно, будете?

— Журналист Вардзиели.

— Не слышал.

— Это совсем не обязательно. Я вас, собственно, тоже не знаю...

— А кто вообще о нас знает... — махнув рукой, произнес он.

— Я с удовольствием побеседовал бы с вами вообще, но в данный момент меня интересует ваш бывший сотрудник... недавно скончавшийся...

— Джоглидзе, — резко отрезал он, словно поставив точку на моей, повисшей в воздухе фразе.

— Да, именно. Не могли бы вы сказать, что послужило причиной его столь внезапной смерти...

— На этот вопрос дало ответ медицинское заключение.

Видимо, Катамадзе из тех, кто прерывает собеседника на полуслове, — пришел я к невеселому заключению.

— Обратитесь туда, — продолжал он. — Что касается меня, то я лично ничего «внезапного» в его смерти не нахожу!

— Ничего внезапного? Но многие считают... Неужели все ошибаются?!

— Все? А среди этих «всех», конечно же, и вы! — стеганул Катамадзе с неприкрытой иронией. — Кажущаяся на первый взгляд «внезапность» — всего лишь результат. Вся суть в причине. Закономерно все, а стало быть, и смерть Джоглидзе. Казалось бы, что может быть внезапнее, неожиданнее землетрясения?! И опять-таки!.. Для одних это непредсказуемая катастрофа, для других же — закономерный факт. Проникновение в самую суть всегда преподносит совершенно иную картину, касается то отдельного индивидуума, либо человечества вообще...

Каково ж Джоглидзе было угнаться за таким, — невольно подумалось мне. Остается лишь поражаться превратностям судьбы, засаживающей за убогие столы рядовых ведомств людей, подобных Катамадзе. Неужели Бог не сумел придумать для них ничего лучше?!

— Глядя на вас, не скажешь... А верите каким-то глупостям! — раздраженно бросил Катамадзе.

Воцарилось молчание.

— Джоглидзе сунулся в петлю, а с нею шутить не стоит, — вновь заговорил он.

— О чем это вы?

— Да об этой пресловутой «спискомании». Вы

ведь сами знаете, человек обуреваем всевозможными страстями, желаниями, такова его суть, тут уж ничего не поделаешь. Мы же пытаемся по мере сил утрясти все это списками. А такие, как Джоглидзе, стремясь не пропустить ни одного из них, выворачиваются наизнанку, доходя порой до абсурда, и зачастую все заканчивается обидами и недовольством. Присущее испокон веков честолюбие и по сей день делает свое дело.

Я засмеялся. Вошедший было в раж Катамадзе изумленно воззрился на меня и на мгновение остолбенел.

Пытаясь сгладить неловкость, вызванную столь неуместным смехом, я, лихорадочно изыскивая аргумент повесомее, предложил:

— А не поменяться ли нам местами?

— Какими местами?

— Нашими. Я пришел к выводу, что журналистом должны быть вы. Более того... философом! А вы сидите здесь! Отчего?!

Катамадзе настороженно посмотрел на меня и сдержанно улыбнулся.

— Доводилось ли вам встречать человека, которому до пенсии оставался месяц?

— И не раз, наверное...

— Ну и что? Ни один из них не признавался вам в своих сокровенных мечтаниях? Вот уйду, мол, на пенсию и займусь живописью... или начну писать стихи! Вы что, и из меня решили сделать нечто подобное? Оттого-то и «хороши» у нас дела, оттого-то и сделалась наша поэзия, живопись, философия бездарными... Возмнив себя поэтами, мы и не замечаем, как глумимся над искусством, и оно, в отместку, смеется над нами... А сколько критиков развелось, восхваляющих все это?! Пытаясь обмануть других, они оказываются обманутыми сами.

— Проблематичный ответ. Я рад знакомству с вами, более того, мне оно было просто необходимо, — искренне признался я. — Вы не можете себе представить, какое порой неблагоприятное впечатление создается о человеке по каким-то... глупым рассказам и слухам, распространяющимся с молниеносной быстротой и спо-

собным превратить Христа в Иуду и назвать Иуду Христом!

— Знаю. Мои принципиальность и... убеждения дорого обходятся, но... мне претит угодничество, я с трудом терплю услужливость официанта в ресторане. Но есть и другие...

— Вы совершенно правы! Только надо же, куда нас занесло! Начали с Джоглидзе, а оказались...

— Джоглидзе! Ему бы жить да жить, но вот не нашлось человека, кто предупредил бы... остановил... А вы знаете, до чего он дошел с этим своим «спискоманством»? Я не мог бы себе даже представить ничего подобного, если б не убедился сам. — Катамадзе задумался, и, покачав головой, продолжил: — Вот, скажем, наши общественные деятели (и не деятели тоже) подписываются под некрологом какой-нибудь известной персоны. Зачастую перечень фамилий приобретает довольно внушительный вид. И вот, вы только себе представьте, что в конце этого, вырезанного из газеты, некролога мелкими печатными буквами сделана приписка... еще одна фамилия... Дж. Джоглидзе.

От неожиданности я рассмеялся и, видимо, слишком громко. Застывшее лицо Катамадзе выражало немой упрек. Поигрывая цветным карандашом, чуть склонив голову набок, он ждал, пока я успокоюсь, всем своим видом давая понять, что надо быть сдержаннее, так как ничего веселого во всем этом нет и, как говорится, было бы смешно, кабы не было так грустно...

Все услышанное меня просто поразило, трудно было поверить в подобный абсурд.

— Я сам, правда, не видел, — продолжил Катамадзе прерванный разговор, — но говорят, что вместо обоев стены его комнаты были оклеены всевозможными списками, а карманы набиты вырезками из газет... человек погибал, а мы смеялись. И вы думаете, что все это послужит кому-нибудь уроком? Да даже если сто таких Джоглидзе умрет на их глазах, они не научатся уму-разуму!

— А в какой список вы отказались тогда внести Джоглидзе, что якобы и послужило причиной его смерти?

— Скажу и об этом. Мне было поручено составление очередного списка. Я, естественно, принялся за дело. Подчиненный на то и есть, чтоб исполнять волю начальства. В него должны были войти сотрудники нашего учреждения, умершие за последние двадцать лет. Директор намечал устроить вечер памяти. Джоглидзе же, узнав, что составляется какой-то список, пристал ко мне ну прямо с ножом к горлу. И объяснить ему я толком ничего не мог. Дело в том, что директор предупредил меня загодя, чтоб я об этом до поры до времени не распространялся. Я и помалкивал. А Джоглидзе ходил за мной по пятам, что-то доказывал, спорил, сердился... Я не выдержал и в конце-концов сказал ему пару «ласковых слов». Мне тогда и своих забот хватало. А тут еще он. Ну в самом деле, не мог же я включить в этот список живого человека! — обескураженно взглянул на меня Катамадзе. — Кто знает, — раздумчиво заговорил он снова, — может, если бы я нарушил данное Эрастычу слово, Джоглидзе сегодня был бы жив?

— Вполне возможно, что и протянул бы еще несколько дней... до очередного списка. Да разве дело здесь в нем? Думается, все гораздо серьезнее...

Перевод

Натали ГИГИАДЗЕ

Валериан ГАПРИНДАШВИЛИ

Праздник Офелии

Верико Анджапаридзе

Лишь один хочу я праздник праздновать отныне —
День Офелии — маящий призрак неотступен.
Станет осенью белесым этот воздух синий,
Дивным ликом озарится небосвода бубен!

Дочь дождя, она печальна, горестно-невинна.
С ливнем в мир слетает ангел, Гамлета подруга,
И ее с восторгом примет сизая стремнина,
И слезами оросится лик замшелый луга.

Празднуйте со мной, поэты, этот день рыданий,
Пред невестой бедной принца преклонив колено!
Потекут людские толпы к новой Иордани:
Эту женщину поднимем из пучины пенной!

Букинист

В сад, к перемене погоды готовясь,
Вынес проветрить свой хлам лежалый
Этот седой молчаливый торговец,
Чем-то сейчас удрученный, пожалуй.

И посыпается желтая гряда
Пеплом листвы безутешным и бурым.
Скоро нагрянет зима, но покуда
Осень стоит столбовым азнауром.

Стал покупатель и скуп и редок,
С нищим ашугом вас вместе забыли...
Разве гуляка придет напоследок.
Пляшет просвеченный ангел пыли.

Старый поэт опечаленно-кроткий
Томика перелистает страницы.
Перебирая янтарные четки,
Вспомнит минувшее и прослезится.

Ветер, добычу свою прикармая,
Перекатился и мчится... Да, нет уж —
Книжник, спасая «Караманиани»,
К сердцу прижал пожелтелую ветошь.

Верный слуга этих книг, наверно,
В гроб он потащит свитков свиту.
Ночь безобразна и лицемерна:
Смерть черноликая! Где ты скрыта?

И шелестящей стаей лебяжьей
Книги проводят его к могиле,
Чтобы застыть погребальной стражей
И увенчать его странствий были.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Сентиментальный триолет

Моя глубокая печаль, как нежный воробей в снегу,
Как в листопаде золотом вдали белеющий Версаль,
К небесной прелести твоей я подступиться не смогу,
Моя глубокая печаль, как нежный воробей в снегу.
Снега разлуки надо мной блещут, как вражеская сталь,
Слез одиночества в душе не сберегу, не сберегу.
Моя глубокая печаль, как нежный воробей в снегу,
Как в листопаде золотом вдали белеющий Версаль.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

Новеллы

ЛОДКА

Почему я предпочитаю ездить поездом? Да потому, что меньше тратишь нервов. Купишь билет, придешь за пять минут до отхода, войдешь в свое купе, положишь в ящик свой багаж, закроешь его, ляжешь и все дела! Правда, поезд будет трясти два дня, и расстрясет так, что будь здоров! Но чего стоит одно то, что ты на земле и твой багаж с тобой! Кто-то мне говорил, что по статистике с поездами бывает больше дорожных происшествий, чем с самолетами. Он читал об этом в газете. Но ты знаешь, Иmano, что они подразумевают под «дорожными происшествиями»? Ты думаешь это, когда ты в пижаме спустишься в Тихорецкой покупать копченую рыбу и долго торгуешься с одержимым страстью к «Жигули» перекупщиком, а тем временем поезд трогается, и ты, оставив свою пятерку в руках у торговца рыбой, на ходу без рыбы вскакиваешь в поезд? Ты думаешь, это «дорожное происшествие»? Нет, дорогой мой Иmano, «дорожное происшествие» это — авария или катастрофа.

Допустим даже, что «дорожных происшествий» с поездами случается больше. Ну и что? Разве можно сравнивать «дорожное происшествие» в поезде и «дорожное происшествие» в самолете? Если испортится электровоз и откажут двигатели, поезд остановится, вот и все! Но если на высоте два километра у самолета откажут двигатели, тогда прощай! Возьмем даже самый

страшный случай «дорожного происшествия» с поездом — столкновение. Если поезда столкнулись не на большой скорости, есть хоть шанс спастись. А самолетом? Даже рта раскрыть не успеешь, как тебе выпишет путевку на тот свет архангел Гавриил.

«Вы выигрываете время, а время в наши дни — это деньги», уверяют нас. Вот это-то и погубит человечество, так и знай, Иmano. Куда торопишься, куда тебя несет? Ложись на бочок в купе, беседуй со своим попутчиком, если попался человек разговорчивый, а нет, так почитывай газетку. На станциях можно купить мороженое, малосольный огурчик, полакомиться вареной курочкой и выпить стаканчик водки, не любишь курочку, пожалуйста тебе рыба и пиво. Не хочешь кушать, и не надо, садись у окошка и смотри себе на мир. Не так уж много времени нам отпущено на этой земле, чтоб постоянно летать над облаками. Из поезда видны не только вороны и степи, из поезда жизнь видна, милый, вся наша жизнь. Виден обездоленный крестьянин, сгорбившийся над своим клочком земли, видна старуха, бегущая за тощей коровенкой, меж бесцветных облупленных избушек «простых смертных» — «виллы» «деловых ребят», знающих толк в жизни.

Оставим все прочее в стороне, знаешь ли ты, что путешествуя самолетом, ты даже не выигрываешь во времени? За час заканчивается регистрация, это означает, что ты должен быть в аэропорту хотя бы за два часа до вылета. Чтоб быть за два часа раньше в аэропорту, надо за два часа раньше выходить из дому. Что за такси надо платить бешеные деньги, об этом уже и говорить не приходится. Я сейчас говорю о времени. Два часа до аэропорта, два с половиной часа до вылета, затем час досмотр, затем стой, как лошадь, и жди пока выведут на летное поле, затем стой у трапа под ужасающий рев моторов, пока стюардесса, сжалившись, пустит в самолет. На все это ведь нужно как минимум пять часов? Затем два с половиной часа лету до Тбилиси, затем полтора часа для того, чтоб выгрузить багаж из самолета и подвезти его к залу ожидания. Значит, уже девять часов, час еще на то, чтоб забрать свой багаж и самое меньшее полчаса стоять в очереди за такси (это самое меньшее!), вот тебе и десять часов.

Добавь сюда еще один час до дома, вот тебе и одиннадцатый час. Вы считаете только время полета — два с половиной часа и больше ничего. Я рассказал об идеальном варианте, когда нет никаких задержек и самолет вовремя вылетает. Но с этой погодой, отсутствием горючего, как ты думаешь, может ли хоть как-то соблюдаться график движения воздушного транспорта. Каждый третий самолет по какой-либо причине опаздывает, но если я сейчас буду приплюсовывать и время опоздания к тем одиннадцати часам, то очень может быть, что мой раздолбанный поезд опередит новенький, ладный «воздушный лайнер», как пишут журналисты.

Ну а нервы? Если спросить меня, у наших современников не столько дефицит времени, сколько дефицит нервов. И если надо что-либо спасти, то в первую очередь наши нервы.

Знаешь, откуда начинается нервотрепка, когда ты уже решил лететь самолетом? Оставим даже в стороне унизительную эпопею поисков билета. Начнем с того момента, когда билет у тебя на руках. Ты даешь рубль вместо двадцати копеек дежурной по этажу, чтоб она заказала тебе такси. Она невозмутимо берет рубль и не отказывается вызвать такси, но предупреждает, что гарантий никаких, бывают случаи, говорит она, когда заказанные такси не являются. В ту ночь ты беспокойно спишь, предупреждение это не дает покоя. Утром же по мере приближения времени прихода такси волнение возрастает, а вдруг не придет!

Такси прибыло. Ты садишься в машину и первый твой вопрос таксисту: «Как вы думаете, сегодня летная погода?» Водитель, боясь как бы ты не передумал ехать во Внуково, говорит, что да, летная. Но ты подозреваешь, что он ответил положительно только для того, чтоб ты не передумал ехать в аэропорт. Но ты бы не передумал ехать во Внуково, если бы даже он ответил отрицательно, поскольку если даже погода не летная, у тебя все равно гостиница только до 12 часов дня. Для того, чтоб в советской гостинице продлить срок проживания хотя бы еще на одну ночь, надо столько себе морочить голову, что можно сойти с ума.

Да, я говорил о нервах. Ты стоишь у регистрацион-

ной стойки в очереди и думаешь, а вдруг твой багаж весит больше двадцати килограммов. И действительно, багаж весит 21 кило. «Уплатите во вторую кассу», категорически приказывает тебе дама-регистратор. «Можно, я заплачу вам?»—умильно улыбаешься ты ей, но твой умоляющий взгляд разбивается о неумолимое: «Не положено». Нужно собрать свой багаж и стать в очередь во вторую кассу, чтоб заплатить за один лиш- ний килограмм. Ты стоишь и нервничаешь, вдруг реги- страция закончится и вместо тебя возьмут другого пас- сажира, а тебе не очень даже вежливо откажут.

Наконец все благополучно завершилось. Ты стоишь в пропитанном запахом пота зале и ждешь объявле- ния твоего рейса. В период регистрации погода была летная, но ведь она могла измениться за эти два часа. Достаточно, чтоб аэропорт в Москве или в Тбилиси за- крылся на полчаса, и твой рейс вылетит из графика, и тогда каждые четыре часа будут объявлять, что вылет запаздывает на четыре часа. «Запаздывание» может длиться три дня. Но никто не принесет извинений за испорченные нервы, бессонные ночи и покрасневшие гла- за. Наоборот, если попробуешь протестовать, повысить голос, рискуешь очутиться в милиции.

Положим, тебя наконец позвали к «выходу № 1». Там заново начинается проверка паспорта и обыск в буквальном понимании этого слова. Проверяют твою сумку, нижнее белье (некоторые в командировки берут с собой клизму, да-да, не смейся, пожалуйста, на слу- чай запоров), все это ты вытаскиваешь, проверяющая дама брезгливо заглядывает в сумку, затем оттолкнет ее рукой и, пожалуйста, складывай заново свой багаж. Остался ли у тебя еще какой-нибудь запас нервов? Ни- чего, все растратишь у самолета, где опять будут про- верить паспорта и билеты, замерзшего столкнут с тра- па, потому что, видите ли, сперва места должны занять пассажиры первого салона. Я уже ничего не говорю о нервотрепке во время полета. Будь мужественным, и не вспоминай о воздушных катастрофах последних лет, которые происходят то по вине пилотов, то по вине угонщиков самолета, желающих жить за границей, то, надо же иметь везенье, из-за того, что в двигатель по- пала птица.

Ты приземлился в тбилисском аэропорту? Ну возблаговари Господа, ведь могла измениться погода и ты с таким же успехом мог очутиться в фешенебельном бакинском аэропорту. И ты думаешь, что на этом все закончилось? А теперь разреши мне рассказать, что со мной случилось недавно на этом последнем этапе невротрепки.

По правде сказать, я и сейчас, как ребенок, удивляюсь багажному транспортеру в аэропорту. Да будет благословен тот, кто его придумал. Твой багаж подплывает прямо к тебе, и если ты зазевался и не успел его снять, он снова через некоторое время появится перед тобой. Чемодан уже прибыл, вот он стоит у меня между ног, и теперь я жду тюк. Вот уже на конвейере осталось очень мало багажа, а моего тюка все нет и нет. Разве есть необходимость напоминать на каждом шагу, что я нервничаю? Давай договоримся, что я больше не стану употреблять слово «нервничать». Ты заметишь, когда создается нервная ситуация.

Транспортер почти опустел. Я подошел к дежурному, так, мол, и так, чемодан вот он, а тюка нет. Он мне посоветовал приглядеться, вдруг кто-нибудь по ошибке снял мой тюк с транспортера, а вернуть не вернул. Я огляделся, но безрезультатно. На транспортере остался всего лишь один тюк, очень похожий на мой, но разве мало таких пакуют в московском аэропорту?! Коренастый мужчина с торчащими как два венника усами снял тюк и протянул мне, вот, дорогой, не надо лишнего шума, никому твой багаж не нужен! Если бы этот тюк был мой, сказал я, я и без тебя мог бы его снять, но я прекрасно разбираюсь в четырехзначных цифрах, на моей бирке написано «0953», а на тюке «0958». Дежурный повел меня к главному экспедитору.

Молодой, плешивый, косоглазый экспедитор, почему-то безусый, с красной повязкой на руке поначалу подробно расспросил меня, кто я и что из себя представляю, затем словно бы между прочим спросил, а что у меня было в том тюке.

Может, ты удивишься, но в нем была надувная лодка, венгерская. Я три часа стоял за этой лодкой в Москве в очереди. Пять лет я ее искал и наконец набрел на нее. Я рыбак, и она мне очень нужна.

Экспедитор косо посмотрел на меня: — Вы что, ездили в Москву за лодкой?

— Да нет, дорогой, я был там в командировке, заодно купил лодку. А если бы я даже ездил за лодкой, что это меняет?

Он не ответил. Схватил «0958» и стал распаковывать. Распаковав, выложил шесть коробок сухарей, внимательно оглядел их, может, где адрес какой, и затем снова упаковал.

— Ничего подозрительного, наверное, перепутал кто-то и забрал ваш «0953» вместо своего «0958». Бегите, может, он еще в очереди за такси стоит.

Я схватил тюк с сухарями и ринулся к стоянке такси. Под подозрительными взглядами граждан я обошел всю очередь и осмотрел весь багаж, но моего тюка как не бывало.

Разъяренный, я вернулся в дежурное отделение.

— И как же теперь быть?

— Есть всего лишь два шанса найти вашу лодку. Первый: может, через день-другой появится хозяин сухарей, если он человек порядочный, он не присвоит чужую вещь. Хотя, не буду скрывать, — соблазн очень велик — венгерская дефицитная надувная лодка взамен копеечных сухарей. Второй шанс столь же сомнителен. Во время регистрации номер багажа в Москве не записывают, но зато известен весь состав пассажиров с номерами паспортов. Поэтому я пошлю в Москву запрос и акт. Они же, если не поленятся, пришлют нам список пассажиров. Потом уже сыские органы установят адреса пассажиров и выяснят, все ли получили свой багаж. Таким образом можно выяснить, с кем «отправился» домой ваш тюк с лодкой.

— Да, но тот, кто присвоил мой багаж, может не признаться и сказать, что не имеет претензий к багажному отделению, — сказал я чуть ли не со слезами.

— Очень может быть, — утешил меня представитель властей.

Вот так вот, с таким трудом приобретенную венгерскую надувную лодку я довез до Тбилиси, и вот тут-то с транспортера ее сперли.

Я скрежетал зубами. Не имело смысла разглаголь-

ствовать тут о низком уровне обслуживания воздушного транспорта, таких ли тут выслушивали?!

Экспедитор составил акт и сказал: **заберите этот тюк с сухарями**, если объявится хозяин, мы пришлем его к вам, обнадежил он меня. Затем, барабаня по столу (что-то вроде марша) и заводя глаза под потолок, он ясно дал мне понять, что мне уже пора уходить.

— Имею ли я право как пострадавший подать на вас в суд? — ухватился я как утопающий за соломинку.

— Разумеется, имеете. И суд вменит нам в обязанность сделать то, что мы делаем теперь и без жалобы. Другого пути найти ваш багаж просто нет. Что же касается стоимости лодки, чтоб вам возместили ее, раз вы ее не застраховали до вылета, вам придется начать расследование.

— Что за расследование? — спросил я.

— Ну в данном случае мы полагаемся только на ваши слова, но если вы потребуете возмещения убытков, вы должны найти трех нейтральных свидетелей, которые подтвердят, что в тюке у вас действительно была венгерская лодка. Ведь может же быть, все мы люди, что вы будете утверждать, что в тюке была скрипка Паганини и запросить с нас миллионы.

Расстроенный, я поехал домой. Разумеется, я скрыл от домашних историю с потерей лодки, поскольку они не знали и о приобретении ее.

Прошло две недели. Но я не сидел сложа руки, я систематически звонил в багажное отделение аэропорта, и хотя каждый раз говорил с разными дежурными, они все отвечали одно и то же: «я ничего не знаю, это произошло не в мою смену, я запишу, выясню все и извещу вас». И только я хотел было предложить записать мой номер телефона, как дежурный клал трубку.

Потеряв надежду, я явился в аэропорт собственной персоной. Я уже не помню, из скольких кабинетов меня вежливо выпроводили со словами: «меня это не касается, обратитесь к такому-то». И наконец я заглянул в кабинет к человеку, который меня ждал:

— Где вы до сих пор? Целую неделю вас ищем. Ваш багаж отыскался.

Даже покупка лодки после двух часов стоянки в очереди не обрадовала меня так, как эти слова.

— Да благослови вас Господь! Она здесь?

Он открыл ящик стола и вынул бумагу.

— Дело в том, что... — он не отрывал глаз от бумаги. — Ах, простите, это не та, — он достал другую бумагу, — так вот дело в том, что ваш багаж по ошибке унес гражданин Ковзиридзе, проживающий по улице Горгасали, 7. Мы установили, что гражданин Ковзиридзе Шалва только прописан у своего шурина по ул. Горгасали, 7, на самом же деле он живет в Сачхере в селе Гориса. Таким образом, в тот день, когда вы потеряли багаж, он только на один час заехал к своему шурина. Разумеется, багаж он там не распаковывал, немного отдохнул и на автобусе отправился в Сачхере. Таким образом, ваша вещь сейчас пребывает в Сачхере, в селе Гориса у Шалвы Ковзиридзе. Как теперь нам быть? Если хотите, вы сами поезжайте в село Гориса, чтоб не терять времени, а нет, так мы пошлем уполномоченного. Я говорю, чтоб не терять времени, потому что у нас один уполномоченный, и он на бюллетене. А когда выздоровеет, не могу сказать.

— Я поеду сам, — сказал я, обалдевший от счастья.

Кто знает, время терять нельзя, вдруг за это время они и днище оторвут у лодки. Нет, все-таки этот Ковзиридзе не совсем порядочный человек, ведь понял, что не свой багаж забрал, нельзя было вернуть, что ли, до сих пор?!

На следующий день, приблизительно к часу дня, я прибыл в Гориса.

Автобус хорошенько растряс меня, но когда передо мной как на ладони раскинулась долина Квирилы и село, меня отпустило. Стоило сюда приехать, только чтоб увидеть эту красоту.

Расспрашивая встречных, я добрался до дома Шалвы Ковзиридзе.

На мой голос игравшие во дворе дети повернули своих деревянных коней и помчались к воротам. Увидев в моих руках тюк, они несказанно обрадовались. Старший побежал к дому, наверное, чтоб позвать родителей, младший же приблизился ко мне, дотронулся

до тюка и шепотом спросил: — Дяденька, вы что, нам лодку привезли?

Этот вопрос меня сразил, но я и виду не подал.

Тем временем вышли и хозяева. Высокий рябой человек пожал мне руку и представил свою супругу, которая тут же засуетилась, приглашая в дом, и кинулась на кухню.

Сидим мы на веранде. В Имерети гостя не принято спрашивать, по какому делу он пришел. И гость как можно дольше не объявляет о цели своего визита. Говорим о погоде, о загрязнении атмосферы, землетрясении, транспорте.

За это последнее я ухватился. Думал: с железнодорожного перейду на воздушный, а затем быстренько расскажу об истории с лодкой. Но Шалва опередил меня.

— И не говори. У нас все возможно. Недавно я был в Москве. На улице Горького в спортивном магазине продавались венгерские надувные лодки. Я решил, встал в очередь и купил. Вы спросите, зачем мне в Гориса лодка, а я вожу ребятишек на рыбалку к Квириле, и они там плещутся в воде, ну и лодкой забавлялись бы. Но я по ошибке в аэропорту взял чужой багаж. Когда я раскрыл его, в нем оказались два глобуса и настольная лампа. Я послал в аэропорт письмо. Но никакого впечатления. Ни ответа, ни приветия. Лежит вот тюк с глобусами, думаю, может, кто востребует его.

— Постойте, вы значит тоже потеряли лодку?

— А что, еще кто-нибудь ее потерял?

— Я как раз ищу венгерскую надувную лодку, дорогой мой Шалва. Этот тюк послали вам из Тбилиси. Тут шесть коробок сухарей, значит, они не ваши?

— Зачем мне сухари, дети не любят, а мне чего же ломать о них зубы, — засмеялся Шалва, вставая. Через некоторое время он вынес из комнаты точно так же упакованный тюк. Бумага была надорвана и сквозь нее голубел океанический бок глобуса. На тюке болталась бирка с номером «0950».

— Ага, значит вы тоже на улице Горького купили лодку? — на всякий случай спросил я.

— Да, уважаемый, клянусь вам тремя детьми. Раз-

ве буду я из-за лодки клясться детьми? Думал, обра-
дую, поплывут по Квириле, развлекутся.

Вообще-то я только взглянул на него и сразу по-
нял, что лицо знакомое, думал, может потому что в са-
молете вместе летели, оказывается, мы еще и в очере-
ди за лодкой вместе стояли.

Но теперь не было времени разбираться, из кухни
вился дымок, и хозяин, по всему видать, человек ком-
панейский. И теперь уж точно нам было не до надув-
ной лодки.

МУЧЕНИЕ

Генеральный директор объединения «Ишидело» Арон
Джаджанидзе допустил роковую ошибку. Если
бы он закончил свое выступление словами «теперь де-
ло за вами, действуйте согласно обстоятельствам», все
было бы в порядке. Но, к сожалению, под конец своего
туманного выступления он обратился к своей пастве со
словами: «Надеюсь, все ясно?» И эти-то безобидные
три слова и испортили все дело.

Для сидящих до той поры с невозмутимыми лица-
ми ученых и инженерно-технического персонала почти
все оказалось неясно.

Арона забросали вопросами:

— Они летят одним самолетом?

— Не знаю, как они смогут прилететь на одном
самолете...

— А как узнаем мы, кто когда прилетает?

— Но вы же знаете, кто к какой стране прикреп-
лен!

— Да, но...

— Ну вот и надо узнать... как-нибудь...

— Встречать будем на своих машинах?

— У кого есть, да...

— Из Хвипии приезжает двенадцать человек, как
мне их разместить?

— Арендуй «Раф».

— А у кого нет машины?

— Ловите такси...

— Симпозиум начнется восемнадцатого, зачем мы позвали людей на четыре дня раньше?

— Для акклиматизации.

— Но как развлечь гостей эти четыре дня?

— Погуляйте с ними.

— Можно приглашать их в гости к себе?

— Да.

— Большое спасибо.

— Сколько раз в день кормить, три?

— По обстоятельствам. Когда проголодаются. Но все в меру, особенно не спаивать. Ночевать у себя не оставляйте, привозите в гостиницу.

— А если сами захотят?

— Ну, в виде исключения...

Читатель, верно, уже догадался, что происходило в объединении. Но дабы пресечь могущие возникнуть нездоровые толки вокруг этих догадок, автору этой новеллы поручено сообщить вам, что проводится симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Отебашвили. Симпозиум посвящен проблемам воспитания детей-сирот. По правде говоря, хозяев очень затруднил выбор гостей. В мире почти не оказалось ученых, работающих непосредственно над этой проблемой. Поэтому приглашали из смежных наук, тех, кого вспомнили, либо тех, кто уже имел опыт пребывания на симпозиумах в Чурчурии. Приглашительные, разумеется, были посланы загодя, за два года раньше. Не стану брать греха на душу, приглашенные не замедлили откликнуться. Почти все они писали приблизительно следующее: Мы очень соскучились по Чурчурии и с удовольствием примем участие в симпозиуме, но ничего не слышали о академике Отебашвили, не можете ли вы нам в поисках литературы. Выяснилось, что труды Отебашвили не переведены ни на один язык мира. Тем хуже для мира. Но для того, чтоб гости имели представление о жизни большого специалиста в деле воспитания детей-сирот, объединение разослало всем биографию академика и список его работ. Для большей ясности в письмах разъяснялось, кто в их стране приблизительно мог бы служить аналогом Отебашвили. Должен сказать, что это последнее указание значительно облегчило задачу гостей.

Теперь же, как вы наверное поняли, все подготовительные работы к симпозиуму были позади. Организационный комитет проводит последнее заседание. Первый пункт порядка дня «Приезд и размещение гостей», на первый взгляд, казался самым простым. Но тот, кто принимал участие в такого рода компаниях, знает, в какое полыхая попали те простые люди объединения, кому поручена почетная миссия сопровождать и обслуживать зарубежные делегации.

Ответы на поставленные вопросы не внесли полной ясности в права и обязанности хозяев. Напротив, чем больше было вопросов, тем все более туманно отвечал Арон Джаджанидзе. Да и тот, кто задавал вопрос, не ждал ясного ответа на него. Мне даже кажется, что многие задавали вопросы просто так, чтоб про них не забывали. Иначе, между нами говоря, что за ответа требует, например, вопрос: «Раздавать ли сувениры по приезде или перед отъездом?» или «Как сидеть на банкетах: со своими гостями или отдельно?»

Молодой ученый, сотрудник лаборатории по изучению египетских правил бальзамирования позвоночных Бута Чкоидзе пребывал в большой растерянности. После заседания он бросался то за одним сотрудником, то за другим: «Ради бога, скажите, когда мне надо быть в аэропорту, у какого выхода я должен ждать своих гостей? А если они все прилетят из Москвы одним самолетом, как я узнаю среди них своих гостей? И вообще, в первый день на ужин мы их должны пригласить, или объединение устраивает общий для всех?» Из неясных ответов сбегавших по лестнице сотрудников Бута вынес заключение, что никто ничего толком не знает, или, может, и знает, но почему-то не хочет делиться секретом с молодым ученым.

Целый день он провел в аэропорту. В Москву делегация из трех человек из развивающейся страны Апапа прилетела вовремя. Но самолет в Чурчурию по погодным условиям опаздывал. Бута знал, что все делегации летят одним рейсом, и поэтому был удивлен, не увидев среди встречавших ни одного знакомого лица. «Неужели я ошибся, может, они приземлились в другом аэропорту?», подумал было он, но тут же отбро-

сил эту мысль как абсурдную — в столице Чурчурии не было другого аэропорта.

Шел сильный дождь. Из окна зала ожидания видны были огромные железные птицы, под крыльями которых, как возле утки утята, копошились желтые грузовые машины. Возле каждого самолета можно было наблюдать одну и ту же сцену: работали два носильщика, а неподалеку стояли человек пять-шесть в комбинезонах и внимательно следили за погрузкой. Недалеко от Буты в креслах сидели и беседовали гиды из Интуриста. Один из них рассказывал, как четыре дня водил двух иностранцев на симпозиум по геронтологии, где они читали доклады, а оказалось, что они приехали на симпозиум по средневековым фрескам. Бута рассмеялся, но тут же похолодел, как бы со мной то же самое не произошло, подумал он.

Самолет с участниками симпозиума на борту прибыл только на второй день к шести часам вечера. Обесилевший от двухдневного ожидания, Бута так ожил, что даже пытался выйти на бетонную площадку, чтоб встретить своих гостей у трапа. Разумеется, его не пустили, и пока пассажиры выходили из самолета, будущий специалист по бальзамированию, стоя у решетки, сквозь которую он просунул голову, пытаясь рассмотреть гостей, порядочно вымок. Шапку он держал в руке, потому что голова в шапке не пролазила сквозь прутья решетки, но высунув голову, он не сообразил накрыть ее с той стороны шапкой.

Когда через ворота вышел последний пассажир, Буту охватил страх. «Какие у них у всех спокойные лица, надо же, знают, что не оставят их без внимания. Но пусть меня спросят! Как различить своих в этой пестрой толпе, ума не приложу. Не буду же я кричать? Но где же остальные сотрудники объединения? У Джаджанидзе они все были языкатые, не стыдно бросать на меня всю эту ораву?!» Не успел он это подумать, как увидел референта объединения Заладзе и немного приободрился. Но удивился, откуда тот взялся, два дня его не было видно, интересно, как он тут очутился, как узнал о прибытии самолета. Он подошел и дотронулся до плеча увлеченного чтением списка референта:

— Я прикреплен к Апаапа.

— Да, я знаю, — не поднимая глаз, ответил Заладзе.

— И что?

— Что и что?

— Где они, в какую сторону пошли, я их не смогу отличить от других...

— Здесь они все, не бойся, никуда не сбегут, знают свое дело...

— Тогда я возьму такси и подъеду. Они же должны еще багаж получить?

— Что получить?

— Багаж, ведь будут получать багаж?

— Да.

— Так я пойду за такси. Ты здесь будешь?

— Да.

Заладзе вернулся было к списку, но тут же недоуменно посмотрел вслед удалявшемуся к стоянке такси Чкоидзе. Мне кажется, он не совсем понял, что хотел от него молодой ученый, какая связь была между такси и багажом.

Долго, поистине с йоговским терпением, стоял Бута в очереди за такси. Дождь не собирался переставать, и даже если бы он перестал, для Буты это уже не имело решающего значения. Пальто у него давно намокло, намокло, неудобно сказать, даже нижнее белье.

Но наконец подошла и его очередь. Вскочив в такси, он велел водителю подъехать к багажному отделению. Увидев замерший транспортер и пустой зал, он слегка опешил, но все же спросил у дежурного с красной повязкой на рукаве, привезли ли багаж с девятьсот двадцать пятого рейса? И привезли, и получили, ответил дежурный, сейчас ждем багаж с иркутского самолета. О Боже, я погиб, хлопнул себя по лбу Бута. Но дежурный остался невозмутим, мало ли он видел растерянных пассажиров.

Выскочив из зала, Бута бросился к такси, садясь в него, он случайно наступил ногой на пояс от собственного пальто и чуть не свернул себе шею. Водитель едва успел подхватить его, падающего лицом на сидение. Надеюсь, все в порядке, спросил он, да, да, ничего, ответил Бута, этот проклятый пояс... Ради Бога, гости

уже уехали, отвези, будь другом, в гостиницу «Чурчурия».

В крутящейся двери гостиницы он столкнулся с Ароном Джаджанидзе. Он толкнул дверь, чтоб догнать директора и объяснить ему все, что случилось, но чем энергичнее он толкал дверь, тем сильнее она крутилась. И директор с подчиненным, как в известном фильме Чаплина сделали как минимум пять кругов вокруг своей оси. Хотя в этот момент, я абсолютно точно знаю, ни один из них не думал о великом американском (или английском, или швейцарском) актере.

Бута наконец догнал бегущего к телефонизированной машине Джаджанидзе и крикнул ему прямо в ухо:

— Я встретил самолет, батона Арон!

Арон даже не остановился.

— Говори, дорогой, побыстрее, чего ты хочешь...

— Я с делегацией из Апаапа!

— Да, я знаю, мой дорогой, давай действуй, тебе поручено ответственное дело, смотри, не подведи. Я хочу, чтоб все видели, ты понимаешь, что это имеет большое значение. Ну, всего хорошего! — Джаджанидзе потянулся к ручке дверцы.

— Вы знаете, что со мной произошло?! — снял очки Бута, все равно ничего сквозь них он не видел, так запотели стекла.

— Да, я слушаю, — видно было, что Арон ужасно торопится, — говори быстрее, меня ждут в штабе.

— Пока я ловил такси, гости уже уехали.

— Куда уехали? — удивился руководитель объединения.

— Наверное, сюда.

— Куда сюда?!

— В гостиницу, куда же еще. С ними был и Заладзе.

— Ну и что я теперь должен делать, говори быстрее, — видно было, что терпение директора на пределе истощения.

— Я говорю, гости... Я один приехал на такси... Они ждали багаж... Заладзе тоже был там... Когда я подошел, их уже не было...

— Да, это плохо... Что могли подумать гости, как можно их терять. Нет, это непростительно. Мы тебе

поручили дело, конечно, нелегкое... Твои недруги говорили, что ты не справишься, молод очень. Но я сказал, что тебе можно довериться. К кому ты прикреплен?

— К делегации из Апаапа.

— Очень хорошо. Повидайся с ними, поговори. Они нужные люди, очень любят нас. Езжай! — сказал он водителю, садясь, и уже из машины спросил у ошарашенного Буты: — У тебя какое-нибудь дело ко мне?

— Нет, — сказал ему вслед Бута и вернулся в гостиницу.

Он попросил администратора гостиницы выписать ему фамилии и номера телефонов членов делегации Апаапа и, смущаясь, спросил, можно ли ему воспользоваться телефоном и позвонить им в номер. Я из объединения, путаясь продолжал он, мне надо позаботиться об ужине для гостей и обговорить с ними ряд вопросов. Администратор внимательно выслушал его объяснения, но не нашел ни одного пункта, который давал бы этому молодому человеку в очках весьма скромной наружности преимущественное право воспользоваться гостиничным телефоном. Поэтому он ответил, как отвечают в таких случаях все администраторы:

— По этому телефону звонить нельзя, дорогой, позвоните по автомату.

Даже если бы у Буты были монетки для автомата, он бы не доверился ему, поскольку не был уверен в том, что он совершенно беззастенчиво не проглотит их одну за другой. Поэтому он решил собрать незнакомых своих гостей наиболее простым способом: постучать в дверь каждому из них.

Через несколько минут перед Бутой в холле сидели трое малорослых мужчин, гости из Апаапа — господин Хамбо, господин Хаамбо и господин Хмбо. Они минутно улыбались и после каждой Бутиной фразы выражали искреннюю благодарность.

После приветственного слова, ознакомления с программой и краткой характеристики деятельности академика Отебашвили Бута ласково спросил вежливых гостей, нет ли у них желания осмотреть что-либо, не предусмотренное программой, или вообще, может, просьба какая есть.

Выяснилось, что гости приехали со своей програм-

мой-минимум, и сфера их интересов ничего общего не имела с проблемой воспитания сирот. Если бы у Буты был опыт, он должен был бы воздержаться от такого вопроса, тем самым он значительно облегчил бы себе жизнь и избежал неприятностей. Но опыта у Буты не было, и неприятностей избежать ему не удалось.

Господин Хамбо выразил желание приобрести разноцветные черноморские ракушки, осмотреть Вардзию и достать чианури, изготовленные в прошлом веке мастерами народных инструментов Балтадзе.

Господин Хаамбо сказал, что его брат, будучи в гостях в Чурчурии, познакомился на улице с неким Омаром, фамилии и имени которого он не знал. И этот Омар подарил ему талисман из кабаньего клыка. И теперь брат господина Хаамбо прислал Омару письмо, которое надо передать.

Господин Хмбо выразил желание издать в Чурчурии свой труд о добыче соли из соленой морской воды, который он написал двадцать пять лет назад и который ему не удалось издать в Апаапа. Гонорар он хотел получить тут же, раз уж он приехал, чтоб не доставлять потом хлопот бухгалтерии переводом денег в Апаапа.

Бута выразил желание помочь гостям. В тот вечер они поужинали в ресторане. За время ужина Бута ознакомил гостей с традициями и обычаями Чурчурии и с такой искренностью и убедительностью доказал, что для чурчурийца гость это посланец Божий, что господа Хамбо, Хаамбо и Хмбо очень пожалели, что обратились к нему со столь скромными просьбами. Если бы мы знали, сокрушались они, что тут так убиваются ради гостей, мы бы более осмотрительно обдумали свои просьбы. Разве могли предположить милые апаапинцы, что даже их скромные просьбы вконец измотают сотрудника лаборатории по изучению египетских методов бальзамирования.

На следующий день он явился домой к Арону Джаджанидзе, прекрасно зная, что застанет он его разве что дома и рано утром. Директор собирался уже уходить и запер дверь. Сказать, что он очень обрадовался появлению Буты, это значит сказать неправду.

— Ну, говори быстрее, дорогой, — сказал Джа-

джанидзе, подхватывая Буту под руку и идя к машине. Открыв дверь машины и протянув водителю портфель, он приостановился, всячески давая понять Буте, что ему не до разговоров.

— Я видел их, говорил с ними, весьма порядочные люди.

— Напомни, пожалуйста, дорогой, с кем ты говорил? — ласково проворковал Джаджанидзе.

— Ну с теми, что опередили меня вчера и уехали, к кому я прикреплен... Апаапинские делегаты...

— Да, да, да, вчера нехорошо у тебя получилось, но ничего... Ты должен был проявить большую оперативность, мобильность. Нельзя допускать такие ошибки, дорогой. Не думай, очень многие косо смотрят на то, что мы приблизили тебя к себе. Я не думал, что у тебя так много врагов.

— Я поговорил с ними, ознакомил их с программой. Все очень поправилось, но у них есть небольшие просьбы.

— Между прочим, за такие ошибки другого я бы наказал, но тебя прощаю. Перед гостями мы не можем опозориться. Ты поставил нас в неудобное положение, дорогой.

— О чем это вы, уважаемый Арон?

— Да, что ты там говорил мне? Какую-то ошибку допустил с гостями?!

— Их всех Заладзе привез на автобусе.

— Заладзе. Ты думаешь, Заладзе мы по головке гладим?! Я и Заладзе иной раз ругаю. Ну ладно, на этот раз прощаю, смотри не делай так больше...

Джаджанидзе сел в машину.

— Уважаемый Арон, я побеспокоил вас потому, что у гостей есть проблемы, — вцепился рукой в дверцу машины Бута.

— Конечно, будут, дорогой, а как же без проблем! Но ты все-таки должен был сделать то, что было тебе поручено. Ну, говори быстрее, что я должен делать?!

— Господин Хамбо хочет ракушки и Вардзию, и еще он хочет чианури, сделанный Балтадзе, а где сейчас этот чианури достанешь, днем с огнем не сыщешь! Господин Хаамбо хочет передать письмо Омару, ни фамилии, ни адреса его он не знает, господин Хмбо хо-

чет издать книгу о морской соли, которую он написал...
— как пулемет строчил Бута.

— Ты говоришь, написал? Думаешь, я не верю? — задумчиво протянул Джаджанидзе. — Конечно, я верю, но ты все-таки был обязан прийти вовремя, не надо было опаздывать. Гости, знаешь как, уедут и все там у себя расскажут. Ну всего, дорогой. Ты на замечания не обижайся, молод еще, и не возражай. Знаешь, сколько замечаний делали мне в свое время, да и сейчас?! Езжай, — бросил он водителю.

Машина тронулась, Бута, торопливо идя рядом с ней, кричал задумчиво смотрящему вперед директору: — Ракушки, разноцветные... Балтадзе! Чианури! Письмо, и о соли, о соли...

— Прекрасно, прекрасно, — кивал Джаджанидзе и напоследок крикнул остановившемуся посреди улицы Буте: — Учти, на этот раз прощаю, но впредь, смотри, чтоб это не повторялось...

* * *

Симпозиум прошел великолепно. Гости выступили все. Кто на торжественном открытии, кто на пленарных заседаниях, кто на встречах с трудящимися. Некоторые удовлетворили свою страсть к красноречию на банкетах. Правда, приезжие, как правило, не помнили о Отебашвили. Но все равно каждое выступление приводило в неописуемый восторг хозяев, поскольку первые три слова гости произносили на чурчурийском языке. И это приводило в сильное умиление хозяев.

Гостей симпозиума на больших автобусах возили из одного города в другой. Из ученых, прикрепленных к делегациям, с гостями можно было увидеть только Буту Чкоидзе. Он суетился то возле делегации из развивающейся Апаапа, то искал Арона Джаджанидзе с непонятными для окружающих и для самого Арона возгласами:

— Спрашивают, до каких пор буду водить за нос? Ракушки... Вардзиа, письмо... Добыча соли!

Утомленный его приставаниями Арон Джаджанидзе, завидев Буту, как марафонец, бежал к машине и кричал водителю: — Езжай быстрее, не видишь, догоняет, быстрее!

...Делегаты из Апаапа, которые так и уехали со своими несбывшимися желаниями, а, может, и вовсе не рассчитывали на то, что они сбудутся, не могли представить себе, что на следующий после их отъезда день Бута Чкоидзе положил на стол директора заявление об уходе с работы.

ПОХИЩЕННЫЙ ВЕТРОМ РЕЦЕПТ

В последнее время много пишут об одиночестве человека. Несмотря на многообразие форм общения, фейерверки собраний, демонстраций, перемещений, огромный поток информации, утверждают, что человек в наше время более одинок, чем в средневековье. Мы стали предельно равнодушны друг к другу. На веления и требования урбанизации наша природа ответила активизацией противоположных свойств человека: чем большего общения и растворения требуют внешние обстоятельства, тем более замыкаемся в собственной скорлупе, тем более углубляемся в себя. Я чуть было не поверил в эти рассказы об опасном отчуждении и разобщении, и если бы не этот случай, я бы навсегда утвердился в мысли, что мы все барахтаемся в омуте одиночества и не слышим друг друга.

Я был в командировке в городе Д. Остановился в гостинице «Сабена». Это большая перегруженная гостиница, но, по всей вероятности, ее начальство все еще считается с командировочным удостоверением. Администратор даже не спросил, по какому делу я прибыл в город. Послал меня на пятый этаж в пятьсот восемнадцатый номер. Номер был одноместный, довольно приличный.

В первый день я не выходил из гостиницы. Устал с дороги и выспался. На второй день утром я позвонил и выяснил, что человек, с которым мне надо было встретиться, именно в этот день улетел в Москву на трехдневное совещание. Я говорю о главном инженере

завода безалкогольных напитков. Мы собирались у нас открыть цех по выпуску фруктовых соков, потому я и приехал. Главный инженер завода Инакавадзе в свое время вернулся из Парижа, где тоже работал по сокам, и мы рассчитывали, что он поделится с нами опытом, укажет путь-дорогу. Конечно, я тоже был виноват, приехал без предупреждения. Надо было сначала созвониться, а потом ехать. Но теперь уже было поздно думать об этом. Дней пять надо будет ждать Инакавадзе в «Сабене». Другого выхода не было.

Трудно одному в чужом городе. От скуки я обошел близлежащие улицы. Наверно, вы бывали в Д, и поэтому должны знать, что в этом городе нет исторических памятников и «достопримечательностей». В магазины, набитые нашим «хламом», я даже и не подумал заглянуть. Целый день я слонялся по городу, потом заскучал и вернулся в гостиницу. Нет большего несчастья, чем безделье. Хочешь наказать человека, отними у него дело.

Чтоб заговорить с незнакомым человеком, нужна определенная смелость. Некоторые очень преуспели в этом. Все равно, с кем знакомиться — с мужчиной или женщиной. Они умело ткнут нить разговора, находят что-то общее. Я же в этом отношении конченный человек, не умею и все тут. Должны быть какие-то чрезвычайные обстоятельства, чтоб я спросил у незнакомо-го время. Я с детства был таким необщительным. А ведь это у человека естественная потребность — с кем-то пообщаться, поговорить. За день возникает тысячи мыслей и вопросов. Постоянно разговаривать с самим собой могут только сумасшедшие. Вообще два дня прошли так, что я ни с кем, кроме официанта, не заговорил. Дни тянулись ужасно медленно. Я даже книги с собой не взял, чтоб отвлечься. Газеты я прочитывал от первой до последней строчки. Но вы же знаете наши газеты? Во-первых, всего четыре страницы, а во всей газете если и найдешь что, то это один-два приличных материала, которые можно прочесть. Ну, а если проводится какое-либо официальное мероприятие, то все газеты одинаковы, все печатают одно и то же.

В моем номере был маленький балкончик, на балкончике стоял маленький симпатичный столик и два

стула. На третий день я вынес на балкон портфель, достал из него листок бумаги, на котором у меня записаны вопросы, которые я хотел задать Инакавадзе, один-два лекарственных рецепта и номера телефонов. У меня такая привычка: я выписываю на отдельный листок то, что должен сделать. Подул ветер и унес мой листок. Я тотчас вскочил и перевесился через перила балкона, хотел разглядеть, куда он упадет. Но листок исчез непонятно куда. А он мне был очень нужен. Ну если уж на то пошло, вопросы, конечно же, можно было восстановить по памяти, номер телефона Инакавадзе тоже можно было узнать, его знал не только весь город Д, но и вся страна. Но вот с рецептами было сложнее. Мне продиктовал их в самолете один человек, они, придвинь свое ухо, от г-оя, ты понял?! Ты знаешь, чем старше я становлюсь, тем больше мучаюсь. А этот человек сказал, что это лекарство очень помогло ему. Он сидел рядом со мной в самолете. Я даже адреса его не записал. Очень серьезный человек, наверняка не врал. И эти рецепты я записал на ту же бумагу, думал потом переписать. Ну вот, собрался я было переписать, а ветер его и унеси. Я очень огорчился, конечно.

Одевшись, я спустился во двор гостиницы. Ходил, ходил, осматривал все вокруг. Ничего! Я вернулся в номер, достал из портфеля чистый лист бумаги и отдал его ветру. По моим рассуждениям, ветер должен был отнести этот лист туда же, куда и первый. Ветер не зевал, он подхватил лист бумаги и помчал его влево, во двор к вербам. Я сбежал, искал, искал и наконец нашел этот мой чистый лист бумаги. Но тот, исписанный, так и не нашел. Я поднялся в номер и отдал ветру еще один листок. И тот я нашел посреди газона. А листок с рецептами — нет.

Я был весь поглощен поисками, когда ко мне подошел мальчик лет тринадцати-четырнадцати в адидасовской пижаме и очках. Спросил, что вы ищете, дяденька? Я сказал, что вот бумагу унес ветер, а она очень нужна. Сначала он сам искал вместе со мной. Потом привел еще нескольких худеньких, щупленьких мальчиков. Они искали очень усердно, все перерыли вокруг. За час они перетаскали ко мне массу бумажек: квитан-

ции с автостоянки, старые командировочные удостоверения, бланки медицинских справок, какие-то записки («Обедай без меня, я задержусь», «Где тебя носит», «Ключ там же»), детские рисунки, газетные вырезки с карикатурами на Сталина, любовные стихи, но моего листка со спасительными рецептами от г-оя не было и нет.

Но я не терял надежды. Я поблагодарил мальчиков за содействие в поисках и направился к администратору. Рыжего сероглазого человека, который меня регистрировал, не было. Высокая женщина с волосами цвета осеннего эвкалиптового листа внимательно выслушала меня и заключила, что если листочка нет во дворе, значит ветер занес его на какой-либо балкончик. Мне тоже пришло это в голову, но ветер не оставил бы листочек на балконе, унес и оттуда тоже, сказал я. Кто знает, где он застрял, может, ветер забросил его в комнату. У нас ничего не теряется, бодро сказала она. Если листочек не улетел на улицу, мы непременно его найдем. Она срочно написала объявление: «Дорогие друзья. У нашего гостя из пятсот восемнадцатого номера ветер унес очень нужную бумагу. Нашедшего просим отнести ее хозяину. Заранее благодарим вас». Объявление она повесила тут же на маленькой доске. А мне посоветовала на всякий случай обойти все четыре этажа подо мной и опросить жильцов. А то ведь пока они прочтут объявление, пройдет еще немало времени, листок кто-то может смять и выбросить в мусор.

Я долго стучал в дверь четыреста восемнадцатого номера, но мне не открыли, в триста восемнадцатом тоже никто не отозвался, и я только хотел было спуститься на второй этаж, как из лифта вышел седой человек лет под пятьдесят в мундире прокурора.

— Кого вам надо? — спросил он, перекладывая портфель в левую руку.

— Кого-нибудь, кто живет в этом номере, у меня небольшой вопрос...

— А вы не знаете, кто тут живет? — спросил он, удивленно в меня глядя.

— Наверное, вы?

— Нет, я живу не на этом этаже, — видно было, что он лжет, — а все же что вы хотели спросить?

— Ничего особенного. Не залетела ли на балкон бумажка.

Он отступил на два шага.

— А что за бумажка должна была залететь?

— Я живу в пятьсот восемнадцатом, на пятом этаже, — я старался придать себе как можно более солидный вид. — Ветер унес у меня бумагу, она мне нужна и я ее ищу.

Он вздохнул с облегчением, но все же до конца не поверил.

— Подождите немного, если она где-то здесь...

Открывая дверь, он не сводил с меня глаз. Вошел и повернул защелку английского замка. Минут через пять он открыл мне.

— Пожалуйста, входите, садитесь. Нигде нет, вы знаете. Но если увижу, обязательно принесу. Может, на другом этаже. Вот и администратор в курсе. Она наверняка где-то здесь, — а потом, понизив голос, — там было что-нибудь серьезное?

— Ничего особенного, — стыдливо сказал я, — лекарство от г-оя. Я уже не смогу повидаться с человеком, который меня научил этому лекарству. А я очень страдаю от этой облезни. Может, помогло бы, кто знает, иногда знахари больше смыслят...

Я увидел прежнее недоверие в его глазах, он встал.

— Что поделаешь, бывает... Спросите в четыреста восемнадцатом, мне кажется, она там, ветер не мог унести ее далеко.

— В четыреста восемнадцатом никого нет, — поднялся я и грустно посмотрел на одного из членов Политбюро на стенке.

— Тогда она на втором. Да, наверняка, на втором. Сейчас не очень сильный ветер, высоко ее поднять не мог, ведь бумага тоже что-нибудь да весит. Всего хорошего.

Дверь двести восемнадцатого номера открылась сразу же. За ней стояла ладная девушка лет двадцати-двадцати пяти, белокожая, с пепельными волосами в японском кимоно. Она словно ждала меня, празднично пропела:

— Входите, входите, пожалуйста, очень приятно, вы даже немного опоздали.

— Знаете, — я смотрел на свои руки, — в четы-
реста восемнадцатом никого нет, потом я немного за-
держался в триста восемнадцатом. Там, оказывается,
живет прокурор. Там тоже нет.

Не обращая внимания на мои слова, она продол-
жала:

— Я ждала вас еще вчера. Я ведь сказала Грише,
если сможет, пусть сразу и придет.

— Я мог прийти, конечно, и вчера, но без пред-
лога приходите, сами знаете... Бумага вчера была еще
в портфеле.

— Какая бумага? — заложив ногу на ногу, она
закурила и внимательно посмотрела на меня.

— Которую я ищу. Ничего особенно, но мне она
очень нужна, другим, конечно, зачем, может, они и не
верят в народную медицину...

— Постойте, вас разве не Гриша прислал? — она
затянулась и испытующе посмотрела на меня.

— Нет.

— Квеселава Гриша?

— А кто такой Квеселава? — в свою очередь спро-
сил я.

— Ага, значит, вас прислал Сивсивадзе. Почему
же он не предупредил меня?

— Я не имею представления, кто такой Сивсива-
дзе.

— Ну, значит, вам сказал Гиви.

— Какой Гиви? Я в этом городе ни с кем не зна-
ком.

— Да, но... я не понимаю...

— Я живу в пятьсот восемнадцатом номере. Ветер
унес у меня бумагу. Может, она на вашем балконе?..

Разве нужно вам описывать, как смеется красивая
женщина. Картина, скажу вам, из приятнейших. Все
лицо ее, глаза сияли.

Отдышавшись, она вышла на балкон.

— К сожалению, ничего. Вы знаете, я вас приня-
ла за другого. Мой родственник должен был прислать
своего знакомого. Он обещал ноты, вернее не ноты, а
что-то другое, но вам неинтересно. Вы впервые в этом
городе? Садитесь, пожалуйста. Может, кофе?

«Прожектор перестройки» давно закончился, когда

я ушел от любезной хозяйки. Поднимаясь наверх, я еще раз постучался в четыреста восемнадцатый, но тщетно.

У дверей моего номера стояли двое мальчишек, старик с палкой и одинаково остриженные парень с девушкой в потертых джинсах.

Мы беседовали до вторых петухов. Когда они ушли, я еще долго перечитывал найденные этими бескорыстными людьми интимные письма, письма-сделки и даже доносы.

С того дня, как мыльный пузырь, лопнуло мое одиночество и, соответственно, моя скука. Ко мне приходили, давали советы, спрашивали, что было на бумаге, приносили и другие рецепты от г-оя. Чтоб не обидеть обеспокоенных мной граждан, я оставлял у себя все бумаги. В последние дни я просто с порога выпроваживал людей, говоря, что давно уже не ищу бумагу и не такой уж важной она и была.

Когда я окончательно потерял сон и покой, я пошел к администратору и попросил снять мое объявление. Но не помогло и это. Бумаги продолжали поступать. Тут я взял и попросил администратора вывесить новое объявление: «Гость из пятьсот восемнадцатого номера нашел утерянную бумагу. Благодарим за внимание».

Два дня продолжался поток поздравлений. За это время в неудобном положении я очутился только раз, когда прокурор из триста восемнадцатого номера, постучавшись ко мне в полночь, попросил, коли уж я нашел ту бумагу, Бога ради, дать переписать рецепт от г-оя, вдруг да когда-нибудь он понадобится.

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ

ВОРОБЕЙ НА КОРАБЕЛЬНОЙ МАЧТЕ

Меня зовут Эрмало Квашали. Если верить моему паспорту, до ста лет мне осталось два месяца. Даст мне Бог дожить до этого дня — хорошо, ну а призовет раньше — я все равно не буду на него в обиде. Правда, я прожил тяжелую жизнь, судьба водила меня по опасным дорогам, но вот то, что я целый век смотрю на

это солнце и эту землю — разве этого мало? Никто не верит, но на самом деле мне уже за сто. В маленьком селении Озургетского уезда, где я родился в прошлом веке (может быть, слышали — Сачхартве?), не было церкви. Нашим приходом считалась находящаяся в 18 верстах от Сачхартве церковь святого Георгия. Поэтому наши редко посещали богослужение. Ездили туда разве только на Рождество и Пасху, а в остальное время не убивали себя посещениями церкви. Детей крестили, когда им исполнялось года три-четыре и священник записывал их в церковной книге, как новорожденных. Так что, по моим расчетам, мне должно быть года на три больше, чем указано в паспорте, но кто теперь поверит в это. Свидетели — мои родители да, естественно, тот священник, что крестил меня, — давно в земле.

Эти свои слова я диктую внучке моего внука Цирунии. Нет, я тоже грамотный, но вот со зрением у меня очень плохо. Запишет Цируния, что я наговорю, а потом прочтет мне. Понравится мне, то есть коли правильно все запишет девочка, — я подпишу и пошлю в тбилисский музей. Кто-то мне сказал, там рукописи покупают. Мне их денег не надо, но если для моей рукописи найдется в музее местечко, я им по гроб буду благодарен. Пусть я человек маленький, жизнь прожил ничем не примечательную, но, может быть, когда-нибудь попадется она в руки человеку, которого заинтересуют мои воспоминания.

Это такие, как я, исчезают бесследно, а о людях знаменитых и без того все известно. По правде говоря, писать воспоминания — не моя идея, — односельчане подбили, продиктуй, говорят, заставь записать свою жизнь. Пусть страна узнает о тебе. Я все откладывал это дело, откладывал, но сегодня утром, когда у меня подскочило давление, я подумал: наверное, Господь к себе призывает, и позвал Цирунию. Я буду говорить коротко, не спеша, чтобы Цируния успевала за мной, да и мне так легче — не устану.

Я закончил двухклассную сельскую школу. Ее и школой-то не назвать. Бывший протоиерей Шамше Ломджариа открыл в своей оде бесплатные курсы. Ходило нас туда семеро ребят, и он обучал нас грамоте.

Ни за что не брал плату за обучение. Сколько раз я видел, как он гонялся по двору за очередным родителем, явившимся к нему с козленком и батмани¹ лобии, принесенными в качестве вознаграждения. «Как ты посмел, — кричал он, размахивая дубинкой, — за кого ты меня принимаешь? Я учу грамоте твоего сына и потому должен отнять у тебя последнее?! Как ты мог обо мне так подумать?!»

После того, как я закончил школу Ломджариа, отец посчитал мое образование законченным, вручил мне в руки мотыгу и велел следовать за ним. Но из меня получился никудышный работник. Во-первых, я был еще ребенок и быстро уставал, во-вторых, слаб здоровьем. Рождаются же дети слабые от природы. Двенадцати лет меня повезли в Озургети и определили мальчиком на побегушках в духан купца Роква. Тогдашние духаны мало походили на нынешние магазины с прилавками и витринами. Назывался он духаном, а фактически был и продуктовым магазином, и столовой, и, если угодно, гостиницей. Два-три человека, задержавшиеся в пути, всегда могли найти здесь приют. Покупатель входил в духан, говорил, что ему нужно, духанщик делал мне знак, я влетал в другую комнату и приносил гребуемое, если оно, конечно, имелось. А прилавки и украшенные витрины вошли в моду позднее, кажется, после первой мировой войны.

Однажды, помню, как будто это было вчера, в нашем духане заночевал революционер Доротэ Жгенти. Он сам мне сказал: я Доротэ Жгенти, член партии, служу революции, дай мне поесть где-нибудь в укромном уголке, никто не должен знать, что я здесь, не то жди пули в лоб. Он был среднего роста, с черными усами и бородой, в бурке, в двадцать четвертом расстреляли беднягу. К счастью, в тот день духанщик уехал за товаром в Батуми, и я был сам себе голова. Увидев на моем лице изумление, Жгенти потрепал меня по щеке и, улыбаясь, сказал: «Не бойся, я пошутил, ради таких, как ты, верчусь волчком, за ваше счастье борюсь». Я проводил его в комнату, которую мы делили с духанщиком Чания из Сенаки. «Это кровать мо-

¹ Мера веса, равная приблизительно 20 фунтам.

его хозяина, — сказал я, — лягте и отдохните, и я, чтобы вам спокойнее было, лягу на эту плетеную тахту, если позволите».

Короче, в ту ночь этот человек на многое открыл мне глаза. Он объяснил мне, в чем беды крестьянина и что проповедует марксизм. Между прочим, от него впервые я услышал имя Ильи Чавчавадзе. Илья, сказал он, хочет для Грузии добра, но он не понимает сущности пролетарской борьбы. Он думает, что страну можно освободить без союза с русскими рабочими. Замучил нас, работать мешает. Сказать по правде, в тот момент и я подосадовал на Илью. Что я понимал тогда, невежественный малец. Позднее, вступив в партию, я долгое время находился в плену взглядов Жгенти и ему подобных. И пока мне открылась мудрость Ильи, прошло почти тридцать (если не больше) лет. Результатом той нашей ночной беседы было то, что через две недели я вступил в партию. Тогда, чтобы это сделать, одного желанья было недостаточно. С тобой беседовали, давали задание — надо было проявить себя, потом ты платил вступительный взнос и клялся головой отвечать за разглашение тайны. Тех троих, что 11 мая приняли меня в ряды большевиков в Озургети, в плетеной избе, я, признаюсь, никогда больше не встречал. Виделся только с Жгенти, он приходил ко мне и передавал прокламации для распространения в городе. Помню, несколько раз забросил их даже во двор полицейского участка без каких-либо последствий для себя.

Немало испытаний выпало на мою долю — поражение революции, зверства Алиханова-Аварского... В 1909 году я приехал в Тбилиси. Две причины привели меня в столицу: во-первых, я хотел избежать призыва в армию. Со здоровьем у меня было все в порядке, но мне не хотелось натягивать на себя сапоги имперского солдата. Меня объявили дезертиром и искали по всему Озургети. В Тбилиси я надеялся укрыться понадежнее. Во-вторых, я жаждал более активной революционной работы. У меня было с собой рекомендательное письмо Жгенти, с которым я обратился в социал-демократическую ячейку трамвайного депо. Партия к тому времени раскололась на большевиков и меньшевиков. По-

мню, небольшого роста мужчина в черном кителе (если память мне не изменяет, по фамилии Буцхрикидзе) в течение часа выяснял мою «позицию» в партийном вопросе. Тогда это называлось «позицией», сейчас, наверное, по-другому. На чьей ты стороне, спрашивал он, большевиков или меньшевиков? На стороне тех, кто будет лучше служить делу пролетариата, мне все равно, и те, и другие — мои братья, отвечал я. Негоже сидеть на двух стульях, замечал он, надо определиться, либо ты с ними, либо с нами. А что они не поделили, спрашивал я, почему едят друг друга поедом, объясни. Он объяснил, правда, не совсем понятно, но на кое-что все же открыл мне глаза. Будучи большевиком, посоветовал примкнуть к большевикам. Я ничего против не имел, только сказал: хорошо бы им найти общий язык, сказал, как бы про себя, прощаясь с Буцхрикидзе. И понял, что меня это никак не касается, как впрочем не касалось и самого Буцхрикидзе.

Я работал с большевиками, но, не скрою, продолжал с большим уважением относиться к Ноэ Жордания, Чоле Ломтатидзе, Карло Чхеидзе, Исидорэ Рамишвили и другим. На всех собраниях прорабатывал меньшевиков, кстати, мало разбираясь в разных там платформах. И таких, как я, в партии было немало. Мне приходилось раньше слышать выступления вышеперечисленных лиц в Озургети и Батуми, и они, по правде говоря, мне очень нравились. Позднее, в 1913 году, я слушал приехавших с лекциями в Тбилиси Карло Чхеидзе и Александра Керенского, и они говорили так хорошо, так складно, что я не выполнил задания партии. Я промолчал, вместо того, чтобы крикнуть: «Предатели! Вы обманываете народ!», за что, конечно, получил выговор от ячейки. Между прочим, второй раз судьба столкнула меня с Керенским в Париже. В 1926 году я видел его на кладбище Пер-Лашез, когда хоронили беднягу Карло Чхеидзе. Вы, наверное, помните, он перерезал себе горло ножом, сведя таким образом счеты со своей безрадостной жизнью.

Если я вам надоел, читатель, отдохнем и после обеда продолжим. Да и моя Цируния, как я погляжу, утомилась...

В марте 1914 года мы, рабочие депо, объявили за-

бастовку. Забастовкой руководили пять человек. Я был в их числе. Три дня мы бастовали, потом устроили демонстрацию в Надзаладеви, во время которой произошло столкновение с полицией. Обошлось, правда, без жертв, но стычка была горячей. Мы, рабочие, взяли верх — отстегали полицейских отобранными у них же нагайками. В ту же ночь за мной пришли жандармы. Забыл сказать, в 1911 году я женился и имел к тому времени двухлетнего сынишку. Прежде чем меня увести, жандармы тщательно обыскали мою квартиру, нашли прокламации и «Две тактики...» Ленина. Меня посадили в Метехскую крепость. Два месяца шло следствие по моему делу, и в конце мая состоялся суд. Присудили мне ссылку в Ставропольский округ сроком на пять лет без права жить с семьей, но зато под надзором полиции. На четвертый день после того, как меня привезли в Ставрополь, я бежал. Бежал прямо с распределительного пункта заключенных. Тогда это было сделать гораздо легче, чем теперь. Я поехал в Ростов, оттуда в Астрахань, из Астрахани вместе с двумя рабочими-революционерами отправился в Баку. В Баку я поработал некоторое время под чужой фамилией и в начале ноября в полночь уже стучался в двери собственного дома. Жена чуть не обезумела от счастья. На другой день я снял в Сололаки небольшую полуподвальную квартирку, а свою полуторакомнатную пацху в Надзаладеви на время запер. К трамвайному депо, понятно, и близко не подходил. Начал работать на лесопилке Азарянца, разумеется, под чужой фамилией, если кому интересно — Баджелидзе.

Наступил 1917 год.

Если я скажу, что принимал активное участие в революции, будет неправда. Между прочим, начиная с февраля семнадцатого года у нас царило удивительное спокойствие. Я не пропускал ни одного митинга, но ничего, похожего на волнения или мятеж, не замечал. Чувствовалась общая растерянность. События стремительно сменяли друг друга — отречение царя, образование Временного правительства, потом разгон Временного правительства. Революция практически свершилась в Петербурге, и прав был Галактион, который, как мне сказали, в одном из своих стихотворений напи-

сал, что об Октябре мы узнали из депешы. Я сам, правда, этого стихотворения не читал.

После революции я вернулся в Надзаладеви, в свою пацху, восстановил фамилию и отправился в депо. Мои документы тщательно изучили и избрали меня председателем деловой комиссии депо. Это приблизительно то же, что председатель нынешнего месткома.

Три года как три дня пробежали. В течение этого времени независимую Грузию стараниями меньшевистского правительства признали Англия, Франция, Германия и, кажется, Италия с Голландией. Меньшевистское правительство послало в красную Россию делегацию с Григолом Уротадзе во главе. Если память мне не изменяет, седьмого мая 1920 года Россия и Грузия заключили договор, по которому красная Россия признавала независимость Грузии и обязывалась быть ее добрым соседом, не вмешивающимся в ее внутренние дела. И года не прошло после заключения этого договора, когда 25 февраля 1921 года в Тбилиси вошла 11-я армия. Я видел это своими глазами.

Сколько людей — столько мнений.

В книгах пишут, будто Грузия с песнями и аплодисментами встретила 11-ю армию, но ведь дело обстояло совсем не так. Нельзя сказать и то, что грузины боролись с ее частями до последней капли крови, как утверждали на страницах французской прессы бежавшие меньшевики. Не буду грешить против истины, советизация имела среди нас немало сторонников.

В июне 1921 года к нам приехал из России комиссар, который должен был выступить по какому-то вопросу. Я спросил у него, каким рисуется ему будущее Грузии: ведь то, что произошло, очень похоже на нарушение договора. Он было растерялся, но потом сказал: «Вы очень отстали, товарищ Квашали, 11-я армия вошла в Грузию по вашей просьбе, просьбе трудящихся. Красная Россия спасла вас от иностранной интервенции». Я не стал спорить с ним. У меня был свой взгляд на «просьбу». Однако этого вопроса оказалось достаточно для моего ареста. Взяли меня в полночь. У николаевской полиции, кажется, не было столь определенного времени для ареста. Не помню, говорил ли я, что в 1914 году жандармы арестовали меня в шесть ча-

сов вечера. Но, начиная с двадцать первого года, полночь, как видно, была признана самым удобным временем для обыска и арестов. Как мне рассказывали, в тридцать седьмом к «врагам народа» приходили в основном после полуночи.

С победой революции политически ненадежных уже не ссылали в Сибирь. Отправка в Сибирь была признана вредной практикой царской России. Может быть, потому меня, как недоброжелателя Советской власти, выслали, вы не поверите, за границу, в Европу. Так я очутился в Голландии. С собой мне ничего не дали, кроме справки, которая удостоверяла, что я выехал за границу на постоянное местожительство по собственному желанию. Пришлось порядком повертеться и покрутиться, прежде чем я добрался до Ноэ Жордания, главы так называемого грузинского эмиграционного правительства.

Нельзя сказать, что члены правительства приняли меня с распростертыми объятиями, но как эмигранта и социал-демократа приютили, позволили присутствовать на собраниях.

Я начал работать на автомобильном заводе «Ситроен» и один день в неделю проводил со своими соотечественниками то в Левилле, то в Париже.

Я люблю правду, поэтому скажу, что правительство Жордания характеризовали в Париже те же беспомощность и растерянность, что и здесь в Грузии. Они могли спорить до хрипоты по поводу того, правильно ли поступили, эмигрировав за границу, и что им делать, чтобы восстановить свой авторитет в глазах европейских правительств. Никакой я не теоретик, но и мне было ясно, что меньшевики оказались не столь уж прозорливы. Им следовало в первую очередь укрепить границы и решительно встать на определенную позицию — либо Европа, либо красная Россия. Они должны были знать, тот, кто гонится за двумя зайцами, обычно остается ни с чем. Ленинское правительство не верило их лживым улыбкам, и Европа не спешила открывать им объятия.

Все, что я сказал сейчас о меньшевиках, более подробно и обоснованно написал я своему другу Силибистро Канкия — мы работали с ним вместе в депо. До-

мой я, понятно, не писал. Письмо к Канкия я передал сотруднику консульства, который ехал по своим делам в Москву, и попросил опустить его в почтовый ящик, так как не надеялся, что из Парижа оно дойдет до Грузии.

Не прошло и четырех месяцев после того дня, как меня вызвал к себе Жордания. Был тысяча девятьсот двадцать шестой год. Числа не помню. Уже во дворе нашей конторы я заметил грузин. При моем появлении они как по команде отвернулись. Что-то стряслось, подумал я. Меня ввели в комнату для совещаний. Сидим. Со мной никто не разговаривает. В это время входит Ноэ с газетой «Комунисти» в руках. К сожалению, господа, говорит он, среди нас оказался предатель. В «Комунисти» опубликована его статья, и прежде чем мы прочтем ее, должен сказать, я лично выведен в ней пустоголовым политиком, да и вам, членам моего правительства, досталось порядком. Молодцы, большевики! Даже в моем кабинете умудрились занять своего корреспондента — господина Квашали! От потрясения и бешенства у меня пересохло во рту. Затем Ноэ Жордания прочитал мое письмо к Силибистро Канкия. Как потом выяснилось, письмо до Силибистро так и не дошло, оно попало прямо на полосу «Комунисти». Через год, когда в Париж вернулся тот самый сотрудник консульства, через которого я посылал письмо, я спросил у него, что он с ним сделал. Тот поклялся, что опустил письмо в почтовый ящик, как я и просил. Может быть, и вправду опустил. В тот период ЧК очень интересовалась почтой.

Прочитал, значит, Жордания мое письмо, и даже не выслушав меня, члены правительства постановили исключить Квашали из рядов партии, из грузинского землячества, прогнать с «Ситроена» (куда я был принят по рекомендации Жордания). «Почему ты нам не сказал, в чем не согласен с Жордания, непременно надо было посылать корреспонденцию в «Комунисти»? — даже Хомерики, наиболее близкий мне из всех присутствовавших, публично осудил меня.

Я вам докажу, говорил я, что я не тот, за кого вы меня принимаете, но никто не слушал. И я ушел. Начал работать в универмаге «Самаритэн», и хотя эко-

номически стал чувствовать себя увереннее, мои неприязненные отношения с грузинской эмиграцией не давали мне покоя.

Года через три-четыре мои соотечественники как будто немного смягчились. Стали здороваться со мной, приглашать в гости, но на собрания не допускали и мою робкую просьбу о восстановлении в партии пропустили мимо ушей. А я и не настаивал.

В тысяча девятьсот сорок пятом году я вернулся в Тбилиси. В моем возвращении большую роль сыграл тогдашний сотрудник нашего посольства в Париже Тавадзе. Он сам нашел меня, предварительно, оказывается, порасспросив обо мне. Во-первых, сказал он, во время войны ты вел себя достойно и чист перед Советской властью, во-вторых, ты оказался здесь не по своей воле — тебя выслали, в-третьих, о твоих отношениях с Жордания, наверняка, знают там, где следует. Возвращайся в Грузию, что ты сидишь здесь, по семье хотя бы не соскучился?

Я с восторгом встретил его предложение. Но перед отъездом все же сказал ему, что просилось наружу: так, мол, и так, в двадцать первом у меня с одним большим человеком вышло что-то вроде маленькой ссоры, как ты думаешь, помнит он о ней? Тавадзе рассмеялся. Наивный ты человек, говорит, он стоит сейчас у руля истории и, как ты думаешь, может помнить о некоем Квашали, который что-то спрашивал у него двадцать пять лет назад? Спасибо, если он о Грузии помнит, о каком Квашали может идти речь!

Умиротворенный, полный надежд я возвращался в Тбилиси. Вообразите, что могут испытать родные друг другу люди, которые не виделись двадцать четыре года?! Три дня мы плакали. Жена вся седая, у тридцатипятилетнего сына — прекрасная супруга, двое детей. Они жили там же, в Надзаладеви, в моей полутораконатной квартире. Сын только недавно вернулся с фронта. Я, естественно, ничего об этом не знал.

Прошло несколько месяцев, никто не спешил обеспечить меня квартирой или работой. Я писал одно заявление за другим в самые разные инстанции, но мне не отвечали. Когда я слишком уж надоедал, говорили: ваш вопрос изучается комиссией, о ее решении со-

общим. Под конец я послал телеграмму на имя секретаря ЦК Компартии Грузии — своего рода призыв о помощи, и через две недели к нам заявился сотрудник Наркомвнудела и передал мне конверт. Уполномоченный писал: вам с супругой предлагается отбыть на поселение в ваше родное село Сачхартве, поскольку в настоящее время у нас нет возможности предоставить вам работу и жилье в Тбилиси. Посланец заставил меня расписаться на какой-то бумажке и добавил от себя: «На сборы даются три дня, настоятельно прошу уложиться в этот срок, спрашивать будут с меня». Делать было нечего, отправились мы с женой в Сачхартве, поселились в отцовском доме. Начали работать в колхозе. Летом к нам приезжали внуки, радовали нас. В Тбилиси мы не ездили, нам почти запретили это. Я говорю «почти», потому что в тот день, когда ко мне заявился представитель Наркомвнудела, он еще сказал: «Здесь это не записано, но мне поручено довести до вашего сведения, что в виду вашего прошлого Наркомвнудел считает нецелесообразным ваше пребывание в Тбилиси».

Семнадцатого декабря 1951 года меня, шестидесятипятилетнего старика, и мою супругу в пять часов утра подняли с постели, велели взять по одной смене белья и до 5 килограммов продуктов и, ничего не объясняя, объявили, что нас на неопределенный срок отправляют на работу в отдаленные районы Союза. Это же фактически высылка, сказал я. Высокий худощавый мужчина в форме прикрыл мне рот рукой: не шуми, а ты как думал, мы простили тебе твою подрывную деятельность и шпионские дела в пользу империализма?

Слышишь, Цируния? В Париже меня исключили из партии за то, что я был агентом красных, а теперь красные высылали меня как шпиона, ведущего подрывную деятельность против них.

Куда высылаете, скажите хотя бы это, спросил я, когда нас, четыре семьи из Сачхартве загнали в кузов грузовой машины и повезли по озургетской дороге. Не знаем, был ответ. И на следующий день, когда нас погрузили в товарный вагон поезда, шедшего в северном направлении, я не смог добиться ответа на свой вопрос. Мы проехали Царицын, взяли курс на восток, а

от нас продолжали энергично скрывать, куда же мы едем. Под конец мы сами догадались — в Сибирь, что грозило нам неминуемой смертью.

Представьте, в дощатом со щелями вагоне мы, человек пятнадцать, лежали прямо на полу. С нами были женщины — наши жены и дочери. В углу вагона прямо в полу вырезана дыра: чтобы справить естественную нужду, надо на глазах у всех сесть на корточки. Мы умоляли военных, надзиравших за нами, чем-нибудь завесить так называемый туалет. Наконец они над нами сжалились, дали какую-то тряпку. Но она мало помогала. Опускаясь на корточки, мы покрывали голову платком, как бы прячась от стыда, хотя остальные отворачивались или отводили глаза. Это была настоящая пытка. Нам поставили железную печку и дали уголь, чтобы мы не замерзли, но у печи не было вытяжной трубы, и дым от сгоравшего угля съедал нас. Мы задыхались, не спали ночами. Укрывались всем, чем Бог послал — зонтами, полотенцами, обрывками газет. Трусы и шерстяные носки натягивали на головы, спасая от мороза уши и лоб.

Выходить из вагона имели право толькокое трое из нас — сравнительно молодые мужчины. Такое доверие им было оказано потому, что дважды в день в одиннадцать утра и пять часов вечера они становились у вагона с деревянными ящиками в руках, в один из них бросали хлеб и сало, в другой — уголь, которого хватало разве что на два часа. Однако попробуй они отойти от вагона больше чем на пять метров, в них без предупреждения выстрелили бы. За разговоры с неизвестными били прикладом ружья. Однажды один из этих троих, озургетец Вацадзе — красивый, кудрявый (бедняга умер в ссылке от воспаления легких) сообщил нам по секрету: «Мы спасены, нас везут не в Сибирь, а в Казахстан». «Откуда ты взял,» — спросил я. «Я увидел на предпоследнем вагоне плакат — «Добровольцы из Грузии — на помощь братскому Казахстану». Я вспомнил, во время кратковременных стоянок в больших городах до нас доносились звуки духового оркестра. Очевидно, нам организовывали встречи. А однажды мы проехали мимо оркестрантов, у которых были на редкость грустные лица. Может быть, оркестр то-

же ехал с нами и на больших станциях его заставляли играть: смотрите как веселятся грузины, по доброй воле едущие в Казахстан на уборку хлопка!

Утомил я тебя, читатель, и, по правде говоря, мне тоже не по себе — воспоминания о том, как мы, сорок тысяч грузин, наказанных за «подрывную шпионскую деятельность в пользу империализма», жили в палатках в холодных угрюмых степях Казахстана, привело в дурное настроение. Пусть это будет на совести тех, кто придумал все это, и поставил нас в невыносимые условия.

В 1957 году нас вернули на родину. Возвратились, разумеется, не все: кто навсегда остался лежать в казахстанской земле, кто не пожелал уезжать по собственной воле: «Знаем мы их, — говорили они, — навесят нам еще что-нибудь, снова будут высылать, второй круг по этому аду мы уже не вынесем, так что лучше уж доживать свой век здесь».

Вот и все. Моя жена не вынесла обратной дороги. Заболела и через неделю после приезда домой умерла, несчастная.

Я, как уже говорил, дожил до ста лет. Человек, Цируния, раньше отпущенного ему срока не умирает.

Ну что, записала все, что я тут наболтал? Нет, сейчас читать не буду. Воспоминания о Казахстане давят на сердце. Пойду сосну, если удастся. Вечером заглянешь и прочтешь мне от начала до конца, что записала.

Мне кажется, это стоящее дело, а? Что ты скажешь? Пусть останется для потомков история моей жизни. Кто знает, может, кому и пригодится...

МОНОЛОГ УСТАВШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Уважаемые члены пенсионной комиссии!
Сорок лет назад, будучи ребенком, я потерял в очереди хлебные карточки. Я о том времени, когда у нас карточная система была. За хлебом такое твори-

лось, такая давка и толкотня — не то что без карточек, без головы легко можно было остаться. Когда на-
конец-то я пробился к прилавку и не обнаружил в
кармане карточек, надо было слышать мой рев. Кто-
то оттяпал у меня всю дневную норму хлеба нашей
семьи — шести человек. Большого несчастья нельзя
было представить, мне казалось, небо обрушилось на
меня. Из-за меня, раззявы, семья осталась без хлеба.
«Ничего не поделаешь, все бывает», — на сей раз ба-
бушка не последовала этому гуманному педагогиче-
скому принципу. Меня побили. Я и сейчас, входя в
хлебный магазин, вспоминаю тот день и чувствую лег-
кую дрожь. Почему я заговорил об этом? Нет уже в
помине хлебных карточек, да и дома никто, кто бы мог
наказать меня, не дожидается, и все же не идет тот
день из головы. В моей жизни было немало передраг,
но о той первой беде забыть не могу.

Когда мне исполнилось двенадцать, умер Сталин.
Учитель английского Михаил Якобашвили, высокий,
представительный мужчина, с усталым лицом вошел
в класс и объявил: скончался вождь. Про вождя мы
конечно знали, но почему его смерть должна была
стать для нас трагедией, не понимали. Весь класс тем
не менее по приказу учителя встал. Пока мы стояли в
полной тишине, какие только вредливые мысли не за-
бавляли нас. И все-таки, какое отношение имела смерть
вождя к нам, мы так и не уяснили. Но учителя своего
любили и ради него сколько угодно стояли бы в пол-
ной тишине, а при необходимости еще и поплакали бы.

Вернувшись домой, я увидел слезы на глазах отца
и понял, умер человек, которого мы все вместе долж-
ны оплакать.

Однажды вечером, спустя некоторое время после
этих событий, к нам постучалась библиотекарьша Шоре-
на и попросила мою бабушку отпустить меня с ней в
библиотеку по неотложному делу. Бабушка пригласи-
ла ее в дом, и Шорена бросилась к маме, которая си-
дела за швейной машиной, и стала что-то шептать ей
на ухо. «Подожди, спрошу у отца», — ответила мама
и спустилась в подвал, где возился отец. Через неко-
торое время она вернулась и сказала мне: «Пойдешь с

Шореной, только потеплее оденься, может быть, придется остаться там до утра».

Это была моя первая бессонная ночь. В библиотеке собралось человек пятнадцать с нашей улицы — «самые активные читатели», сказала Шорена. Я обрадовался, что меня причислили к самым активным. Всю ночь мы перелистывали книги и, когда нам встречалось слово «Берия», либо вырывали лист, либо старательно зачеркивали имя «агента международного империализма». Очень много книг, рассказывавших о героических делах Берии, мы сложили отдельно, а утром развели из них костер во дворе библиотеки. Из остальных книг с превеликим усердием вымарывали любое упоминание о маршале-предателе: вырывали его портреты, вырезали стихи, которые известные поэты посвящали ему.

Утром, уставший, измученный бессонной ночью, но довольный и уверенный в себе, шел я домой. Сердце пело от сознания того, что и меня привлекли к общему делу. Я исполнил свой долг перед страной. Одно только удивляло: сколько умных людей, известных писателей встречались с Берией, как они не заметили, что это волк в овечьей шкуре. Пришел я домой. Важно прошествовал через галерею, где собралась вся семья. Подошел к своему столу. Над ним висел небольшой портрет Берии. Я взял ручку и выколол глаза «агенту империализма». Бабушка простонала, а отец совершенно неожиданно отчитал меня, и не спрячь я голову в ладонях, моему уху не поздоровилось бы. «Откуда эта жестокость, сукин сын! — гневно выговаривал он мне, — ну снял бы этот чертов портрет и бросил бы в камин. Разве это по-мужски — выкалывать глаза? И это ведь не последний портрет, который вам придется вырывать из книг — они же скоро все перегрызутся».

Эти слова отца запомнились мне на всю жизнь.

Я никогда не имел ничего общего с большой политикой. Закончив факультет холодной обработки металлов, поступил в аспирантуру политехнического института, в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию и по сей день работаю в институте старшим научным сотрудником. В партию не вступил. Если скажу, что меня просили вступить, а я отказался, будет неправдой. В молодости хотел стать членом партии, но,

помню, мне отказали под предлогом, что нет анкеты. Тогда, когда хотели отказать, говорили, что нет анкеты. А потом уже и у меня пропало желание. Не знаю, как то перестал думать об этом, и все.

Когда я говорю, что ничего общего с большой политикой не имел, знаете, что я имею в виду? То, что меня никуда не выбирали и должности я не занимал, а так без политики кто бы тебе дал жить.

Сперва Сталин измочалил нас, вымотал душу. За те тридцать пять лет, что его нет, никак в себя прийти не можем, никак не переварим, никак не оценим его по достоинству. Иные не прочь вовсе не вспоминать о нем или же навечно зачислить его в лагерь убийц и кровопийц, но как быть с той тридцатилетней эпопеей, с которой связаны многие наши победы. Так что пусть остается с нами, а ведь и вправду был недюжинный человек: по сей день столько хлопот нам доставляет, да и волю свою подчас навязывает.

Слова отца — они все перегрызутся — преследовали меня всю жизнь. Чего уж скрывать, я заранее знал, чем все это кончится, но ничем не выдавал себя. Вместе со всеми хлопал на собраниях, носил на парадах портреты, вместе со всеми ликовал по поводу того, что мы, наконец, вернулись к коллективному руководству и вышли на верный путь, но оставшись наедине с собой, иронически улыбался — дьявол недоверия нашептывал мне на ухо: «Погоди немного, будет потеха, это что еще за фрукт, Сталину и тому не спустили».

Передо мной пронеслись воздержавшиеся молоты и «примкнувшие к ним» шепиловы. Увидев Маленкова в сталинском кителе, я уже знал, что в скором времени на него навесят ярлык близорукого политика и с позором выставят из столицы куда-то за Свердловск, где ему доверят небольшое предприятие. Когда Булганин и Хрущев верхом на слонах путешествовали по Индии, у меня сжималось сердце от предчувствия, что вот-вот один из них возложит себе на голову венец, а второго объявят некомпетентным в экономике амбициозным снобом.

Я встречал в метро Молотова, бывшего некогда главой внешней политики и правой рукой Сталина, слышал, что «побитой собакой» ходил в кулуарах съез-

зда Ворошилов... Так молча, бесшумно, забившись в свои норы, один за другим умирали буденные и микояны — представители старой революционной гвардии.

А когда в один ветреный день в Тбилиси, на стадионе «Буревестник» Хрущев размахивал перед нами кулаком, грозно поглядывая на громадное собственное изображение, сорванное ветром, я сказал себе: «И тебе недолго осталось».

Мы стали свидетелями, как Хрущева обвинили в волюнтаризме, зазнайстве и своеволии, и история вмиг покрыла его имя пеплом забвения.

А потом нас гнал в болото застоя и безрассудства политический авантюрист не меньшего, чем Хрущев, ранга — Брежнев. И так долго и неотвязно гнал, что мы едва переводили дух и, не призови его архангел Гавриил, кто знает, как глубоко мы увязли бы в этой трясине, из которой теперь пытаемся выбраться.

Вы можете спросить, чего это я тут расхныкался, ведь жил я в свое удовольствие, в политику не влезал, карьеры не делал, так что горечь падения мне неизвестна.

Не так обстоят дела, мои дорогие, если бы мы действительно жили сами по себе, а властелины властвовали сами по себе, какой дурак поднял бы голос.

Все эти перемещения наверху на моем горбу отзывались. Почему? А вот почему: очереди за черным хлебом, репрессии в отношении тех, кто говорил правду, выбрасывание на ветер миллионов под предлогом «помощи», дурацкие хозяйственные эксперименты, изгнание из Родины, уничтожение наших невинных детей, страх брякнуть лишнее и очутиться на Колыме, изуродованные книги с вырванными страницами, зачеркнутыми цитатами, подорванная вера, утраченные надежды...

Прежде чем вы мне скажете, что сейчас другое время, что сейчас мы на верном пути, я заявляю: да, иные нынче времена. Я буду считать себя счастливым человеком и вытерплю какие угодно лишения, если нынешняя политика не вызовет недоверия и сомнений. Но злое предчувствие лишает меня сна. Уже подняли головы скептики: «Вот видите, не надо мучить умирающего. Его не воскресить, сколько ни старайся. Больной

организм уже не в силах сопротивляться. Дадим ему умереть и начнем строить запово».

Если я лишусь и последней своей надежды, мне с вами не по пути. За плечами у меня полвека. Все это время я строил с вами, содействовал, помогал. Я устал от обещаний, может ведь человек устать в самом деле? Если мне полагается что-то вроде пенсии, дайте ее и отпустите с Богом.

«ОСТАЛСЯ КТО-НИБУДЬ СПОКОЙНЫМ СРЕДИ ВАС?»

Как стемнело, прожектора осветили трибуну, и Шио стал пробираться наверх, к террасам: чтобы хотя бы сейчас разглядеть лица своих сограждан.

До того он видел только спины и профили стоящих вокруг него группами людей, слышал оглушающий рев микрофона, моментами заглушавший его собственные хлопки и выкрики митингующих.

Было очень холодно, но все оставались на местах. Более того, с обоих входов в ипподром вливался нескончаемый поток людей. У ворот и чуть повыше на дороге стояли автобусы с непроницаемыми стеклами. Перед автобусами выстроились в ряд милиционеры без оружия, почему-то с усталыми и грустными лицами.

Пробираясь наверх, Шио угодил ногой в грязь и поскользнулся. К счастью, он успел ухватиться за ствол сосны, не то покатился бы вниз да еще увлек бы за собой стоящих чуть пониже трех молодых людей в длиннополых плащах. Впрочем, они даже не заметили, что им грозило. Вытянув шеи и приподнявшись на цыпочках, они, похоже, кого-то выискивали в толпе. Мужчина с повязкой на ушах протянул Шио руку и помог выбраться. Вскоре Шио нашел стоячее место в конце последнего ряда возле куста сирени.

Отсюда весь митинг был как на ладони. Шио взгля-

нул на часы. Шел третий час с начала митинга, и срок тысяч человек, затаив дыхание, слушали очередного оратора.

Шио впервые присутствовал на таком собрании. Совершенно очевидно, что ничего заранее запрограммированного здесь не было, и даже стоящим на трибуне не всегда удавалось удержать в рамках подобное скопление народа.

Первые пять-шесть выступлений прошли нормально, по правилам, с объявлением и представлением оратора, не спеша, можно сказать, с неподобающей митингу основательностью. Никто из ораторов не пытался приукрасить свое выступление выпрененным словом или угодить слушателям этаким бесшабашной смелостью. Все митинги, на которых приходилось бывать до того Шио, отличались тем, что ораторы ратовали за нужды других стран. То их волновала судьба греческого журналиста, то они выражали сочувствие чилийским патриотам, то протестовали против ареста негритянки американского происхождения, борющейся за права человека. Сегодня же, сегодня, 12 ноября 1988 года, на митинге, санкция на который была буквально вырвана у городских властей, впервые на памяти Шио громко слышалось о нуждах Грузии!

Шио был потрясен. Он не был новичком в журналистском деле. За спиной, как говорится, целая жизнь. Поэтому он испуганно озирался, удивляясь, что никто не стреляет в людей, толпившихся у микрофона, что холодный воздух не пререзает ледянящий душу окрик блюстителя порядка: «Немедленно очистить территорию ипподрома!»

Из уст ораторов вырывались всевозможные обращения к митингующим: «Господа! Друзья! Грузины! Граждане!», кроме одного — «Товарищи!», которое более чем за семьдесят лет порядком поистерлось на всяких дежурных собраниях и симпозиумах и почти приобрело оттенок холодного неискреннего официального обращения.

О чем говорили граждане? О том, что Грузия переживает тяжелые времена: размножились инородцы, осуществляется злосчастный план демографического завоевания Грузии; со страниц центральной прессы на

нее обрушиваются «старшие братья» и не дают возможность ответить им; Грузия превратилась в застольную республику и дойную корову; не знающий меры интернационализм губит ее; народ обманывают ловкачи всех мастей, он уже не верит лживым обещаниям; надо немедленно прекратить эксперимент по слиянию и смешиванию в Грузии разных народов; над родиной Ильи Чавчавадзе нависла реальная угроза тихого ее уничтожения; пора спасать себя, господа!

Какие сияющие лица были у ораторов. Создавшаяся ситуация сорвала с них все те ярлыки — карьеристы, демагоги, шизофреники, предатели, — которые навешивали на них в течение последних месяцев газетчики, лишь бы скомпрометировать их, защитников интересов народа, в глазах самого народа, они же на этой освещенной прожекторами трибуне казались святыми. Голоса ораторов звучали нервно, они почти кричали в микрофон, будто хотели высказать все разом, будто боялись, что чья-то сильная рука сметет микрофон и невысказанное слово застрянет у них в горле. После каждого выступления организаторы митинга переговаривались между собой; и их «рабочие» разговоры придавали определенную остроту ходу собрания — у митинга ведь нет кулис, и все было слышно в микрофоны:

— Теперь говори ты!

— Слушай, не забудь о ХудонГЭСе!

— Скажи, что они должны ответить немедленно!

— Погоди, кого ты объявляешь?

— Не расходитесь, пока не придет кто-нибудь от правительства!

— Так вдруг они ничего не смогут решить!

— Мы и не должны требовать того, что они не могут решить!

— Подождите, нельзя же всем вместе говорить. Позовите отца Арабули!

— Мы должны говорить о конкретных вещах, понимаете, конкретных!

— Подождите, подождите, не надо давить!! Говорите коротко, прошу! И потом дайте слово литовцу. После тебя будет говорить литовец!

Слова остаются словами, какими бы смелыми они

ни были. Больше всего восхитило Шио другое. Мой редактор, думал он, не может собрать и двадцати пяти человек для проведения собрания, а тут — сорок тысяч — как одно дыхание, как одна мысль. Какая же сила согнала их сюда, на ипподром, в этот пронизывающий холод? Как видно, то, что тревожило ораторов, тревожит всех — не похоже, чтобы эти люди пришли сюда поразвлечься.

Мороз пробирал до костей. У Шио заоченели кончики пальцев на ногах, и он начал слегка подпрыгивать на месте, надеясь согреться.

А митинг, как говорится набирал темп. Выступавшие все смелее и смелее требовали предоставить Грузии политико-экономическую национальную независимость. И Шио все более и более убеждался, что ничего странного и непонятного в этом требовании нет.

А потом его захватила удивительная картина, захватила настолько, что он забыл о холоде и уже не слышал микрофон.

Что же такое увидел Шио?

Вокруг трибуны и выше, на помосте, стояли молодые люди с грузинскими знаменами в руках, стояли так красиво, так отрешенно, будто происходящее вокруг никак не касалось их.

Красивые, юные, без капельки страха во взгляде, с удивительно спокойными лицами, они чуть покачивали знаменами и портретами героев, павших за освобождение Грузии, глядя в чистое предзимнее небо с белыми красноватыми облаками.

«Как они спокойны!» — глаза у Шио наполнились слезами. Молодые люди стояли на ярко освещенном прожекторами помосте, представляя собой великолепную мишень, и Шио окончательно уверился, уж что-то, а смелый взгляд завтрашней Грузии никакой силе не укротить.

СОВЕТ НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСАТЕЛЮ

УДК 82.01
ББК 84.01.01

Прочел я твои новеллы. Ради всего святого, объясни, откуда в них столько лжи? Человек ты даровитый, умеешь писать, но вот о чем писать — не имеешь представления. Кто тебе сказал, какая грешная душа надоумила, что литература — это невразумительный рассказ о чем-то непонятном? Где живут твои персонажи, или где ты живешь, в какое время, что творится вокруг тебя — разве читатель ничего не должен вынести из твоих сочинений? Мужчина у тебя на мужчину не похож, женщина — на женщину. А как они скучно живут, какие они мягкотелые, бесхребетные, ну а их философствования вызвали у меня приступ мигрени. Скажи мне честно, встречал ли ты у настоящих писателей такие безликие персонажи? Литература, мой дорогой, это рассказ об интересном событии, больше ничего. Сидит перед тобой читатель, а ты с ним беседуешь. Рассказываешь: так, мол, и так, этот то сказал, а тот — это. Стоит только отвлечься от сути рассказа, читатель тут же начинает позевывать. Никогда не поверю, что ты со своими друзьями разговариваешь так, как говорят твои персонажи. Они ведь не стали бы тебя слушать! В чем же дело, что происходит с тобой, когда ты берешься за перо?! Помни, писатель просеивает сквозь сито собственного разума все, что творится вокруг него, все, что слышит его ухо, и только наиболее интересное, самое интересное переносит на бумагу. Причем переносит без всяких затей, будто рассказывает это своему приятелю, вот и все. Не надо ни украшивать рассказ, ни впадать в философствование. Ты же слышал не раз, как в разговоре один говорит другому: будь другом, не философствуй, давай о деле. Литература и есть разговор о деле, ничего больше. Хочешь верь, хочешь нет.

Может быть, вокруг тебя ничего интересного не происходит, и ты вынужден уповать на свою фантазию или литературные реминисценции? Ерунда! Жизнь предлагает нам ежедневно столько нового и интерес-

ного, что если приглядеться к ней да и прислушаться, будет о чем рассказать, и, поверь, немало!

Возьми хотя бы вчерашний день. Коротко напомню, что было вчера, а ты сам рассуди, сгодится это для новеллы или нет. Впрочем, ты все знаешь не хуже меня, сам был там. Я дважды заметил тебя в толпе демонстрантов и возле университета видел, но потом потерял из виду. Хотя чему тут удивляться, я и сына, который рядом стоял, потерял в этом столпотворении.

Не было и одиннадцати, когда мы собрались возле Кашуэтской церкви. Здесь должны были отслужить молебен по невинным жертвам того рокового дня, когда со стороны Коджори в Тбилиси вступило войско. Мы хотели помянуть и имя героя, которого иные историки на протяжении шестидесяти восьми лет называли «бандитом», а все его преступление состояло в том, что он посвятил себя борьбе за освобождение народа. Вход в церковь оказался заблокированным. Милиция объявила нам: церковь набита до отказа, все всё равно не уместится, да и служба началась. Ладно, подождем, раз другого выхода нет. Тем временем на проспекте Руставели стал собираться народ. Ка-ак? Народ собирается?! И перед Домом правительства выстроились в ряд солдаты в шлемах со щитами в руках. Ну точь-в-точь крестопосцы — я их видел в исторических кинокартинах. Зрелище, прямо сказать, не из приятных, но никто из нас не протестовал. У обороны свои законы, и Бог с ней. В многотысячную толпу и в самом деле может затесаться какая-нибудь скотица и бросить камень в солдат.

Молебен закончился, из церкви потянулся народ. Майор милиции закричал в мегафон: «Немедленно освободите территорию!» Какую территорию надо было освобождать, мы, по правде говоря, не поняли и потому несколько растерялись. Потом кто-то в наших рядах поднял трехцветное знамя демократической Грузии и повел нас в сторону памятника Руставели.

Мы шли по тротуару — движению не мешали, газоны, как любят жаловаться блюстители порядка по телевизору, не топтали. Возле оперного театра процессия переместилась на левую сторону проспекта, чтобы

во избежание недоразумений не проходить мимо здания почты-телеграфа.

Пришли к площади Конституции (рано или поздно, я уверен, ее назовут площадью Давида Строителя). Здесь должен был состояться митинг, но его не санкционировали. Вдруг появились бронетранспортеры. Они окружили нас и предложили в пять минут очистить площадь, в противном случае, сказали нам, будут приняты крайние меры.

Кто помнит девятое марта 1956 года, тот знает, что значит «крайние меры», поэтому, не выясняя отношений с блюстителями порядка, мы без слов направились к университету.

Неподалеку от университета, ниже винзавода, путь оказался перекрытым. Почему-то я очутился в первых рядах и вместе с еще несколькими демонстрантами мне пришлось вступить в разговор с офицером.

— Куда направляетесь? — спросил он нас.

— В университет, — ответили мы.

— По какому делу?

— Там митинг!

— Нельзя!

— Что нельзя!

— Проводить митинг нельзя!

— Ладно, не будем проводить, просто пойдем до ипподрома.

— Нельзя!

— Почему?

— К памятнику Орджоникидзе вас не пропустят.

— Что же нам делать — вернуться назад?

— Куда назад?

— На проспект Руставели.

— Ни в коем случае!

— А что вот так тут стоять?

— Почему стоять? Расходитесь по домам!

— Простите, но разве вы не видите, что перед университетом идет митинг?

— Вижу!

— Мы хотим послушать, что там говорят.

— Нельзя!

— Пропустите нас, мы пойдем по улице Николадзе.

— Нельзя!

— Тогда по улице Петриашвили.

— Нельзя! Вы не понимаете, что значит зря?!

Продолжать разговор не имело смысла. Так мы стояли друг против друга более трех часов. Движение остановилось, обстановка накалилась. Машины протяжно гудели. Кое-кто из наших рядов стал выкрикивать антисоветские лозунги.

Не знаю, был ли ты в той мышеловке? Ни вперед не пускают, ни назад. Вокруг по переулкам в боевой готовности — танки и бронетранспортеры. Не пойму, кому это нужно — создавать конфликтные ситуации. Была ли необходимость перекрывать движение на одной из важнейших магистралей города, обижать и без того в силу определенных причин обиженный народ. Запруженная вода всегда находит выход. Как песок не удержать в горсти, так и народ не остановить на одном месте. В восемь часов вечера около сотни работников органов, одетые в штатское, стояли на улице Ленина, а мы во дворе университета слушали ораторов.

По обыкновению, не были включены ни микрофоны, ни лампы. Однако ораторы надрывались в темноте не зря, мы узнали, что сегодня в восемь часов утра арестовали 27 человек — лидеров национального движения.

Было объявлено о перманентной голодовке и стоячей манифестации до тех пор, пока не будут освобождены задержанные. Легко об этом писать, но меня бросило в холодный пот, когда я представил себе изможденных молодых людей, голодавших перед Домом правительства в 1988 году с 22 по 29 ноября.

«Боже, не дай повториться этому аду», — повторял я в душе как молитву.

Ораторы сменяли друг друга почти до одиннадцати вечера. Говорили о насилии, оккупации, самодурстве чиновников, ущемлении прав личности, недемократичных выборах.

До одиннадцати оставалось несколько минут, когда на лестницах, спускающихся к Варазисхеви, загремели аплодисменты, вскоре хлопали все участники митинга.

И тут же до наших ушей донесся натужный голос:

— Дорогие друзья! Грузины! Поздравляем вас с победой! Наконец-то добрая воля победила! Мы получили известие, что арестованных выпустили. На этом закончим митинг. Разойдемся, друзья! Спасибо за поддержку! Если мы будем все, как один, никто не посмеет нас притеснять, никто нас не одолеет! Да здравствует свободная Грузия!

От счастья у меня запрыгало сердце, закружилась голова, я чуть не упал. Повернувшись, я заключил в объятия стоявшего позади меня пожилого мужчину, да так, что чуть не свернул ему шею. «Поздравляю! Поздравляю!» — слышалось вокруг. Я плакал. Все обошлось.

Извини, я рассказал не ахти как, скомкал все, перескакивал с одной мысли на другую, но ведь ты сам выстрадал вчерашний день.

Не корчи из себя этакого ученика. Терпеть не могу писателей-учеников и писателей-выучеников.

Подумай, может, стоит написать о вчерашнем дне и сохранить его для потомков как память о нашем времени, как дневник героики национального движения.

Вот и пиши о том, что тебя волнует, оставь эти притянутые за уши сюжеты!

ДИАЛОГ

Сократ: — Кого ты ищешь, Гиппократ?

Гиппократ: — Тебя, Сократ.

Сократ: — Как ты узнал, что я здесь?

Гиппократ: — На дворе весна, Сократ, солнце греет все сильнее. Ты человек пожилой, и естественно встретить тебя здесь, на берегу реки, где можно погреть старые кости.

Сократ: — А если бы я был молодым?

Гиппократ: — Если бы ты был молодым, Сократ, я искал бы тебя не в этом укромном месте, а в тени чинар среди играющих в мяч, либо же на митинговой арене среди упражняющихся в ораторском искусстве с камешками во рту.

Сократ: — А что ты называешь ораторским искусством, Гиппократ?

Гиппократ: — Когда говоришь то, что диктует разум.

Сократ: — А разве все мы не говорим, что диктует разум?

Гиппократ: — Разум, Сократ, может диктовать лишь в том случае, если он имеется в наличии. Так я это понимаю.

Сократ: — А что лучше, Гиппократ, когда разум диктует тебе ошибочные мысли или вообще ничего не диктует?

Гиппократ: — Одна и та же мысль, Сократ, для одних может быть ошибочной, а для других самой что ни на есть верной.

Сократ: — Но пока докажут, что она верная, можно сойти с ума.

Гиппократ: — Все зависит от того, кто будут судьи — те или другие. Ты вот, Сократ, — мудрый человек, но не все ведь верят в твою мудрость.

Сократ: — Мудрость, в которую верят все, Гиппократ, уже не мудрость.

Гиппократ: — Как это понимать, Сократ?

Сократ: — А вот так. Истинная мудрость, Гиппократ, должна выдерживать испытание сомнением, дебатами.

Гиппократ: — Значит ты, Сократ, считаешь, что на свете нет неопровержимой, вечной истины?

Сократ: — Как же, есть, Гиппократ, есть! Вечная истина в том, что все изменяется.

Гиппократ: — Если все изменяется, Сократ, почему сказанное сто лет назад повторяют как урок и сегодня?

Сократ: — Те, кто это делает, Гиппократ, глубоко заблуждаются. Можно верить только общепризнанной, вечной истине. Все остальное надо пронести сквозь горнило сомнений и споров. Жизнь изменчива, как река, но нельзя, мой дорогой, дважды войти в одну и ту же реку.

Гиппократ: — Когда государство терпит крах, Сократ?

Сократ: — Когда народ осознает, что строил вавилонскую башню, и ему надоеет рабская жизнь,

Гиппократ: — Что ты понимаешь под рабской жизнью, Сократ?

Сократ: — Когда одни швыряются идеями, а другие бездумно работают.

Гиппократ: — Ты думаешь, Сократ, что этого достаточно для краха государства?

Сократ: — Вполне. Впрочем, существуют и ускорительные средства.

Гиппократ: — Какие же?

Сократ: — Например, когда глава государства занимается бесконечной болтовней. У него есть желание начать новую жизнь, но он ничего не делает, чтобы реализовать его — только треплет языком, на деле же не в силах расстаться со старой жизнью, понимаешь?

Гиппократ: — Понимаю. Но чтобы осознать свою ошибку, надо ошибиться, точнее, ошибиться, делая дело?

Сократ: — Конечно, Гиппократ.

Гиппократ: — Ну а для того, чтобы ошибиться, делая дело, нужно время, так ведь, Сократ?

Сократ: — Увы, это так, Гиппократ.

Гиппократ: — Таким образом, только по истечении времени выясняется, что тот или иной человек шел неверным путем?

Сократ: — Воистину, Гиппократ. Поэтому идущий во след почти всегда знает, в чем ошибался шедший впереди.

Гиппократ: — Однако это знание, Сократ, отнюдь не заслуга разума.

Сократ: — Конечно, Гиппократ, это заслуга времени.

Гиппократ: — Раз так, будущее поколение всегда в чем-то не согласно с предыдущим, так ведь, Сократ?

Сократ: — Да, Гиппократ, но умный потомок понимает, что его предок допустил ошибку именно потому, чтобы он, потомок, не повторил ее.

Гиппократ: — Стало быть, потомок должен быть благодарен своему предку, даже если ему не по душе пройденный им путь?

Сократ: — Умный потомок никогда не осквернит

тлеющий очаг своего предка хотя бы из страха перед тем, что его наследники поступят с ним так же.

Гиппократ: — Ты мудрый человек, Сократ! Прощу, ответь, чье правление или чье время может послужить камертоном истины?

Сократ: — Я не могу ответить на этот вопрос, Гиппократ. Человечество изменяется, развивается, жизнь потому и интересна, что разум человеческий — в постоянном поиске совершенной системы, который по сей день, увы, не увенчался успехом.

Гиппократ: — А если случится чудо, и он найдет ее?

Сократ: — Не знаю, Гиппократ, что из этого выйдет. Либо всеобщая гармония и блаженство погубят человечество, либо в мире воцарится страшная скука.

Гиппократ: — До каких пор люди будут делить все на свете на свое и чужое?

Сократ: — Пока они существуют.

Гиппократ: — Значит ли это, Сократ, что общая собственность невозможна?

Сократ: — Что ты имеешь в виду, Гиппократ?

Гиппократ: — Общая — значит народная собственность.

Сократ: — Общая — это ничья, а что ничье — то общее. Собственность подразумевает хозяина, который радеет о ней. Ну а то, что принадлежит всем, остается без призора, никто не проявляет заботу о нем. Вообрази, мои блохи мне предпочтительнее чужих блох, потому что у моих — мой запах, понимаешь, Гиппократ?

Гиппократ: — Значит, всеобщее равенство — миф?

Сократ: — Глупо даже думать об этом. Что значит равенство, когда на всей земле не отыщется и двух абсолютно одинаковых близнецов, когда даже лист на дереве волею Господа неповторим!

Гиппократ: — Если равенство невозможно, не значит ли это, Сократ, что слабые обречены на угнетение со стороны сильных?

Сократ: — Взгляни на мою руку, Гиппократ, разве мешают друг другу пальцы, разной длины и силы? Так и в народе — между слабым и сильным должен стоять Закон.

Гиппократ: — Напомни мне, Сократ, когда рушится мир?

Сократ: — Когда бессилен Закон, Гиппократ.

Гиппократ: — Когда же бессилен Закон?

Сократ: — Когда нарушители Закона по числу и правам превосходят его защитников.

Гиппократ: — Ради Бога, Сократ, отойдем в тень. жара такая — у меня вскипели мозги.

Сократ: — С удовольствием, но здесь вокруг горы, а в горах спрячешь от солнца голову — здорово продрогнешь.

Гиппократ: — Выходит, телу не всегда полезно то, что нужно голове?

Сократ: — Именно так.

Гиппократ: — Есть ли выход из этого?

Сократ: — Конечно.

Гиппократ: — Какой же, скажи, и я буду, Сократ, по гроб жизни тебе благодарен.

Сократ: — Очень просто: на солнце надо носить шляпу, Гиппократ.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

61-11-25

Не умолкая звонил телефон. Гела знал, что подойти придется ему, так как жена и девятнадцатилетняя дочь смотрели телевизор. Отбросив одеяло, он сидя поискал ногами тапочки, нашел лишь одну, просунул ногу, встал и подошел к телефону.

— Алло, извините за столь поздний звонок! — раздался взволнованный женский голос. — Прощу вас, запишите мой телефон.

— Подождите, сейчас, — Гела взял карандаш. — Кто это говорит?

— Вы меня не знаете. Мне очень плохо. Возможно, что я не доживу до утра. Если вас не затруднит, позвоните завтра утром, 61... Вы меня слышите?

— Да.

— 61-11-25. Если завтра утром я вам не отвечу,

значит я буду мертва, и вы в таком случае позвоните в скорую. Я живу на Вашловани, пятнадцать. Квициани Нелли. Извините за беспокойство.

— Простите, а вы со мной знакомы?

— Нет, я позвонила вам совершенно случайно.

— Может, вам лучше было обратиться в скорую?

— Не хочу, скорая мне ничем не поможет.

— Может, мне приехать?

— Ни в коем случае. Я вам не смогу открыть двери. Если вам не трудно, исполните, пожалуйста, мою просьбу, а нет, так всего хорошего.

Незнакомка повесила трубку.

Гела посмотрел на часы, было почти одиннадцать.

— Кто это был? — спросила жена.

— Не знаю, не туда попали.

— Как же не туда попали, если ты говорил минут десять, — произнесла дочь, не отрывая взгляда от телевизора.

— Это не твое дело... и сядь, пожалуйста, нормально. Вы не ложитесь? Сколько можно смотреть «Мост Ватерлоо»? Вы обе прямо помешались на этом телевизоре.

— Иди ложись, разве мы тебе мешаем? — ответила ему жена.

— Когда звонит телефон, обязательно я должен подойти? Вам лень сделать два шага. Где моя вторая тапочка?

Жена с дочерью искоса поглядели на Гелу, стоявшего в трусах и майке и похожего сейчас на футболиста.

— Папа, выйди, не мешай, поищи ее под кроватью.

— Я-то выйду, — он повернулся к жене, — ты видишь, что делают с этой девчонкой сигареты, ты слышишь, какой у нее стал голос?

— Ничего подобного, я больше не курю. Просто сейчас немного простужена.

Дочь вытянула свои красивые ноги, положив их на игрушечного льва.

Гела вернулся в спальню и лег. Минут пять он смотрел в потолок, потом встал, подошел к телефону,

взял листок, на котором был записан адрес Нелли Квициани, и снова лег в постель.

Долго не мог уснуть.

«Вот возьму и пойду. Кто знает, каково сейчас той женщине, у нее был очень взволнованный голос. Но в моем доме разве это поймут? Как объяснить им, почему я встаю с постели и выхожу в такую ветреную погоду на улицу, да еще в столь поздний час, из-за звонка незнакомой мне женщины. Во-первых, они станут смеяться, во-вторых, — будут сомневаться в правдивости моих слов. И в-третьих... чем-то эта история напоминает начало детектива. Верить ли, что она набрала мой номер случайно? А вдруг это розыгрыш? Но ведь у нее был очень искренний и взволнованный голос»...

Людам свойственно себя успокаивать и, что удивительно, чаще всего им это удается. «Если она обречена, — думал Гела, — то ей уже ничем не помочь, если же она доживет до утра, то я с ней свяжусь, вызову врача и вообще как-то помогу».

С этими мыслями он и уснул.

Утром Гела не мог дожидаться, пока жена с дочерью позавтракают и уйдут. Он никак не мог выяснить, во сколько же начинались у дочери занятия. Иногда она выходила из дому вместе с матерью в половине девятого, иногда же спала до двенадцати. Сколько он ни бился, вырастить дочь так, как он считал нужным, он не сумел. А сейчас менять что-либо уже поздно. У студентки третьего курса Института иностранных языков была своя жизнь. Гела замечал, что постепенно становится в своей семье чужим. Канула в прошлое радость, которую они испытывали от общения друг с другом. Не только дочь, но и жена не разговаривала с ним, если не было на то необходимости. По вечерам жена с дочкой садились у телевизора, Гела же в своей комнате читал и рано ложился спать. Телевизор он не выносил и в том, что семья распадалась, винил прежде всего его.

Оставшись один, он вынес телефон в свою комнату, встал у окна и набрал номер телефона.

— Алло.

— Слушаю...

Он облегченно вздохнул, это был голос Нелли.

— Как вы себя чувствуете, Нелли?

— Спасибо...

— Я Гела. — Он вдруг подумал, что не нужно было называть свое имя и быстро добавил: — Вы звонили мне вчера вечером. У вас был испуганный голос.

— Простите меня, пожалуйста. Муж в командировке, а сын вчера очень задержался. Хотя он уже и взрослый парень, но я все равно волнуюсь, когда он не приходит домой вовремя. Я больная женщина и, видимо, сдали нервы. Не дай Бог вам испытать такое. Я умирала, сначала начали стынуть руки и ноги, я вся покрылась холодным потом, не глядя на телефон набрала первые попавшиеся цифры. Попала к вам. Думала, если потеряю сознание или же умру, чтобы хоть кто-нибудь об этом знал.

— Я рад слышать ваш голос, теперь вам лучше?

— Сравнительно... Мой сын явился в первом часу и я немного успокоилась.

— Что вас беспокоит, если не секрет?

— Врагу не пожелаешь... Вы сказали, вас зовут Гела, да?

— Да.

— Я уже три года прикована к постели.

— ?!

— Не действуют конечности, говорят, соли...

— И в такое отчаяние вас ввергли соли? Извините, одну минутку, — не кладя телефонной трубки, Гела открыл окно и крикнул: — А ну-ка уходите отсюда! Живей, живей, пока я к вам не спустился! Извините, Нелли. Я отгонял детей. Мы с соседями на клочке земли за нашим домом развели небольшой садик, а от этих шалопаев спасу нет. Они срывают не только сирень, но и ветки распутившихся вишен.

Уважаемый читатель, автор этой новеллы в спешке забыл сообщить вам, что стояла весна.

— Где вы живете, батоно Гела?

— На улице Гурамишвили, в начале Ваке-Сабурталинской дороги.

— Чудесное место.

— Место неплохое, но уж очень шумное.

— Да, сейчас везде шумно.

— Я вас спросил о болезни... — продолжать разговор на эту тему Геле было интереснее.

— И не говорите, эти соли похуже чумы. Три года я не встаю с постели. Вначале отнялись ноги, пришлось оставить работу. Я географ, преподавала в школе. Вот уже год, как отнялись руки, а теперь едва могу шевелить и пальцами.

— А боли вас беспокоят?

— Страшно. Все время принимаю обезболивающее. До каких пор так будет продолжаться...

— Это пройдет, бататоно Нелли. Насколько я знаю, соли в наше время лечат довольно эффективно. У одного моего приятеля... — хотел слукавить Гела, но Нелли его прервала.

— Не надо, бататоно Гела, не надо. Нет таких средств, которые бы мы не испробовали. Я уже утомила близких и устала сама. Со мной все ясно, я доживаю последние дни. Расскажите что-нибудь о себе.

— О себе... Ничего интересного... Я инженер, имею девятнадцатилетнюю дочь, она учится в Институте иностранных языков.

— Дай ей Бог счастья. А мой сын в этом году закончил школу и пока ничем не занят.

— Он никуда не поступал?

— Поступал, но не добрал баллов.

— А муж?

— Он работает в Институте охраны труда.

— Аа... — Гела и не знал, что существует такой институт. — Но вы чувствуете хотя бы небольшое улучшение...

— Никакого... Дни мои сочтены. Мне все надоело, не хочется и говорить о себе. Смерть для меня сейчас избавление. Вам мои слова кажутся высокопарными, да?

— Ну что вы?!

Геле показалось, что Нелли плачет.

— Простите, бататоно Гела. В последнее время я стала вдобавок ко всему еще и подозрительной. Мне кажется, что я надоела и мужу и сыну. Разве я живу? Когда остаюсь одна, не беру трубку телефона, не хочу слышать голоса родственников и друзей. Меня убивает это бесконечное: «Как ты? Сегодня тебе лучше?»

Голос у тебя стал бодрее, скоро поправишься, не бойся». Они по-своему правы, но я устала. Одна я знаю, что больше никогда не поправлюсь. И потому не хочу, чтобы меня успокаивали. Видимо, смерть приходит тогда, когда теряешь надежду. А я потеряла не только надежду, но и веру в жизнь. Уже и не верится, что когда-то была здорова. Муж принес мне как-то коляску. Раньше я подкатывала ее к окну и отвлекалась, глядя на улицу. А сейчас и к окну подходить не хочется. Слава Богу, скоро все кончится.

— Не говорите так, прошу вас. Вот увидите, вы поправитесь. Люди что только ни переносили... Вы...

Гела не мог найти слов, так потрясла его эта история, к горлу подкатил ком.

— Я это все уже слышала. Большое вам спасибо за внимание. Всего вам хорошего, батоно Гела.

— Вы можете исполнить одну мою просьбу?

— Говорите.

— Можно я вам еще позвоню.

— Не стоит...

— Очень вас прошу.

— Не надо. Забудьте о моем звонке.

— Тогда я сейчас же к вам приеду! — решительно сказал Гела.

— Ни в коем случае. Не вздумайте приходить.

— Ну тогда я вам еще позвоню, всего лишь один раз позвоню.

— Там видно будет... Всего доброго.

Весь день на работе он не мог найти себе места. В ушах постоянно звучал голос несчастной женщины. Он механически подписывал какие-то бумаги, отдавал распоряжения, но ни на минуту не забывал о своей беседе с больной женщиной. Неужели уже никто не в состоянии ее спасти?!

В обеденный перерыв он ей позвонил.

— Это я.

— Знаю, батоно Гела.

Некоторое время они молчали и Геле показалось, будто он слышит, как у нее бьется сердце.

Он не знал, с чего начать. Банальное «Как выживаете?» не подходило тем более, Нелли сама ска-

зала, что не любит, когда ее спрашивают о самочувствии.

— Знаете, сегодня в моей комнате толпилось столько народу, что затылок почесать было некогда, а не то чтобы позвонить. — Он говорил и удивлялся, почему это оправдывается перед женщиной, которую никогда не видел. — Не хватает нужных деталей, а не выпустишь на линию троллейбус — с тебя же и спросят. Из кожи лезем, чтобы троллейбусы на линии отвечали хотя бы элементарным техническим нормам.

— На улице жарко?

— Не могу сказать. Утром было прохладно, а потом я не выходил. Хотя уже конец апреля.

— Какое сегодня число по-старому?

— Кажется, тринадцатое.

— Батоно Гела... — голос Нелли задрожал.

— Я вас слушаю.

— Прошу вас, поймите меня правильно. Мне понятно ваше чувство. Я позвонила вчера к вам случайно, просто не было другого выхода, иначе я бы вас не побеспокоила. До прихода сына у меня была надежда на вас. Я благодарна вам за вчерашнее, за ваше внимание. Когда вы сказали, что немедленно приедете, знаете, как спокойно стало на душе? Значит, думаю, есть в этом холодном городе человек, который умеет сочувствовать постороннему. Возможно, что меня от смерти вчера спасла ваша доброта. Сейчас ситуация изменилась. Я чувствую, вы добрый человек и своими звонками хотите утешить меня, подать надежду. Ваше внимание вызвано жалостью, поверьте, мне это уже не нужно. Еще в прошлом году я сходила с ума, если мне никто не звонил. Заставляла мужа и сына звонить каждый час, где бы они ни находились. Сейчас же всякое внимание меня раздражает. С жизнью у меня сведены все счеты. Я вас освобождаю от вашего джентльменского обязательства звонить мне.

— Мы же договорились? — растерянно проговорил Гела.

— Мы ни о чем не договаривались, поймите, для меня все кончено. До свидания.

— Не вешайте трубку, прошу вас, Нелли. Я все равно буду вам звонить.

— Даже если не брать во внимание все остальное, это неудобно, ведь я замужем. Хотя сейчас и это не имеет никакого значения. Простите, пришел мой врач, я должна подготовиться.

«Действительно, может, я ей надоедаю», — подумал Гела, но скоро почувствовал, что не может не позвонить. Было ясно, этот звонок больше нужен был ему самому. К больной женщине у него родилось какое-то странное, пока самому непонятное чувство.

Он позвонил и на следующий день. Ему показалось, что Нелли не разговаривала больше так категорично, будто даже ждала его звонка. В течение недели он звонил ей трижды в день. Их беседы были коротки и разнообразны. «Это я», говорил Гела и скороговоркой рассказывал о событиях дня: о том, что делается в городе, о погоде. Он и не помнил, когда они перешли на ты. В течение последней недели Гела обращал внимание только на те события, о которых можно было бы рассказать Нелли. Звонил ей с работы, с телефона-автомата, из дому, когда жена возилась на кухне, а дочь смотрела телевизор. В последнее время ему уже не надо было говорить свое обычное «Это я». Незаметно между ними установилась близость, которой порой трудно добиться на протяжении всей жизни. Они заботились друг о друге и всем своим существом отдавались этой заботе.

«Через десять минут ты должна принять лекарство», «Да, знаю». «Не забудь, скажи Зуре, чтоб в четыре часа спустился. Я принесу «Саирме» и оставляю коробку у лифта, как в прошлый раз». «Спасибо». «Прошу тебя, можно я поднимусь на минутку? Посмотрю на тебя прямо из двери и уйду. Какое значение имеет твоя внешность». «Ни в коем случае. Если ты это сделаешь, я убью себя. Когда поправлюсь, я сама встречу с тобой». «Хорошо». «Слушай». «Да». «Оденься потеплее, сегодня объявили дождь». «Будет исполнено». «На дворе весна?». «Так себе, я пошел». «Ну, давай».

Он позвонил в субботу утром, ответил муж Нелли. Гела знал, что в таких случаях надо было молчать. И в воскресенье подошел муж. В понедельник у Нелли вообще никто не ответил.

В понедельник он раскрыл вечернюю газету. Обы-

чно он не читал траурные объявления, а тут почему-то пробежал их глазами. Среди прочих фамилий мелькнула фамилия Нелли.

Когда все покинули кладбище, к свежесасыпанной могиле подошел мужчина и положил на нее ветки вишни.

Он стоял некоторое время, думая о чем-то своем, а когда низко над ним пролетела сова, повернулся и пошел по тропинке.

Не мне тебя учить, дорогой читатель, что человеческие взаимоотношения полны тайн.

Перевод Елены БАРАТАШВИЛИ

Елена САКВАРЕЛИДЗЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Прошу, Елена Сергеевна!

Театр Руставели на гастролях в Киеве. Великий Акакий Хорава предстал перед киевским зрителем в своих прославленных ролях — Отелло и царя Эдипа.

Идет «Царь Эдип». Я играю рабыню. Голос Акакия Хорава гремит и отзывается эхом в стенах киевского дворца «Октябрь». После спектакля весь зал аплодировал стоя и с восторгом скандировал: «Браво, Хорава! Браво, Хорава!»

Меня, бывшую студентку Акакия Хорава, начинающую актрису, преклоняющуюся перед его мастерством, талантом, славой, совершенно потряс успех моего учителя.

Кончился спектакль. Мы, молодые актеры, собрались в гримерных и долго еще делились впечатлениями. Тем временем ведущие театральные деятели Киева пригласили нас на праздничный ужин.

— Поехали, там продолжим наш разговор! — сказал Акакий Хорава.

— Если можно, подождем еще немного, скоро выйдет Елена Сергеевна, — попросил его Юрий Тимошенко (Таранулька), с которым я дружу уже много лет.

— Да, разумеется, — согласился батони Акакий.

Скоре я вышла и подошла к Тимошенко и его жене. Разговор продолжался.

Акакий Васадзе по-грузински спросил Хорава:

— Ты не знаешь, чего мы ждем?

Батони Акакий ответил ему:

— Откуда я знаю, говорят, должна прийти какая-то Елена Сергеевна!

— Прошу вас, поедemте, уже поздно! — напомнила Наталья Ужвий.

— Ну что вы, — сказал Акакий Хорава, — неудобно уходить, подождем Елену Сергеевну!

— Да она уже пришла! — воскликнул Юрий Тимошенко, указывая на меня. — Прошу садиться в машину!

Батони Акакий повернулся к Елене Сергеевне и,, увидев меня, с улыбкой по-грузински прошептал мне на ухо:

— Так это ты, детка, Елена Сергеевна? Это ты заставила ждать столько людей? — затем подал мне руку и с подчеркнутой вежливостью произнес: — Прошу, Елена Сергеевна!

Носильщик

Мы, молодые люди, очень любили Акакия Хорава и всегда искали случая пообщаться с ним. Он знал об этом и снисходительно позволял нам любить себя.

Как-то мы были приглашены в Москву для участия в вечере дружбы. Акакий как директор театра и вместе с ним шесть молодых актрис.

Москва... Прославленная сцена Союза театральных деятелей... Вечер дружбы... Мы блаженствуем в ореоле славы Акакия Хорава... Для нас, начинающих актрис, приглашение в столицу было большим событием, поэтому мы набили чемоданы своими и одолженными платьями и украшениями, добавив к этому провизии на дорогу, так что получилось на каждую как раз по два чемодана.

Перед отъездом батони Акакий пригласил нас в кабинет, провел с нами беседу и, предупреждая о том, что надо вести себя достойно, добавил:

— Теперь вы уже не ученицы, вы — актрисы руставелевского театра и должны держать себя соответственно. Отныне я вам не директор, а коллега, и вы можете обращаться со мной по-товарищески, без всякого официоза.

Количество наших чемоданов батони Акакий увидел на вокзале, перед отходом поезда, но было уже поздно. Ему, нашему единственному кавалеру, ничего не оставалось, как внести наш багаж в вагон. Мы, конечно, чувствовали угрызения

совести, но его слова о том, чтобы мы обращались с ним как с равным, несколько подбадривали нас.

Приехали в Москву, и «кавалер» покорно вынес двадцать чемоданов из вагона. Мы продолжали, согласно наставлениям, «вести себя достойно» и даже не удивились тому, что директор театра, погрузив тяжелые чемоданы в несколько такси, каждой из нас доставил их в гостиничный номер. Разве он не сказал нам: «Я не директор, я ваш коллега?»...

Войдя в мою комнату, он поставил чемоданы и тяжело опустился в кресло. Меня все же мучила совесть и я запросто, «без официоза» спросила его:

— Устали, батоно Акакий?

— Калбатано, я сказал вам — ведите себя со мной товарищески, но я не говорил, чтобы вы делали из меня носильщика.

Белоснежным платком он вытер потный лоб и вдруг, что-то вспомнив, быстро поднялся:

— У меня же еще чемоданы Лейлы Гамбашидзе остались!

Ларби или Заира?

Как много сказано, сколько написано о поставленном С. Ахметели в руставелевском театре «Анзоре», переделанной С. Шаншиашвили пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69».

Этот спектакль стал одной из крупных ахметелевских побед. Он определил художественные позиции и творческое кредо руставелевцев, познакомил зрителей с целой плеядой актеров героико-романтического плана и, что главное, свидетельствовал об идейной зрелости театра, о революционном мироощущении труппы.

Один из представителей молодого поколения Георгий Сагарадзе с большим художественным тактом и непосредственностью играл роль молодого лезгина Ларби.

В шестидесятые годы Акакий Васадзе решил подготовить радиопостановку «Анзора». Он стремился занять в ней первых исполнителей ролей, чтобы предельно приблизить свой спектакль к ахметелевскому, передать дыхание времени, в котором он создавался.

Единственным исключением, кажется, была я — режис-

сер поручил мне роль красавицы Заиры, о чем я и сегодня вспоминаю с гордостью.

На репетициях все актеры работали с полной отдачей, чего только они не вспоминали, все это больше походило на дни воспоминаний, чем на репетиции.

Однажды Георгий Сагарадзе — Ларби взял чонгури и стал петь исполненную печали песню.

Мой Бог, я ведь знаю ее! И мысли мои унеслись в детство... Вспомнились Цагери, мой отец... Мой красивый и добрый отец, который учил меня петь эту песню. «Серго-судья» (так называли в Цагери моего отца — судью) играл на скрипке, а я выводила слова тонким голоском. Как любил он «выступать» со мной дуэтом! Оказывается, эта песня — из «Анзора»... Могла ли представить, что стану актрисой и буду работать в театре Руставели?

Вдруг Георгий Сагарадзе замолчал... Он забыл второй куплет... Стало тихо, и тут я продолжила.

Пропела и замолкла, предавшись своим мыслям... Между тем пришло время вступать в действие моей героине, а я ничего не слышу и не замечаю. Акакий Хорава, оказывается, уже сказал: «Давай, начинай!», но я вся в воспоминаниях. Тогда Акакий Васадзе пошутил:

— Детка, ты случайно не ошиблась и не переписала ли роль лезгина? Я дал тебе роль Заиры, генацвале!

Эти слова и дружный хохот актеров вывели меня из задумчивости.

Концерт на опилках

Эстрадная группа, в которую входили Эммануил Алхайдзе, Георгий Сагарадзе, Степан Джапаридзе, Роберт Картвелишвили и Эсебуа (его имени в афишах не было), приглашенные Грузинским трестом чая и цитрусов, отправились на гастроли в Западную Грузию.

Актерам приходилось работать в незавидных условиях. Концерты проходили в неблагоустроенных клубах, на плантациях, в рабочих столовых, а порой — на верандах жилых домов.

По приезде на место актеры знакомились с местной жизнью, ее злободневными проблемами, а потом на основе этого «горячего» материала создавали сатирико-юмористические зарисовки с обязательными музыкальными номерами.

Один из концертов в селе по просьбам зрителей надо было провести утром (вечерний спектакль был назначен в районном центре).

Роберт Картвелишвили и Эммануил Апхаидзе, зная об этом, за день оставили афиши у заведующего сельским клубом. На следующий день актеры были на месте в назначенное время.

Заведующий клубом вежливо встретил желанных гостей и обрадовал их известием, что все билеты проданы, сцена в порядке и опилки заготовлены.

— Зачем нам опилки? — удивились актеры.

— А как же, батона! А чидаоба!¹

— С чего вы взяли, что будет чидаоба? — спросили его удивленные актеры.

— Из соседней деревни идет молва, что будет большой кулачный бой, к тому же на афишах объявлен Эсебуа! — и он указал на Георгия Сагарадзе.

Атлетическим сложением Георгий напоминал борца, и вот заведующий клубом решил, что в село приехал сын известного грузинского спортсмена Нестора Эсебуа, который в тот период, как и его отец, выступал на арене.

На самом же деле Эсебуа, объявленный в афишах без имени, был актером Давидом Эсебуа.

Подаяние

Как-то летом режиссер Сико Долидзе находился в Чохатаурском районе на съемках фильма «Встреча с прошлым». Мы, съемочная группа, жили в гостинице. Фильм этот о том, как Советская власть помогла вырасти и встать в ряды передовой интеллигенции дочери нищего крестьянина Нино. Эту роль исполняла известная актриса Лейла Абашидзе.

Нас, бывало, будили ранним утром, мы одевались, гримировались и уезжали на съемки.

Однажды одетая в нищенские лохмотья Лейла, у которой из драных чуваков торчали пальцы ног, и я в ожидании машины присели перед гостиницей на камень. Лейла, целую неделю соблюдавшая диету, с аппетитом жевала краюху черного хлеба.

Был воскресный день, когда нарядные колхозники спешат к базару. Воскресное оживление в деревнях начинается

¹ Чидаоба — грузинская борьба.

обычно рано, с рассветом. Вот и шли мимо Лейлы женщины, некоторые с удивлением оглядывали ее, другие же с жалостью.

Вдруг к нам подошла пожилая женщина, улыбнулась, сверкнув целым рядом золотых зубов, вынула из сумки мчади, испеченное в кеци¹, молодой сыр и протянула Лейле:

— Бедная ты моя, на, возьми, брось этот черствый хлеб! Вечером, когда будем с базара возвращаться, дам тебе и мяса. Такая хорошая девочка, как же с тобою такое случилось?

Потом повернулась ко мне и сокрушенно проговорила:

— А я и не думала, что в наше время есть еще нищие!

Как только женщина отошла от нас, Лейла охотно бросила в сумку обгрызанный кусок хлеба, отломившая мне горячий мчади, сыр и, сдерживая смех, с аппетитом продолжила завтрак.

Солидарность

Люблю радио. Оно не так честолюбиво, как телевизор: смотреть никуда не надо, делай свое дело, а тебе прилежно расскажут новости со всего мира.

У нас всегда включено радио. Особенно я люблю старые радиопостановки, тем более те, в которых сама участвовала. Не потому, что влюблена в собственное творчество. Боже упаси! Нет. Но они напоминают мне старый роман с истрепанными страницами, который переносит нас из надоевшей повседневности в отдаленное прошлое.

Люблю потому, что, зачем скрывать, мне доставляет удовольствие возвращение на десятки лет назад.

Люблю потому, что вновь переживаю забытые чувства.

Люблю потому, что возвращаю невозвратимое.

Люблю потому, что в воспоминаниях моих оживают Ушанги Чхеидзе, Акакий Хорава, Серго Закариадзе, Васо Годзишвили, Акакий Васадзе, Тамара Чавчавадзе, Эроси Манджгаладзе, Ипполитэ Хвичиа, Сесилия Такаишвили.

Сегодня воскресенье, и транслируют радиопостановку «Тариэл Голуа».

Воскрешаю в памяти дорогие лица. Как будто вновь я — Тина и скромно стою перед Тариэлом — незабвенным Шалвой Гамбашидзе, вновь оказываю сопротивление Гайозу Гада-

¹ Кеци — глиняная сковорода.

лендиа — неповторимому Георгию Шавгулидзе, вновь умо-
ляю озлобленного Давида — Пьера Кобахидзе, вновь слышу
шутки Эммануила Апхaidзе и Эроси Манджгаладзе — и сна-
стлива всем этим.

Уже нет и режиссера-постановщика — милого Шалвы
Мжаванадзе.

Я вся превратилась в слух, и в это время, как назло,
вошла соседка, которая выглядела очень взволнованной, и гро-
мко начала разговор. «Выключи это радио, у меня дело к
тебе!» — обиделась она на мое невнимание и потянулась к
радио.

— Не смей! — закричала я и сразу же поспешила оп-
равдаться перед опешившей соседкой: — Интересная переда-
ча, и представляешь, все участники спектакля мертвы!

И только позже я сообразила, что причислила себя к про-
славленным умершим.

Дорогой сувенир

В 1966 году я участвовала в Днях грузинской культуры в
Венгрии. Те дни были для нас незабываемыми. Наша де-
легация пользовалась исключительным вниманием и уваже-
нием хозяев. Помню очень много любопытных для нас встреч,
мы познакомились и подружились там с интересными людьми
разных профессий, среди них — с журналистом Яношем Ри-
го, который все время был рядом с нами.

Зрители, затаив дыхание, слушали стихотворение Шандо-
ра Петефи «Я люблю тебя», которое я читала на грузинском
языке. Если бы даже перед моим выступлением не объявили,
чье это стихотворение, зрители все равно бы догадались, кто
автор — с таким блеском были переданы Григолом Абаши-
дзе ритм и размер стихотворения.

Всем нравились песни ансамбля «Орэра», интересные
лекции-беседы академика Шота Дзидзигури и профессора
Ушанги Оболадзе.

Перед нашим отъездом на родину друзья подарили нам
множество сувениров, Янош Риго вручил мне венгерскую
куклу. Я поблагодарила его за сувенир и пообещала, что тоже
пришлю что-то памятное из Грузии, на что Янош сказал:

— Думаю, что это будет нечто красивое, все вы, грузи-
ны, — поэты, поэтому я помещу ваш сувенир в книжный шкаф.

Через год в Грузии состоялись дни венгерской культуры.

В день проводов гостей я внезапно вспомнила о своем обещании и решила отправить с ними подарок Яношу Риго. Купила в салоне чеканку с изображением заключивших друг друга объятия Нестан-Дареджан и Тариэла в Каджетской крепости — Руставели ведь наша национальная гордость! Зашла на базар, чтобы Янош Риго мог полакомиться грузинскими чурчхелами. На базаре я вспомнила, что мне наказали купить килограмм кукурузной муки. Поэтому я приобрела два бумажных кулька, в один положила чеканку и чурчхелы, во второй поместила кукурузную муку и направилась в аэропорт. Запыхавшись, поскольку опаздывала, я приехала в аэропорт и передала венграм посылку для Яноша Риго.

Вернувшись домой, вынула из сумки оставшийся пакет и что же я вижу?! В нем чурчхелы и чеканка...

В спешке я отправила в Венгрию пакет с мукой!..

Дик

Перед нашим домом на пустыре по воскресным дням подростки играют в футбол, в обычные же дни пустырь этот безлюден. По совету врача по утрам я обычно прогуливалась на этом пустыре.

Очень полюбились мне эти утренние прогулки — в полном уединении можешь поговорить сам с собой, выучить наизусть нужные тексты, составить план на будущее... Для всего этого ведь нужно время, которого дома никогда нет.

Во время таких прогулок я составила тексты двух докладов, наметила рабочий план и многое другое...

Бывало, я даже распевала в полный голос, кто тебя слушает, пой, если поется! А иногда, не смейтесь, случалось и поплакать одной. Здесь такой покой и тишина, ни дипломатии не нужно, ни лицемерия...

Про себя я назвала пустырь «площадью свободы».

Но разве человек может быть постоянно счастлив? Мои прогулки на пустыре заметил один из жильцов соседнего дома, тоже решил гулять, вернее — выгуливать свою собаку-боксерра, и мое утреннее счастье оказалось нарушено зычными командами: «Прыгай, Дик!», «Фу, Дик», «Молодец, Дик!»

Хотя хозяин собаки, так бесцеремонно нарушивший мое одиночество, сильно раздражал меня, Дика я очень полюбила — не знаю, отвечал ли он мне взаимностью, это сложный во-

прос, Но так или иначе, вскоре мы, представьте, вместе выполняли приказы его хозяина, вместе бегали, прыгали.

Спустя время мне пришлось выступать с докладом перед весьма солидной аудиторией. Зал был полон, в президиуме — почтенные люди... И вдруг из зала слышу реплику: «В этом я с вами не соглашусь, калбатано Дик!» С удивлением смотрю в зал, взглядом нахожу перебившую меня женщину и убеждаюсь, что она явно смотрит на меня.

— Простите, вы мне? — спрашиваю растерянно.

— Да, калбатано Дик, я думаю, что этого нам не достичь.

Большинство присутствующих знали, что меня зовут не Дик. Женщину стали спрашивать, с чего она решила, что меня зовут Дик, тогда она встала и заявила:

— Видите ли, мы соседи. Каждое утро нас будят крики ее мужа: «Прыгай, Дик», «Вернись, Дик», «Молодец, Дик!» И калбатони Дик так поглощена своими упражнениями на площадке, что мы и не осмеливаемся ей ничего сказать!

Зал взорвался от смеха, кто-то заступился за меня: «Вы с кем-то ее путаете, она не спортсменка!». Но женщина все равно не унималась:

— Ведь это же вы, я не могла ошибиться!

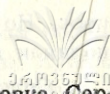
Оглушенная услышанным, я буквально сгорала от стыда, не знала, что делать. Исчезнуть бы куда-нибудь с этой проклятой трибуны!

Слава Богу, в это время раздался звонок председателя, он призвал присутствующих к порядку, и собрание продолжалось, хотя я была в невменяемом состоянии и даже не помню, что говорила, в ушах звучало: «Прыгай, Дик», «Вернись, Дик», «Молодец, Дик!»

Уходила я подавленная. Вот и нет у меня больше «площади свободы», я не решусь больше туда пойти... меня, наверное, будет искать Дик, мы ведь очень привыкли друг к другу, бегали, радовались и не подозревали о том, что люди встанут между нами и разлучат навсегда.

Там, на площадке, я была счастлива, сердце больше не напоминало о себе, но всему на свете бывает конец...

Сапожник-гимназист

Большим успехом пользовалась в Сухуми постановка Серго Челидзе «Из искры» Шалвы Дадвани.

Роль Цабу блестяще исполняла Саломэ Канчели. Актриса очень любила свою роль и всегда готовилась к ее исполнению, как к празднику.

На одном из спектаклей во время сцены в семье Зыковых, по-моему, во втором действии Саломэ вышла на сцену и видит: вместо актера, исполняющего роль Сережи — сына Зыковых, на сцене стоит... театральный сапожник Ашот.

Саломэ страшно растерялась, но только решила уйти со сцены, как за ее спиной явственно раздался дрожащий голос сапожника:

— Цабу!

Саломэ обернулась. С удивлением еще раз оглядела Ашота. Да, это и в самом деле он — одетый в костюм гимназиста сапожник. Несмотря на то, что актриса ощущала дыхание замерших в ожидании зрителей, смотрящих на освещенную юпитерами сцену, она все же решила, что лучше уйти. Но только она повернулась, как (кто бы мог подумать?!) Ашот стал произносить текст гимназиста! Правда, голос у него дрожал, язык заплетался, но все-таки Ашот выговаривал слова Сережи!

Изумленная Саломэ механически ответила ему...

Кое-как закончили сцену, опустили занавес.

Во время антракта за кулисами ассистент режиссера оправдывался:

— Что мне оставалось делать?! Первый звонок уже был, когда выяснилось, что Гела Ревазишвили вывихнул ногу и не сможет играть, еще хорошо кто-то вспомнил, что пятнадцать лет тому назад Ашот был актером и играл как раз роль Сережи Зыкова... Что мне было делать? Мы нашли Ашота, одели, и за всем этим я совсем забыл вас предупредить, что мне было делать? Зал переполнен, актера нет...

Один—ноль

Актеры А. А. и Г. С. ни дня не могли прожить друг без друга. Но это была особенная дружба — они все время разыгрывали друг друга. Впрочем, это не вызывало ни обид, ни ссор. Оба ставили себе целью как можно остроумнее

провести, разыграть один другого. Поначалу они вытворяли все это только за кулисами, потом перешли на сцену, однако вскоре поле их деятельности так расширилось, что они уже не могли успокоиться ни на день и даже жен своих втянули в свои «козни».

А. А. вместе с женой целую ночь украшал пластилиновыми цветами круглый черный хлеб, чтобы наутро вручить его под видом кофейного торта Г. С. перед его отъездом.

Впрочем, и Г. С. не давал А. А. спуска. Однажды он, пробравшись на сцену перед спектаклем, прибил туфли А. А. гвоздями к полу. В результате А. А., надев по ходу действия туфли, хотел шагнуть и с грохотом рухнул на пол.

Конца не было их проделкам.

В одном из спектаклей Г. С. по роли должен был вручить письмо А. А. Причем письмо каждый раз подавалось с текстом, а не просто бумажка! Однажды Г. С. пришла в голову мысль вручить А. А. вместо письма чистый лист бумаги. А. А. посмотрел на «письмо» и страшно растерялся: он не знал наизусть ни слова. Заметив, что Г. С. с трудом сдерживает смех, он взял себя в руки, спокойно вернул письмо «хитроумному лису» и, не выходя из роли, произнес:

— Ради всего святого, прочитай мне, что тут написано. Я забыл взять с собой очки.

Ему так понравился собственный ответ, что он не смог сдержаться и на виду у всего зала торжествующе добавил: «Один—ноль!»

Что было делать Г. С.? Ведь сослаться на то, что и у него нет очков, он не мог: они, как назло, красовались у него на носу...

Подтекст

Понск подтекста в театре — важный процесс творческого акта, и обусловлен он драматическим материалом.

Впрочем, чего только не бывает в театре?!

Спектакль руставелевского театра «Такая любовь» в постановке М. Туманишвили — один из лучших примеров творческого единства устремлений режиссера и актеров. Он по справедливости считается большой победой грузинского театрального искусства. В постановке приняли участие любимые публикой актеры — Серго Закариадзе, Медея Чахава, Рамаз Чхиквадзе, Саломэ Канчели, Гурам Сагарадзе, Карло Сакан-

делидзе, Бадри Кобахидзе, Белла Мирианшвили, Иамзе Тавадзе и другие.

Прошло много лет. Спектакль стал достоянием истории, а его участники — мастерами. И вот Рамазу Чхиквадзе на радио посвятили передачу. Он вновь встретился со своими партнерами и режиссером. И они вспомнили такой случай.

На одной из репетиций сидевший только что за столом Рамаз куда-то пропал. Пришел черед его сцены, а его нет и нет. Его стали искать — Рамаз, где ты? Вдруг он высовывает голову из-под стола.

— Выходи, что ты потерял под столом?

— Ищу подтекст, — ответил Чхиквадзе.

Перевод Н. НИНИДЗЕ

Автандил МЕНТЕШАШВИЛИ
Акакий СУРГУЛАДЗЕ

ТОЛЬКО ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Первая мировая война до крайности обострила классовые и национальные противоречия во всех странах, участвовавших в конфликте, особенно в многонациональной Российской империи.

Военные действия происходили и на территории Закавказья. Агенты, засылаемые в Грузию из Турции, пытались склонить к сепаратизму Аджарию и Абхазию. В свою очередь активизировались и шовинистически настроенные русские клерикальные круги, которые стремились отторгнуть Абхазию от остальной Грузии и присоединить ее к Кубанскому округу. Эту кампанию они начали еще с голицынского периода — 90-х годов XIX века. Тогдашний Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Голицын и экзарх Алексей советовали обер-прокурору Синода: «Сухумскую епархию, с ее преимущественно абхазским и русским населением, желательно оторвать от весьма нежелательного грузинского влияния. С этой целью — было бы очень полезно присоединить Сухумскую епархию к Кубани. В Кубанском крае насчитывается 1 716 245 чисто русского православного населения. В этой массе легко растворится 100 000-ное многоязыковое население Черноморского побережья»¹.

¹ Т. Сахокия. Сборник, 1969, с. 65.

Наряду с клерикальными кругами политику отторжения Абхазии от Грузии проводило и царское правительство. Оно бесцеремонно нарушило территориальную целостность Абхазии, когда, согласно Указу императора от 25 декабря 1904 года, комитет министров выделил из Сухумского округа район Гагринской климатической станции, присоединив его в административном отношении к Сочинскому округу Черноморской губернии².

Новая граница между Сухумским округом и Черноморской губернией была определена по реке Бзызь.

Как видно из отзыва бывшего Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Голицына министру внутренних дел от 25 мая 1904 года, намечая указанную выше границу, князь Голицын имел в виду лишь интересы Гагринской климатической станции, основателем которой был принц Александр Ольденбургский. Министерство же земледелия и государственных имуществ ставило целью заселить часть Гагринского района русскими переселенцами, на основании действовавших в то время в пределах Черноморской губернии льготных правил.

В итоге такого, совершенно искусственного, изменения границ от Сухумского округа к Черноморской губернии отошло свыше 150 000 десятин казенных лесов и горных летних пастбищ, которые находились в пользовании коренного абхазского населения Гудаутского участка. К названной губернии отошло и урочище «Псху» (Бзыбская горная котловина, население которой в 1864 году ушло поголовно в Турцию), откуда имелся единственный выход только в город Сухуми.

30 октября 1917 года на заседании ОЗАКОМа под председательством А. Чхенкели было обсуждено ходатайство Сухумского окружного комиссариата о включении отошедших в 1904 году к Черноморской губернии Гагринского и Бзыбского районов вновь в пределы Сухумского округа. Главным мотивом восстановления старых исторических границ округа считалась «необходимость обеспечения коренного населения при предстоящем разрешении в Учредительном собрании аграрного вопроса горными летними пастбищами и лесами», ходатайство поддерживалось жителями селений Старые Гагры, Но-

² ЦГИА ГССР, ф. 1818, оп. 2, д. 135, л. л. 17—18.

вые Гагры и Алахадзы, среди которых был проведен референдум.

3 ноября 1917 года А. Чхенкели от имени ОЗАКОМа обратился к Временному правительству с просьбой положительно решить данный вопрос³. В обращении говорилось: «Так как главным мотивом к изменению в 1904 году границ между Сухумским округом и Черноморской губернией послужили соображения, выдвинутые в то время основателем Гагринской климатической станции принцем Александром Ольденбургским, преследовавшие исключительно интересы этой станции и не считавшиеся с интересами коренного населения Сухумского округа, то особый Закавказский Комитет признает вполне справедливым восстановить вновь старую границу...»⁴.

Как выше уже отмечалось, царизм, действуя с дальним прицелом, широко практиковал колонизацию Черноморского побережья Абхазии, заселяя его русскими поселенцами. Вместе с тем, он всеми средствами боролся с демократическими кругами абхазского и грузинского народов, которые стремились сохранить братское единство. Особенно очевидным это стало в годы реакции и первой империалистической войны.

Однако попытки reactionеров вести политику раскола между двумя этими народами оказались безуспешными. Грузинская и абхазская демократическая интеллигенция всемерно содействовала укреплению единства между грузинами и абхазами. Особой активностью в этом плане отличалась деятельность руководителей большевистских организаций Абхазии Н. Лакоба, Е. Эшба, Д. Кобахия, Б. Агрба, народного учителя А. Логуа, П. Дзигуа, С. Кардава, И. Чамагуа, Н. Гегелия, А. Чогуа и других.

Демократическая интеллигенция Абхазии во главе с Д. Гулиа выступала инициатором национально-культурных начинаний, которые содействовали дальнейшему сближению абхазского и грузинского народов. Проведению такой политики способствовала и грузинская интеллигенция.

В конце апреля 1916 года из Абхазии в Тбилиси прибыла депутация, в которую входили представители интеллигенции и крестьянства — М. Шервашидзе, М. Эмухвари, А. Инал-Ипа, П. Анчабадзе, Б. Эзухбая, А. Чукбар и другие. От имени всего абхазского народа они предъявили кавказ-

³ ЦГИА ГССР, ф. 1818, оп. 2, д. 135, л. 30.

⁴ Там же.

ским властям свои требования — уделять больше внимания Абхазии, в частности благоустройству Сухуми, улучшению старых и прокладке новых дорог, внедрению обучения на грузинском и абхазском языках в местных школах.

Ставился делегацией перед наместником и вопрос о преобразовании Сухумского округа в отдельную губернию, причем с категорическим требованием не приписывать его к чужой губернии, например, к Черноморской. «В случае невозможности преобразования Сухумского округа в отдельную губернию и необходимости приписать его к какой-либо губернии, то в этом случае Сухумский округ должен объединиться с Кутаисской губернией. Сухумская епархия, ввиду того, что всем своим прошлым и настоящим кровно взаимосвязана с грузинской церковью, ни в коем случае не должна быть отделена от нее»⁵.

Наместник с большим вниманием выслушал членов делегации и обещал им всяческую помощь. Приезд абхазской делегации в Тбилиси вызвал большой резонанс как среди грузинской интеллигенции, так и в благотворительных организациях города. Грузинская пресса опубликовала информацию о ее приезде, содержании предъявленных ею требований, а также портреты некоторых членов делегации. Грузинская общественность, приветствуя развитие национального самосознания абхазского народа, отвергала сепаратистские стремления некоторых реакционно настроенных элементов, которые пытались посеять рознь между грузинским и абхазским народами.

На созванном по инициативе меньшевиков в ноябре 1917 года в Сухуми крестьянском съезде был создан Народный Совет Абхазии, 9 февраля 1918 года его правая националистическая группа (А. Шервашидзе, М. Эмухвари, Н. Маргания, полковник Н. Чхотуа, Б. Цагурия) встретила в Тбилиси с членами исполнительного комитета Национального Совета Грузии: А. Чхенкели, К. Месхи, Г. Гвазава, П. Сакварелидзе, Н. Карцивадзе для обсуждения вопроса о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией в ближайшем будущем. На совещании определилось стремление этой группы непременно достичь политической независимости Абхазии, «имея с Грузией лишь добрососедские взаимоотношения, как с равным соседом»⁶.

⁵ Газета «Тэатри да цховреба», 1916 г., № 23.

⁶ ЦГИА ГССР, ф. 1823, оп. 2, л. л. 153—159.

Представители грузинского Национального Совета выразили пожелание о вхождении Абхазии в состав Грузии с сохранением ее полной внутренней автономии, как это предусматривалось и для мусульманской Грузии (Аджарии). А. Чхенкели заявил на совещании от имени Национального Совета, что грузины являются сторонниками восстановления территориального единства Сухумского округа, которое было разрушено в 1904 году.

Представители Абхазии согласились с проектом А. Чхенкели, предусматривавшим широкую внутреннюю автономию Абхазии в составе Грузии, которая обязывалась содействовать восстановлению ее старых исторических границ. Народный Совет Абхазии должен был обсудить этот проект и принять соответствующее постановление.

После создания Закавказского Сейма, отказавшегося признать Брестский мир, положение в Закавказье осложнилось. Началась прямая турецкая экспансия, внутри страны стало расти революционное движение масс, возглавляемых большевиками.

В адресованном Президиуму XIX Всесоюзной партийной конференции абхазском письме от 17 июня 1988 года революционное движение трудящихся Грузии, охватившее весной и летом 1918 года различные районы, преподносится однозначно — только как борьба абхазского и осетинского народов за Советскую власть, которую «меньшевики потопили в крови». А ведь вместе с абхазскими и осетинскими трудящимися борьбу за установление Советской власти вели и представители других народов, населявших Абхазию и Южную Осетию, в том числе и коренные жители — грузины. Достаточно привести пример того, как было подавлено революционное движение крестьян в Лечхумском, Душетском, Зугдидском и других уездах Грузии весной и летом того же года, чтобы стала очевидной вся беспочвенность таких утверждений.

25 июня 1918 года на заседании грузинского правительства специально обсуждался вопрос о беспорядках в Душетском и Лечхумском уездах. Было принято постановление о подавлении повстанческого движения в этих уездах частями регулярной армии и народной гвардии⁷.

⁷ Georgian Archive, Harvard University, reel 9, book 4, p. 17.

Восставшие крестьяне Лечхумского уезда установили Советскую власть еще во второй половине февраля 1918 года. Правительство Сейма объявило уезд «вне закона».

Жестокость, с которой правительство Сейма и Народная гвардия меньшевиков расправились с крестьянским движением весной 1918 года, объясняется и внешнеполитическими факторами. В условиях турецкого наступления создалась реальная угроза захвата турками всего Закавказья. Вот почему конференция большевиков Западного Закавказья, состоявшаяся в феврале того же года в Кутаиси, призвала местные большевистские организации воздержаться от выступлений против правительства и все силы направить на защиту родины.

Внутри страны были силы, которые ориентировались на Турцию. Так, например, с просьбой о покровительстве обратились к туркам представители имущих классов Абхазии, рассчитывавшие с помощью турецких захватчиков задуть Советскую власть⁸ в крае. В связи с этим А. Чхенкели сообщал Национальному Совету Грузии: «Турки решили послать войска для занятия Сухуми и начали соответствующую подготовку. Однако вскоре ими было получено известие о взятии Сухуми нашими войсками и изгнании большевиков.

Это известие подействовало на них, как гром среди ясного неба, ибо такого поворота событий они не ждали и вынуждены были отказаться от своих замыслов»⁹.

Однако и после этого представители имущих классов Абхазии не отказались от попытки с помощью Турции восстановить свои позиции. Воспользовавшись наступлением грузинских войск в районе Сочи, турки в ночь на 28 июня 1918 года высадили десант к югу от Сухуми, около реки Кодор, в количестве 800 человек во главе с А. Шервашидзе. Народный Совет Абхазии заявил против десанта решительный протест. Генерал Мазниев успел «занять позиции на правом берегу Кодори, охраняющие подступ к Сухуми. Благодаря этим, своевременно принятым мерам, туркам не удалось вступить в Сухуми, и десант был изгнан»¹⁰.

В первую годовщину объявления независимости Грузии министр внутренних дел Н. Рамишвили выступил в Учредительном собрании с отчетом о деятельности правительства, в

⁸ ЦГИА ГССР, ф. 1823, оп. 2, д. 1, л. 208.

⁹ Там же.

¹⁰ Georgian Archive, Harvard University, reel 66, book 2, p. 3.

котором говорилось: «Молодое, еще не окрепшее грузинское государство вынуждено было пресечь анархию и для этого прибегло к чрезвычайным мерам, послав войска и части Народной гвардии в места, охваченные анархистскими выступлениями. Необходимо было мечом подавить вспыхнувшие в различных уголках республики восстания, в частности в Сачхерском и Лечхумском уездах, а также в Одиши. Не лучшим образом обстояло дело и в Абхазии, где, исходя из личных интересов, группа недовольных проведением в жизнь основных реформ, обратилась за помощью к иностранному государству и в то же время путем агитации пыталась поднять народ на восстание»¹¹.

Борьба большевиков Абхазии против правительства демократической Грузии проходила в то время, когда «темная турецкая сила окружила страну, и мы не знали, будет ли для нас завтра вновь светить солнце, или же мы станем жертвами турецкой агрессии. Революция и дальнейшая жизнеспособность нации были под вопросом. Батуми оккупировал враг, который пересек также границы Гурии и стоял в нескольких десятках километров от Тбилиси. Переговоры с врагом были исключены. Измена внутри — меч с внешней стороны, вот ситуация, в какой оказалась Грузия в тот период», — писала газета «Эртоба» 26 мая 1919 года.

После объявления 26 мая 1918 года независимости Грузии делегация Народного Совета Абхазии в составе Р. Какуба, Г. Туманова, В. Гурджуа и Г. Аджалова прибыла в Тбилиси для переговоров с правительством Грузии. 6 июня того же года на заседании грузинского правительства Р. Какуба выступил с приветствием от имени Народного Совета Абхазии. Он указал на общность интересов народов Абхазии и Грузии, на их духовную связь и высказал пожелание, чтобы эта связь и после перехода всей власти в руки Народного Совета Абхазии сохранилась в прежнем виде и чтобы правительство Грузинской республики оказало дружественную помощь в организации государственной власти в Абхазии¹².

Председествовавший на этом заседании военный министр Г. Гиоргадзе приветствовал представителей Абхазии и высказал пожелание «практически закрепить братскую связь

¹¹ Газета «Сакартвелос республика», 26 мая 1919 г.

¹² Georgian Archive, Harvard University, reel 74, book 53, p. 2054.

народов Абхазии и Грузии»¹³. Затем состоялась беседа о положении дел в Абхазии. Р. Какуба отметил, что там существует несколько политических течений, характеризующих или иную ориентацию. Так, «состоятельный помещичий класс явно придерживается турецкой ориентации, ожидая от Турции восстановления своих утраченных прав, есть и небольшое течение с большевистской ориентацией, часть населения симпатизирует горцам Северного Кавказа». Для борьбы со всеми этими течениями Народный Совет Абхазии просил помощи правительства Грузии, выразив надежду, что грузинская Красная гвардия не будет выведена из пределов Абхазии. Абхазская делегация обратилась также к правительству Грузии с просьбой о финансовой помощи. На этом же заседании министрам Грузии Ш. Алекси-Месхишвили и Н. Хомерики было поручено разработать текст договора между Абхазией и Грузией.

8 июня 1918 года в развитие и дополнение соглашения между представителями Национального Совета Грузии и Народного Совета Абхазии от 9 февраля 1918 года был заключен договор между правительством Грузинской демократической республики и Народным Советом Абхазии, который содержал следующие пункты:

1) при правительстве Грузинской демократической республики создается по представлению Народного Совета Абхазии пост министра по делам Абхазии;

2) внутреннее управление и самоуправление в Абхазии принадлежат Народному Совету Абхазии;

3) кредиты и деньги, необходимые на управление Абхазии отпускаются из средств Грузинской демократической республики и расходуются на нужды Абхазии Народным Советом Абхазии;

4) для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти и в помощь Народному Совету Абхазии и в его распоряжение правительство посылает отряд Красной гвардии;

5) в Абхазии организуется интернациональный отряд, который находится в распоряжении Народного Совета Абхазии;

6) социальные реформы в Абхазии проводит Народный Совет Абхазии на основе общих законов Грузии с учетом местных особенностей;

¹³ Georgian Archive, Harvard University, reel 74, book 53, p. 2054.

7) съезд населения Абхазии на демократических началах созывается по возможности в скором будущем для окончательного решения вопросов, связанных с устройством Абхазии¹⁴.

Договор подписали Н. Хомерики — министр земледелия и Ш. Алекси-Месхишвили — министр юстиции правительства Грузии, а с абхазской стороны — уполномоченные Народного Совета Абхазии Р. Какуба, Г. Туманов, В. Гурджуа, Г. Аджалов.

Подписанием этого договора грузинское правительство подтвердило свое обещание дать автономию Абхазии, однако практическое осуществление его задержалось. С началом гражданской войны на Дону и Кубани активизировалась белогвардейщина, которая под руководством генералов Алексеева и Деникина все чаще стала вмешиваться и во внутренние дела Грузинской демократической республики, в частности, ею были предъявлены требования об отторжении от Абхазии Гагринского округа и передачи его в состав Кубани.

На совещании представителей Грузинской республики, Краевого Кубанского правительства и Добровольческой армии 25 сентября 1918 года генерал Алексеев отметил, что Гагринский округ, как и Сочинский, является «чисто русским» и должен входить в состав Кубани. Далее он заявил представителю Грузии Е. Гегечкори: «Та граница, которая была установлена в 1905 году, должна быть сохранена, и только при этом непрременном условии мы можем столкнуться с Вами»¹⁵. Таким образом, в качестве условия для успешного исхода переговоров с представителем Грузинского правительства Алексеев потребовал признания со стороны последнего Гагринского округа в составе Кубани. Его поддержали представители Кубани Быч и Воробьев. Последний цинично утверждал, что нет никаких данных — «ни этнографических, ни исторических для присоединения Гагринского округа к Закавказью»¹⁶. Но ведь для присоединения округа к России не существовало ни исторических, ни иных данных. «Грузия, — говорил Воробьев, — должна начинать свои границы за Абхазией, стремление которой к самоопределению нельзя игнорировать только потому, что там живет несколько сотен грузин».

¹⁴ ЦГИА ГССР, ф. 1861, оп. 2, д. 37, л. 58.

¹⁵ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919 г., с. 392.

¹⁶ Там же, с. 409.

Представители Кубанского правительства и Добровольческой армии, возражая против вхождения Гагринского округа в состав Грузии, мотивировали это также и тем, что «весь округ был выстроен усилиями принца Ольденбургского и затрачено на одни только Гагры до 10 млн. рублей при старой валюте. Да и помимо этого во всем округе имеется только одно селение и то только наполовину населенное грузинами, а все капиталы, затраченные там, чисто русские. Вот это обстоятельство нужно иметь в виду при дальнейшем обсуждении, и если говорить о границе Грузии, то нужно установить ее только вплоть до Абхазии, так как у нас имеются сведения, что абхазцы готовы пойти на все, лишь бы вновь войти в состав России»¹⁷.

Вскоре представители Добровольческой армии перешли от слов к делу. В начале октября 1918 года при их подстрекательстве была предпринята попытка переворота в Абхазии с целью ее отделения от Грузии, которым руководил окружной комиссар Маргания и министр по делам Абхазии, полковник Чхотуа. Эта попытка провалилась. Было арестовано шесть членов Народного Совета Абхазии, которые по официальной правительственной версии «действовали в интересах помещиков, Турции и армии генерала Алексеева»¹⁸. На заседании правительства Грузии 10 октября 1918 года было принято решение распустить Народный Совет Абхазии и назначить новые выборы на основе всеобщего избирательного права. Для их проведения правительство Грузии постановило создать Центральную избирательную комиссию в составе В. Шервашидзе (председатель), И. Рамишвили, В. Гурджуа, Г. Шаншиева. Временно, до выборов нового Народного Совета Абхазии, комиссаром Сухумского округа был назначен Б. Чхиквишвили, сосредоточивший там в своих руках всю полноту власти¹⁹.

Для освобождения своих сторонников руководство Добровольческой армии обратилось за содействием к англичанам, которые в ноябре 1918 года ввели свои войска в Баку. 5 декабря командующий союзными войсками генерал Томсон в своем послании на имя представителя Грузии в Баку Алшибая потребовал немедленного освобождения арестованных чле-

¹⁷ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919 г., с. 406.

¹⁸ ЦГИА ГССР, ф. 1861, оп. 2, д. 28, л. 71.

¹⁹ Georgian Archive, Harvard University, reel 74, book 4, p. 322.

нов Народного Совета Абхазии, которые, по его словам, были «арестованы незаконно, без предъявления им обвинений»²⁰

Алшибая ответил, что эти лица «задержаны Грузинским правительством по обвинению их в государственной измене, в организации восстания», и пока идет следствие, они должны сидеть в тюрьме.

Вступление британских войск на Кавказ в конце 1918 года представители Добровольческой армии пытались использовать для усиления своего вмешательства во внутренние дела Грузии и Абхазии. Как известно, в начале 1919 года войска генерала Деникина начали наступать в районе Гагра, стремясь оттеснить грузинские войска к реке Мехадыр. Одновременно в связи с автокефалией грузинской церкви и объявлением независимости Грузии обостряется борьба русских клерикальных кругов в Абхазии против грузинской православной церкви.

Сэр О. Уордроп, верховный комиссар Великобритании в Закавказье, просил министра иностранных дел Грузии Е. Гегечкори сообщить, насколько обоснованы утверждения русских властей (т. е. руководителей Добрармии — авторы), что «в Сухуми русские священники Голубцов и Протопопов и секретарь прихода Автономов были высланы за попытку воспрепятствовать грузинам захватить местную православную церковь»²¹.

В этой же ноте приводились выдержки из сообщения С. Сазонова (представитель Деникина на Парижской мирной конференции, бывший министр иностранных дел царского правительства — авторы) лорду Керзону, что «по-видимому Грузинские власти прибегают к секвестрации русских церквей не только в Грузии, но и в местах вроде Сухума, не имеющих ничего общего с Грузией». Из содержания этой ноты видно, что А. Деникин и его правительство не признавали Абхазию в составе Грузии, чем и обусловлена линия поведения русских клерикальных кругов в Абхазии.

Относительно обвинений «о захвате местной православной церкви» (речь шла о Сухумском кафедральном соборе — авт.) надо сказать, что в течение многих столетий Сухумская (Цхумо-Бедийская) епархия входила в состав Грузинской церкви.

²⁰ Georgian Archive, Harvard University, reel 74, book 4, p. 322.

²¹ Там же, book 51, p. 432.

После получения Грузинской церковью автокефалии в 1917 году в Сухумскую епархию входили Самурзакано, Абхазия и часть Черноморской губернии; во главе этой епархии находился епископ русской церкви преосвященный Сергей. По решению Российской церковной и гражданской властей, от этой епархии в 1917 году отошли все грузинские приходы — более 50 — во владение грузинского католикосата, а черноморские русские приходы перешли во вновь образованную русскую Черноморско-Новороссийскую епархию. Приходы же абхазские — 30, греческие — 11 и русские — 6, находившиеся на территории Грузинской республики и Грузинского католикосата, остались, вопреки церковным канонам, под управлением Сухумского епископа Сергея.

В марте 1919 года в связи с новым назначением преосвященный Сергей выехал из Сухуми. Первого сентября того же года Комиссариат Абхазии издал декрет по управлению православными церквями Абхазии, в котором сказано: «а) считать Сухумскую архиерейскую кафедру вакантной и принять меры к скорейшему ее замещению постоянным и самостоятельным епископом; б) находящиеся в г. Сухуми кафедральный собор с причтовым домом, архиерейский дом и здание бывшего училищного совета признать национальным достоянием автономной Абхазии»²².

По ходатайству Комиссариата Абхазии Совет грузинского католикосата поручил временное управление Сухумской епархией Чкондидскому митрополиту Амвросию, который письменно предложил членам кафедрального причта и епархиального совета остаться на своих местах и продолжать службу... Но часть членов, русские по национальности, отказались от этого предложения. В частности, протоиерей Голубцов, священник Протопопов и секретарь Автономов, «ввиду запрещения Временным высшим церковным управлением Юго-Восточной России иметь общение с представителями Грузинской церкви», письменно отказались исполнить указание митрополита Амвросия.

7 октября 1919 года был созван чрезвычайный собор духовенства Сухумской епархии для «упорядочения церковных дел и (...) избрания епископа».

Чрезвычайный собор Сухумской епархии, членами которого были настоятели и по одному представителю каждого

²² Georgian Archive, Harvard University, seel 74, book 51, p. 432.

прихода абхазских, греческих, грузинских и русских церквей, приняв во внимание, с одной стороны, многовековую культурно-историческую связь Абхазии с Грузией, и с другой, то обстоятельство, что «со вступлением на автономных началах Абхазии в состав Грузинской демократической республики недопустимо существование здесь инодержавной церковной власти, постановил: 1) на территории автономной Абхазии восстанавливается самостоятельная епархия Грузинского католикосата с наименованием ее Сухумско-Абхазской; 2) во главе епархии стоит самостоятельный епископ, имеющий кафедру и резиденцию в г. Сухуми; 3) в состав Сухумско-Абхазской епархии входят все без различия национальности приходы, монастыри и церковные учреждения между реками Ингури и Мехадыр»²³.

Таким образом, Сухумский кафедральный собор и церковное имущество были переданы их законным владельцам, возвращению и вывозу за пределы Грузии не подлежали, на чем настаивали русские клерикальные круги. В отношении Совета грузинского католикосата на имя Министерства иностранных дел Грузинской республики говорилось, что «протоиерей Голубцов, священник Протопопов и секретарь Автономов высланы из Сухума за антиправительственную пропаганду и попытки возбудить одну часть населения против другой»²⁴.

Весной 1919 года был избран новый Народный Совет Абхазии, приславший на имя Учредительного собрания Грузии Акт об Автономии Абхазии, подписанный председателем Народного Совета Абхазии Эмухвари. В акте читаем: «Первый Народный Совет Абхазии, избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, на заседании своем от 20 марта 1919 года от имени народов Абхазии постановил: 1) Абхазия входит в состав Демократической республики Грузии, как ее автономная единица, о чем поставить в известность правительство республики Грузии и ее Учредительное собрание; 2) для составления конституции автономной Абхазии и определения взаимоотношений между центральной и автономной властью избирается смешанная комиссия в равном числе членов от Учредительного собрания Гру-

²³ Georgian Archive, Harvard University, reel 74, book 51, p. 432.

²⁴ Там же, p. 453.

зии и Народного Совета Абхазии, и выработанные ею предложения по принятию их Учредительным собранием Грузии и Народным Советом Абхазии должны быть внесены в Конституцию Демократической республики Грузии»²⁵. Учредительное собрание Грузии одобрило этот акт и послало приветствие Народному Совету Абхазии.

Правительство Грузии неоднократно заявляло о своем намерении дать широкую автономию Абхазии так же, как и Аджарии. Это было еще раз подтверждено и в беседе Н. Жордания с английским генералом Уоккером 23 февраля 1919 г.²⁶

Обещало оно и то, что форму политического устройства Абхазии определяет Учредительное собрание и Конституция республики. Но обсуждение ее проекта затянулось. Конституционная комиссия, разработавшая проект, представила его в Учредительное собрание для обсуждения 14 июня 1920 года²⁷. И лишь 21 февраля 1921 года, то есть в дни свержения правительства Грузии, он был утвержден и вступил в силу.

Надо отметить, что и в самом Народном Совете Абхазии при наличии семи фракций, социал-демократов (меньшевиков) — 27 депутатов, эсеров — 3, социалистов-федералистов — 1, национал-демократов — 1, группа колонистов — 1, фракция независимых социалистов (сторонники независимой Абхазии) — 4 и других, не было единодушия по вопросу об автономии Абхазии.

В июле 1919 года Народный Совет Абхазии обсуждал проект Конституции автономной Абхазии, который не был принят, ибо группа, стоявшая на позициях ее независимости, голосовала против. Не прошел также и компромиссный проект, предложенный Комиссариатом²⁸.

Позиция грузинского правительства относительно порядка разработки и принятия Конституции Абхазии несколько изменилась. В заявлении членов конституционной делегации На-

²⁵ Учредительное собрание Грузии. Стенографический отчет. 4-е заседание; 21 марта 1919 г., с. 2.

²⁶ «Демократическое правительство Грузии и английское командование», Тифлис, 1928 г., с. 18.

²⁷ ЦГИА ГССР, ф. 1863, оп. 1, д. 895, л. 53.

²⁸ Комиссариат, созданный 13 мая 1919 г., являлся исполнительным органом на территории Абхазии, который ввел в Абхазии органы земского самоуправления — ЦГИА ГССР, ф. 1961, оп. 2, д. 120, л. 1.

родного Совета Абхазии от 5 декабря 1920 года говорилось: «По акту 20.III.1919 года об автономии Абхазии, принятому Народным Советом, Конституция Абхазии предварительно разрабатывается в смешанной комиссии из равного числа представителей от Народного Совета Абхазии и Учредительного собрания Грузии и принимается обоими законодательными органами.

На основании этого Народный Совет Абхазии отправил в Тифлис своих представителей, которые обратились к Президиуму Учредительного собрания с предложением о выделении полномочной комиссии для указанной цели. В своем ответе Президиум Учредительного собрания выдвинул новое положение об автономной Абхазии, по которому этот вопрос разрешается исключительно Учредительным собранием Грузии, причем участие делегации в разработке вопроса принимается лишь в целях осведомительных, а Народный Совет Абхазии совершенно устраняется от активного участия в деле принятия Конституции.

Ввиду такого коренного расхождения взглядов Народного Совета Абхазии и центральной власти по вопросу о порядке разработки и принятия Конституции Абхазии делегация выезжает обратно»²⁹.

Незыблемость автономии Абхазии подтверждалась неоднократно на месте представителем правительства Грузии, министром внутренних дел Н. Рамишвили, причем листовки с его речью были расклеены по всей Абхазии, вплоть до самых отдаленных сел и деревень³⁰.

В очередном обращении делегации Народного Совета Абхазии к правительству Грузии указывалось, что Народный Совет Абхазии посылал делегацию на Учредительное собрание для окончательного оформления взаимоотношений Грузии и Абхазии, причем в подготовительных работах в Народном Совете принимал участие чрезвычайный уполномоченный республики Грузии. Однако в результате этих переговоров желаемый результат достигнут не был.

«Отношения между Грузией и Абхазией до сих пор не оформлены, а следовательно юридически не обязательны для обеих сторон. Поэтому во имя интересов всей республики на-

²⁹ ЦГИА ГССР, ф. 1861, оп. 2, д. 175, л. 2.

³⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 15, д. 42, л. 13.

длежит на благо обоих народов позаботиться о скорейшем оформлении соглашения...

Около трех лет народ Абхазии ждет этой Конституции и настоящая делегация, руководствуясь исключительно общегосударственными интересами, полагает, что нет никаких веских причин новых отсрочек, за какие Народный Совет на себя теперь уже вины не возьмет, доведя о сем до сведения всего населения Абхазии», — говорилось в обращении Народного Совета Абхазии³¹.

29 декабря 1920 года малая Конституционная комиссия разработала проект «Положения об автономном управлении Абхазией», который наряду с Конституцией Грузии был утвержден Учредительным собранием Грузии 21 февраля 1921 года.

В первой статье положения было зафиксировано, что Абхазия — от р. Мехадыр до р. Ингури, от берегов Черного моря до Кавказиони является неотъемлемой частью Грузинской республики и в этих границах автономно управляет своими внутренними делами³².

Автономная Абхазия имела местный законодательный орган — Народный Совет, избираемый на два года на основе прямой, всеобщей, равной, тайной и пропорциональной избирательной системы. Количество депутатов Народного Совета было определено в 30 человек³³. Исполнительным органом автономной Абхазии являлся ее комиссариат, членов которого избирал Народный Совет. Статья седьмая положения объявляла государственным языком Абхазии грузинский. Однако Народный Совет мог ввести для пользования в школах, учреждениях, для делопроизводства местные языки³⁴.

Интересно ознакомиться также с позицией по абхазскому вопросу и представителей политических партий, представленных в Учредительном собрании Грузии. 2 августа 1919 года в связи с запросом фракции национал-демократов о событиях и положении дел в Сухумском округе, в Учредительном собрании Грузии начались дебаты. Выступили представители различных политических партий, изложившие свою точку зрения по абхазскому вопросу. Министр внутренних дел Рами-

³¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, д. 42, оп. 15, л. 13.

³² ЦГИА ГССР, ф. 1833, оп. 1, д. 863, л. 93.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

швили отметил всю сложность создавшегося в Абхазии положения как с точки зрения столкновения внутренних, противоборствующих сил, так и внешнего вмешательства. (Речь шла о вмешательстве со стороны Деникина). Он подчеркнул, что в этих сложных условиях политика правительства должна быть трезвой, неторопливой и осторожной. Касаясь действующей в Абхазии оппозиции, Рамишвили сказал: «Против нашей государственности выступают левые элементы в лице большевиков, и с другой стороны — правые, в лице независимых социалистов... Но большая часть Народного Совета Абхазии, а также самого абхазского населения не поддерживает линии на отрыв Абхазии от Грузии и считает, что этот край должен пользоваться в пределах Грузии правом автономии»³⁵.

Представитель Абхазии В. Гурджуа (социал-демократ, абхаз) отметил, что интересы Абхазии тесно связаны с Грузинской республикой и абхазы считают себя не пасынками ее, а родными сыновьями, полноправными гражданами. Он призвал членов Учредительного собрания принять и одобрить выработанную Народным Советом Абхазии Конституцию, подчеркнув, что Абхазия как автономная часть Грузии будет независима только во внутренних делах. «Демократия Абхазии, — продолжал В. Гурджуа, — без различия национальностей, идет за нами, а не за Какуба-Демьяновыми, которые являются националистами и не отражают настроения трудящихся Абхазии.

...Да здравствует Грузинская демократическая республика и автономная Абхазия, ее неразрывная часть!»

В своем выступлении Б. Чхиквишвили (социал-демократ, бывший чрезвычайный комиссар правительства в Абхазии) остановился на заслуге Грузинского правительства в деле защиты территориальной целостности Абхазии от нападений Деникина, от анархии, в помощи организации правительства — Народного Совета, в проведении аграрной реформы, введении земств и т. д. Чхиквишвили сделал акцент на том, что больше половины состава Народного Совета Абхазии придерживается грузинской ориентации, являясь сторонниками автономии Абхазии в составе Грузии, и призвал поддерживать их для оформления автономии конституционным путем.

От имени партии грузинских эсеров выступил Лео Шен-

³⁵ Учредительное собрание Грузии. Стенографический отчет, заседание 45-е. 2 августа 1919 г., с. 13.

гелая, который указывал на неопределенность положения в Сухуми, где явно прослеживалось наличие двух лагерей — с одной стороны, сторонники Деникина, с другой — сторонники грузинской ориентации. Малочисленная националистически настроенная интеллигенция стремилась к независимости. «Это стремление, — по мнению Шенгелая, — вызвано и ошибками нашего правительства в аграрном вопросе. Здесь крестьяне требовали передачи всей земли в руки трудящихся, выступая против ее купли-продажи. Даже первая ступень аграрной реформы — изъятие земли у помещиков — не была закончена. А земские учреждения были введены всего месяца тому назад».

Он напомнил и то, что «некоторые забывают абхазскую действительность, которая заключается в том, что большинство населения в Абхазии говорит на русском языке, и это происходит не только в самой Абхазии, но и в Самурзакано, где большинство населения составляют мингрелы. И поэтому проведение национализации одним наскоком, по нашему мнению, нанесет серьезный ущерб нам.

...На наш взгляд национализация должна проходить не сверху, а снизу, и основная тяжесть должна лечь на земства, которые должны ввести грузинские школы.

Независимая Абхазия — это абсурд. На второй же день она поддержит Деникина. Здесь, на наш взгляд, не должно быть отдельного правительства. Абхазия должна иметь широкую внутреннюю автономию».

Дебаты в Учредительном собрании показали, что все политические партии республики стояли на позиции предоставления Абхазии автономии, однако юридическое оформление этого акта задержалось до 21 февраля 1921 года.

После установления Советской власти в Грузии, коммунистическая партия предпринимает первые практические шаги по национально-государственному строительству. Национальный вопрос в Грузии, как и вообще в Закавказье, всегда был важным и вместе с тем политически сложным. Это объяснялось рядом особенностей края. Здесь, в первую очередь, следует отметить пестроту национального состава населения. По переписи 1923 года в Грузии проживало 2 439 940 человек. Из них: грузин — 1 743 953 — 71,5%; армян — 264 063 — 10,8%; русских — 83 524 — 3,4%; азербайджанцев — 76 664 — 3,2%; абхазов — 36 117 — 1,5%; прочие национальности — 233 599 — 9,6%.

Для выработки правильного курса национальной политики партии в Грузии важное значение имели решения X съезда РКП(б) по этому вопросу. Съезд подчеркнул необходимость перехода от декларации о национальном равноправии к ликвидации фактического неравенства отсталых народов.

Еще до победы Советской власти в Грузии в Москве с согласия руководителей абхазских и грузинских коммунистов, было оговорено, что «сухумская партийная организация должна входить в грузинскую, Абхазия в состав Грузинской ССР на правах автономии».

Однако в первой половине марта 1921 года состоялось два совещания ответственных работников Абхазии, на которых было решено объявить ее самостоятельной республикой, а партийную организацию назвать Коммунистической партией Абхазии³⁶.

27 марта 1921 года Е. Эшба от имени Ревкома Абхазии обратился к С. Орджоникидзе с предложением санкционировать провозглашение Абхазии самостоятельной социалистической республикой или автономной республикой при федерировании непосредственно с РСФСР³⁷. Он мотивировал это тем, что политика меньшевиков «...вызвала тенденцию среди абхазов к национальному самоопределению». Декларирование независимости, по его словам, подтвердит освободительную миссию Красной Армии и окажет благоприятное влияние на общественное мнение за рубежом. Эшба требовал этого в категорической форме, снимая с себя всякую ответственность.

Предложение Ревкома Абхазии, по его мнению, было несколько неожиданным. «Мы думали, — говорил он, — что Абхазия будет существовать как составная часть Советской Грузии, но когда мы сюда приехали и разобрались, в какую атмосферу попали... мы единодушно остановились на том, что для изживания национальной розни необходимо, хотя бы временно, до съездов Советов объявить независимость Абхазии»³⁸.

С. Орджоникидзе был удивлен этим предложением и отметил, что абхазские товарищи впервые ставят вопрос в такой плоскости. Федерирование же с РСФСР, согласно его утверждению, на Западе будет рассматриваться как аннексия

³⁶ Б. Е. Сагария. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921—1931 гг.). Сухуми, 1979, с. 25.

³⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 15, д. 310, лл. 5—11.

³⁸ Б. Е. Сагария. Указ. соч., с. 28.

Москвой Абхазии. Поэтому он посоветовал объявить ее самостоятельной советской республикой, обойдя вопрос о федерировании с РСФСР или Грузией до разрешения данного вопроса центром³⁹.

По разговору между секретарем Кавбюро РКП (б) С. Орджоникидзе и руководителем абхазских коммунистов Е. Эшба можно судить, как «просто и мимоходом» решались такие важнейшие государственные вопросы, как суверенитет и территориальная целостность республики. А ведь по договору, заключенному между РСФСР и Грузией 7 мая 1920 года, Советская Россия признала «безусловно входящим в состав Грузинского государства Сухумский округ», то есть Абхазию⁴⁰.

Надо иметь в виду и то, что еще в мае 1918 года Германия, заключив договор с Грузинской демократической республикой, признала Сухумский округ в составе Грузии. В 1920—1921 годах страны Антанты и Турция, также признав «де факто» и «де юре» Грузию, тем самым признали и Абхазию как ее составную часть.

Таким образом, вхождение Абхазии в состав Грузии имело международно-правовую основу, и представитель РСФСР С. Орджоникидзе был неправомочен решать этот жизненно важный для грузинского и абхазского народов вопрос столь поспешно и единолично.

28 марта 1921 года в Батуми состоялось совещание руководящих работников Кавбюро ЦК РКП(б), ЦК КП Грузии и Абхазии, где обсуждался вопрос «О структуре Советской власти и Компартии в Абхазии». Было принято постановление, по которому Абхазия объявлялась Социалистической Советской Республикой, а вопрос о федерации Советской Абхазии с РСФСР или Советской Социалистической Республикой Грузией оставался открытым до съезда Советов Абхазии.

21 мая 1921 года Ревком Грузии принял декларацию о независимости Абхазской Советской Социалистической Республики, в которой говорилось, что вопрос о взаимоотношении Грузии и Абхазии окончательно будет решен съездами Советов Абхазии и Грузии⁴¹. Тут же надо заметить, что Рев-

³⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 15, д. 10, лл. 5—11.

⁴⁰ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», сборник документов и материалов, Тбилиси, 1958, с. 563—564.

⁴¹ Борьба за упрочение Советской власти в Грузии, сборник документов и материалов. Тбилиси, 1959, с. 58—59.

ком как временный чрезвычайный орган власти не был правомочен принимать подобную декларацию. Она не учитывала интересов грузин и других народов, населявших Абхазию.

В последнее время в грузинской историографии отмечалось, что тогдашнее руководство Грузии и Закавказья безответственно относилось к вопросу об этнических границах, к национальной проблеме. Многочисленные, в спешке принятые решения, нецелесообразность которых вскоре выявила жизнь, и сегодня болезненно дают знать о себе. Именно такой неоправданной поспешностью можно объяснить согласие С. Орджоникидзе на провозглашение, хотя бы и временно, независимой Абхазской ССР. Что же касается федерирования Абхазии с РСФСР, то оно нарушило бы экономические, политические и культурные связи, сложившиеся на протяжении столетий между грузинским и абхазским народами, и поэтому было абсолютно неприемлемым. И само это требование очень напоминало аннексионистскую политику царизма, русских клерикальных кругов, а также белогвардейских генералов Алексеева и Деникина, направленную на отторжение Абхазии от Грузии, не говоря уже о том, что территория, которую стремились оторгнуть от Грузии, исторически являлась ее неотъемлемой частью.

Такая позиция Е. Эшба отражала, с одной стороны, интересы местных правых сепаратистских элементов, а с другой — тех деятелей в Москве, которые в ожидании «мировой революции», вопрос о национальном суверенитете стремились решить похода.

12 августа 1921 года С. Орджоникидзе в докладе на Краевом кавказском партийном совещании заявлял: «В вопросе об окраинах мы стали целиком на точку зрения предоставления этим окраинам самой широкой самостоятельности вплоть до независимости.

Когда Абхазия потребовала независимость, мы указали коммунистам Абхазии, что независимость такого крошечного государства невозможна, но все же мы на это согласились. Мы говорили: если абхазский народ питает недоверие к грузинам, то пусть Абхазия будет независима, пусть она излечит свои раны, нанесенные меньшевиками, но в дальнейшем абхазы сами убедятся в необходимости тесного объединения с советской соседкой — Грузией»⁴².

⁴² Г. К. Орджоникидзе, Статьи и речи, т. I, М., 1956, с. 200—201.

Вопрос о формах взаимоотношений Абхазии с Грузией неоднократно обсуждался в высших партийных инстанциях. При чем опыт существования независимой Абхазии показала ее экономическую и политическую нецелесообразность.

Так, в приложении к отчету о деятельности Оргбюро РКП(б) в Абхазии за июль—август 1921 года, подписанном его секретарем Ларионовым, речь идет о срыве намеченного плана работы партийных и советских организаций за последние месяцы.

Причины, по мнению Ларионова, были следующие: малочисленный состав Оргбюро и Ревкома, состоящих из одних и тех же лиц, замкнутость их в работе, «полная бесконтрольность и безотчетность в своей деятельности перед высшими партийными и советскими органами (независимость Абхазии), принципиальные расхождения предревкома Эшба и зам. пред. Лакоба, что мешало возможности установить какую бы то ни было линию в работе Оргбюро и Ревкома (т. к. они оба являлись руководителями обоих органов). Создавались группировки и т. д., что разрушающе отражалось на работе»⁴³.

В заключении отчета говорилось, что постройка органов Ревкома (наркоматство) абсолютно не отвечала требованиям жизни и территориальной величине Абхазии.

На заседании Пленума Кавбюро ЦК РКП(б), состоявшемся 5 июля 1921 года с участием И. В. Сталина, обсуждался вопрос об Абхазии. Было принято постановление о проведении партийной работы «...в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики, входящей в состав Грузии»⁴⁴.

15 октября 1921 года вопрос о независимости Абхазской ССР стоял на расширенном заседании пленума Оргбюро РКП(б) и Ревкома Абхазии. Пленум постановил одобрить декларацию Ревкома Грузии от 22 мая 1921 года о независимости ССР Абхазии, в то же время, учитывая «...наряду с непропорциональной экономической мощью Абхазии малочисленность ее населения, по обычаям и исторически связанного с грузинским народом, с одной стороны, и общность экономики Грузии и Абхазии, с другой, пленум нацел необходимым установление тесной связи между Грузией и Абхазией. Было решено направить в Тбилиси председателя Ревкома Абхазии Е. Эшба

⁴³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 64, оп. 2, д. III, л. 199.

⁴⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 13, д. 384, л. 67.

и члена Ревкома С. Кухалейшвили для оформления и подписания договора между Грузией и ССР Абхазией как двух союзных равноправных республик».

Однако заключение договора затянулось, так как местные националисты выступили против него, отстаивая лозунг «самостоятельности». Они не поняли, что Абхазия как независимая республика, оторванная от Грузии, существовать не может. Кроме того, у части руководящих работников возникла идея непосредственного вхождения Абхазии в Закавказскую федерацию, минуя Грузию⁴⁵.

16 ноября 1921 года Президиум Кавбюро РКП(б) вновь рассмотрел вопрос о взаимоотношениях между Абхазией и Грузией и принял следующее постановление: «Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии»⁴⁶. Данное постановление подтверждало неправомочность искусственно провозглашенной независимости Абхазии. Причем, несмотря на формально провозглашенную независимость, Абхазия в советских и партийных органах как республики, так и центра, рассматривалась в качестве автономной части Грузии.

В Москве, уже в сентябре 1921 года, Абхазию воспринимали как автономную часть Грузии. Так, 1 сентября 1921 года нарком по делам национальностей И. В. Сталин сообщал секретарю ВЦИК А. Енукидзе, что «Абхазия является автономной частью независимой Грузии, отсюда самостоятельных представителей при РСФСР не имеет и не должна иметь. Поэтому кредит от РСФСР она не может получить»⁴⁷.

В проекте предложения об образовании федерации Закавказских республик, написанном В. И. Лениным и утвержденном Политбюро ЦК РКП(б) 29 ноября 1921 года, предполагалось объединить три республики — Грузию, Азербайджан и Армению. Абхазская Советская Республика, как известно, в состав федерации закавказских республик не вошла.

16 декабря 1921 года Грузия и Абхазия подписали союзный договор, который был утвержден первыми съездами Советов Абхазии и Грузии в 1922 году.

В Конституции Грузинской ССР, принятой 2 марта 1922 года I Всегрузинским съездом Советов, зафиксировано: «В

⁴⁵ История Абхазской АССР (1917—1937 гг.), Сухуми, 1983, с. 105.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 13, д. 384, л. 35.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, л. 1, д. 2130, л. 1.

состав Социалистической Советской Республики Грузии входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджария, автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазия, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузией на основе особого союзного между этими Республиками договора»⁴⁸.

Договорные отношения Абхазской ССР с Грузией продолжались до февраля 1931 года, когда VI съезд Советов Абхазии, а затем VI съезд Советов Грузии приняли решение о преобразовании договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР.

На состоявшейся 13 июня 1926 года в Сухуми третьей сессии Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета с докладом правительства Абхазии выступил Н. Лакоба. Вот его слова о взаимоотношениях Абхазии и Грузии: «С самого начала образования республики Абхазии кое-кто из не совсем хорошо усвоивших действительное положение вещей и кое-кто из наших противников все время строит свою тактику по расшатыванию власти республики Абхазии, по осложнению творческой созидательной работы в Абхазии и Грузии вот на чем: Абхазия захочет — уйдет от Грузии, захочет останется с Грузией. Такого рода рассуждения вкладывают даже в уста и таких работников, у которых такая постановка вопроса вообще даже не мыслится. Это распространяется огульно даже на население, в особенности на абхазскую часть населения. Имеет ли это под собой почву? Для того, чтобы на этот счет не было вообще когда бы то ни было никаких недоразумений, надо будет со всей решительностью заявить, что Абхазия от Грузии уйти не может, не собирается и этого не хочет.

Сама Абхазия включила себя в состав Грузии, и Грузия сделает и должна сделать все, что от нее зависит, для поднятия культурного и хозяйственного уровня Абхазии. Грузия не может угнетать Абхазию, потому что Грузия сама свободна. ...Да здравствует Советская Грузия и преданные ей на все сто процентов, не взирая на всякие кривотолки, трудящиеся массы Абхазии»⁴⁹.

⁴⁸ Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов, М., 1972 г., с. 237—238.

⁴⁹ 3-я сессия Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета. Стенографический отчет. Тифлис, 1926, с. 70.

Роксана АХВЕРДЯН

«Мцыри» и Имеретинское восстание 1819—1820 годов

О поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри», казалось бы, сказано все. Определены даже возможные прототипы ее героя (см. труды Н. Шабаньянца, М. Лохвицкого и др.). Однако вновь и вновь писатели и ученые возвращаются к анализу лермонтовской поэмы, к истории ее создания, что порождает порой новые цепочки версий и гипотез, пусть иногда кажущихся фантастическими. Любовь к Лермонтову неиссякаема. Отсюда пристрастность, отсюда предвзятость суждений, которая как раз и может оказаться проницательнее многих фактов...

У нас — своя гипотеза, на первый взгляд фантастическая: Мцыри — грузин, имеретин, сын одного из участников Имеретинского восстания 1819—1820 годов.

Каковы основания для выдвижения подобной версии?

Начнем с того, что уточним возраст Мцыри. В поэме о пленном мальчике говорится: «он был, казалось, лет шести...». А в первоначальном варианте сказано еще определеннее: «Он был не старе лет шести...».

События, о которых повествуется в поэме, датируются довольно точно. Начало их относится, приблизительно, ко вре-

мени после 1801 года («Тогда уж Грузия была под властью русских»), а завершается рассказ временем недавним («немного лет тому назад...»), т. е., близким к 1837 году. Судя по всему, Лермонтов связывает события своей поэмы с походами Ермолова в Чечню и Дагестан. «Русский генерал» (или «старый генерал» в другой редакции) — это и есть сам А. Ермолов, имя которого прямо называлось в черновиках «Мцыри». Действительно, в 1820 году завершилась возглавляемая Ермоловым первая крупная экспедиция против непокорных народов Чечни и Дагестана, начавшаяся еще в 1818 году. Ермолов вернулся из этой экспедиции в Тбилиси 23 февраля 1820 года¹. Таким образом, если Мцыри попадает в плен в 1820 году, когда ему было шесть лет, то, следовательно, Лермонтов положил ему родиться в тот год, когда родился сам — в 1814 году.

Лермонтов связывал пленение Мцыри с походом Ермолова в Чечню и Дагестан, и благодаря этому возникло распространенное мнение, что в лице Мцыри Лермонтов изобразил северокавказского горца, возможно, чеченца. К такому выводу приходят, например, авторы книги «М. Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия» (Чечено-ингушск. книжн. изд-во, 1964, с. 7). Существуют и другие версии (см. Т. Иванова. Лермонтов на Кавказе. М., изд-во «Детская лит.», 1968, с. 90—95), не получившие, однако, признания в лермонтоведении.

Но если Мцыри был дагестанцем, то возникает вопрос: для чего Ермолову понадобилось везти маленького горца, да еще больного, через горы именно в Тбилиси? Не проще ли было отправить его в Дербент или оставить во Владикавказе? Кстати, именно там видел Пушкин детей аманатов (т. е. пленных, заложников) во время своего путешествия в Арзрум в 1829 году.

Следует отметить, что Ермолов считал обязательным брать заложников, в том числе и детей, т. к. видел в этом эффективное средство для освобождения пленных русских солдат и офицеров и гарантию покорности завоеванных областей и племен. Отношение к заложникам при этом было весьма жестокое. Их казнили в случае мятежей, старались держать в условиях, не обременяющих казну. После окончания своего похода, в 1820 году, Ермолов писал: «От знатнейших фами-

¹ См. Записки А. Ермолова, ч. II, 1816—1827 гг., М., 1868.

лий приказал я взять 24 аманата и назначил им пребывание в Дербенте», т. е. заложников не увезли, а оставили в надежном месте поблизости.

Нет ли здесь противоречия между «реальной» судьбой Мцыри и тем, как она описана в поэме? Конечно, Лермонтов был вправе отступить от житейского факта во имя художественной правды. И все же очевидное несовпадение «факта» и «правды» имеет, как правило, особый и важный смысл.

Как утверждают ученые, о пребывании Лермонтова на Кавказе и особенно в Грузии известно очень мало. Известны не только имена людей, с которыми Лермонтов познакомился в период службы в Нижегородском полку, но даже точная дата его пребывания в Грузии. Считается, что в Закавказье Лермонтов прибыл не раньше середины октября, а обратно в Россию из Тбилиси выехал приблизительно 5—8 декабря, т. е. пробыл в Грузии около двух месяцев.

Одним из главных свидетельств того, что Лермонтов побывал во Мцхета, т. е. в местах, описанных позднее в поэме «Мцыри», является его картина «Вид с саклей», на которой изображен монастырь Джвари, возвышающийся над Мцхета. На картине виднеются также дальние очертания собора Светицховели. Несомненно, что одна из лучших живописных работ Лермонтова связана с замыслом «Мцыри». При этом, как справедливо указывает И. Андроников (Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., Сов. писатель, 1955), в Светицховели внимание Лермонтова привлекли гробницы грузинских царей, а в Джварис-сакдари, мцхетском храме, воздвигнутом в VII веке, его поразило удивительное местоположение и подлинно романтическая обстановка. В своем описании поэт слил два мцхетских храма. Прямая узнаваемость поэтических описаний «Мцыри» и связанных с ними исторических мотивов, преданий и т. п. заставляет предположить не только то, что поэт побывал в этих местах, но и то, что рядом с ним находился человек, хорошо знавший эти окрестности, грузинскую историю, фольклор. В поэме визуальное впечатление и содержание связаны настолько тесно, что нельзя сомневаться — рассказы о здешних местах Лермонтов слышал здесь же, а не позднее — в тбилисских салонах и, тем более, вне Грузии, хотя поэму он написал двумя годами позднее — в 1839 году.

До нас дошел рассказ П. А. Висковатова, основанный на свидетельствах А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова, повествующий о событиях, которые легли в основу поэмы «Мцыри» (М. Ю. Лермонтов. Соч., в 6-ти т. Т. 4, изд. АН СССР, М.-Л.,

1955, с. 409). Одни исследователи, например, А. В. Попов, считают его совершенно достоверным, другие, в первую очередь, И. Л. Андроников, — ставят под сомнение.

П. А. Висковатов рассказывает о том, как поэт, страдая в 1837 году по Военно-Грузинской дороге, наткнулся во Мцхета на старого монастырского служку, «бери», который поведал ему свою историю.

Первое возражение И. Андроникова относится к возрасту «бери». Ермолов был назначен на Кавказ только в 1816 году, и его первые экспедиции относятся к 1818—1820 годам. Таким образом, взятый в плен шестилетний мальчик не мог успеть состариться к приезду Лермонтова в 1837 году. Здесь И. Андроников, безусловно, прав.

Второе же его возражение кажется нам необоснованным. Андроников считает, что Висковатов сам составил эту историю, добавив к воспоминаниям свои собственные домыслы. Но нам представляется, что при внимательном анализе рассказа Висковатова и даже его противоречий можно установить ряд весьма интересных фактов.

И. Андроников пишет, что в первой половине XIX века во Мцхета не было действующего мужского монастыря, куда бы Ермолов мог отдать пленного горца. Действительно, в самой Мцхета не было такого монастыря. Но почему-то И. Андроников и другие лермонтоведы упускают из виду, что в окрестностях Мцхета в те годы существовал довольно популярный в Грузии монастырь — Шиомгвимский¹, занимавший в иерархии грузинских монастырей второе после Зедазенского место. Как известно, Лермонтов интересовался Зедазенским монастырем и его окрестностями, поэтому вполне естественно предположить, что он знал и о существовании Шиомгвимского.

Известный грузинский историк Платон Иоселиани издал в 1345 году в Тбилиси книгу «Описание Шиомгвимской пустыни в Грузии». Прошло всего семь лет после того, как во Мцхета и его окрестностях побывал Лермонтов. Следовательно, данные, приводимые в книге, были еще очень актуальны. Иоселиани указывает, что к монастырю вели три дороги, одна из которых — с юга — идет через Мцхета. Именно этой дорогой мог воспользоваться Лермонтов. Когда-то в монасты-

¹ См. Вольский А. Рельефы Шиомгвимского монастыря и их место в развитии грузинской средневековой культуры. Тбилиси, 1957.

ре и близ него селилось около 5 000 монахов. Сюда приходило огромное количество богомольцев. С 1803 года монастырь был заново заселен. И в 1820 году, т. е. в год предполагаемого пленения Мцыри, и в 1837 году, когда во Мцхета и его окрестностях побывал Лермонтов, Шиомгвимский монастырь действовал и, стало быть, поэт мог побывать в нем, тем более, что в рассказе Висковатова говорится о «близлежащем монастыре».

Платон Иоселиани подробно рассказывает об устройстве обители, о числе комнат, где жили монахи, здесь же он приводит длинный список настоятелей Шиомгвимского монастыря. В этом списке бросается в глаза, во-первых, то, что все настоятели за указанный период были русскими, а, во-вторых, что все они со времени образования Тбилисской духовной семинарии, были ее ректорами. Следовательно, Шиомгвимский монастырь был придан Тбилисской духовной семинарии и управлялся, видимо, из Тбилиси. В-третьих, все его настоятели возвращались через некоторое время в Россию и при этом «с повышением», получая высокие должности и места. Все это говорит о важном значении Шиомгвимского монастыря в первой половине прошлого века, а также и о том, что в эту обитель — единственный в окрестностях мужской монастырь — вполне мог попасть Мцыри, которого, в свою очередь, мог посетить Лермонтов в 1837 году.

И. Андроников упустил из виду этот монастырь, очевидно, потому, что искал обитель непосредственно во Мцхета, либо в направлении к Тбилиси. А Шиомгвимский монастырь находится как раз в противоположной стороне — по дороге к Кутаиси. И если герой Лермонтова был не северокавказским горцем, а грузином и везли его не из Владикавказа, а из Кутаиси, то совершенно логично, что привезли его в Шиомгвимский монастырь.

В связи с нашей версией укажем на еще одно любопытное обстоятельство. П. Иоселиани, в нескольких местах своей книги отмечает несомненное тяготение Шиомгвимского монастыря к Имерети. Так, рассказывая об одном из храмовых праздников, он говорит, что в Грузии подобные праздники отмечаются лишь в Имерети; в монастыре находится могила имеретинской царевны Тамар, дочери царя Шахнаваза. И, наконец, Иоселиани пишет: «В Имерети есть пустыня, именуемая также Мгвимскою... Она находится на берегу реки Квирила... на пути через Куртохи... (это) путь и донныне служащий торговым между Карталиниєю и Имеретиєю» (с. 13).

Теперь что касается чужого для Мцъри языка, господствовавшего в монастыре. Мы привыкли считать, что для Мцъри чужим является грузинский язык. Но следует вспомнить, что к описываемому периоду, после отмены в 1811 году грузинской автокефалии, в некоторые дни было запрещено вести службу на грузинском языке. Учитывая, что в Шиомгвимском монастыре настоятели в то время были русские, можно сделать вывод, что служба здесь вообще велась только на русском языке, который был непонятен мальчику, доставленному сюда из Имерети.

Хотя мы не располагаем документально обоснованными данными о том, с кем встречался Лермонтов в свой приезд в Грузию в 1837 году, можно не сомневаться, что он установил связи с грузинским обществом, и, в частности, с семьей А. Чавчавадзе, через Прасковью Николаевну Ахвердову, в девичестве Арсеньеву, троюродную сестру покойной матери Лермонтова, т. е. его троюродную тетку. Известно, что в Грузии Лермонтов нашел много хороших друзей. В конце 1837 года он писал своему другу С. А. Раевскому из Грузии: «...хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе, есть люди очень порядочные», но, к сожалению, никого из них не называет. Уезжая из Грузии, Лермонтов написал стихотворение «Спеша на Север издалека», посвященное Майко Орбелиани, задушевному другу великого грузинского поэта Николоза Бараташвили.

Несомненно, Лермонтов нашел хороших друзей и в Нижегородском полку, в котором он служил в Грузии. Нам установлено, что в этом полку служил и князь И. М. Андроников, сын двоюродной сестры царя Имерети Соломона II. В 1812 году И. М. Андроников вместе с матерью прибыл из Имерети в Петербург, где получил блестящее образование. Стал юнкером. В 1824 году он уже был майором Нижегородского драгунского полка, в составе которого с 1830 по 1849 год воевал против лезгин. Следовательно, И. М. Андроников находился в Нижегородском полку и в 1837 году, в то время, когда там служил Лермонтов. В 1849 году И. М. Андроников стал военным губернатором Тифлисской губернии.

Тот факт, что человек, близкий ко многим участникам Имеретинского восстания, служил вместе с Лермонтовым в одном полку, возможно, не привлек бы нашего внимания, если бы не одна деталь, которую почему-то все исследователи упускают из виду: командиром Гродненского полка, куда Лермон-

тов отбыл из Грузии в 1838 году, был Дмитрий Георгиевич Багратиони-Имеретинский.

В Нижегородском полку к Лермонтову, наверняка отнеслись очень тепло, недаром, уезжая из Грузии, он писал: «Если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии». Трудно предположить, что Лермонтов уехал из Грузии без рекомендательных писем, если не от И. М. Андроникова, то от других имеретинцев. Иначе, чем можно объяснить, что опальный поэт после Грузии попал именно к грузину — к Багратиони-Имеретинскому и потом так быстро очутился в Петербурге? Не дружбой ли с грузинами объясняется особое расположение к Лермонтову в полку, в частности тот факт, что всего за два месяца он получил один или два восьмидневных отпуска в Петербург? Может быть, как раз именно в этих связях и следует искать тех грузин, которые были близки Лермонтову в то время, когда он писал «Мцыри» (да и «Демона» тоже).

Подробности жизни князя И. М. Андроникова взяты из обнаруженной нами книги «Биография генерала от кавалерии князя И. М. Андроникова», вышедшей на русском языке в 1869 году в Тбилиси в «Особых прибавлениях к газете «Кавказ», автором которой является К. Х. Мамацшвили (Мамацев. 1819—1900), близко знавший Лермонтова во время второй его ссылки в 1840 году. (См. Шадури В. С. Новое о Константине Мамацшвили — однополчанине Лермонтова. — Литературная Грузия, 1974, № 10; с. 81—85). О встречах с поэтом Мамацшвили рассказывает в своих произведениях. В ЦГИА Грузинской ССР (ф. 1087, оп. 1, д. 666, 1046, 1060), нами были найдены рукописные материалы произведений К. Х. Мамацшвили. То, что именно Мамацшвили, с которым в дальнейшем подружился Лермонтов, пишет об И. М. Андроникове, служившем вместе с поэтом в Нижегородском полку, не может не представлять определенного интереса.

Однако вернемся к лермонтовской поэме, в частности, к ее названию. Висковатов в своем рассказе называет монаха «бери». Таким образом, Мцыри не мог быть северокавказским горцем-мусульманином, а по всей видимости являлся грузином-имеретинцем, ибо если даже допустить, что магометанин (каковыми являлись горцы Дагестана) принял христианство, то, согласно церковным правилам, он не мог быть постриженным в монахи.

Как указывает А. Киквидзе (История Грузии, 1800—

1890 гт. Тбилиси, 1977, с. 90, на груз. яз.), в грузинской православной (ортодоксальной) церкви слово «бери» означало служку монастыря.

Именно так предполагал Лермонтов назвать свою поэму, написав слово «Бэри»¹ на обложке своей рукописи и сделав снизу примечание: «Бэри—по-грузински: монах». Но слово «бери» не подходит к юноше, еще не давшему монашеского обета. Поэту в 1840 году, включая поэму в сборник стихов, Лермонтов озаглавил ее «Мцыри». Но и это слово снабдил примечанием: «Мцыри на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника».

Слово «бери» не подходило и потому, что оно, кроме «монаха», означает на грузинском языке «пожилой человек», «старик». Название поэмы «Мцыри» было удачным вдвойне. «Мцыри» означает, во-первых, «послушник» и, во-вторых, что особенно важно, «пришелец», «прибывший добровольно или привезенный насильно из чужих краев, одинокий человек, не имеющий ни родных, ни друзей. В переносном смысле «мцыри» значит также «бедняк», «странник», «скудная почва» (см. Толковый словарь грузинского языка, т. 5, Тб., 1958, с. 1223). В «Грузинском лексиконе» Сулхана-Саба Орбелиани (1658—1725) читаем: «Мцыри» — это пришелец, находящийся и воспитывающийся в чужих краях или очищающий свою душу и молящийся в святых местах».

Любопытно, что по сравнению со словом «бери», широко распространенным в грузинском языке, «мцыри» уже при Лермонтове считалось архаизмом. Разъяснить поэту значение этого слова, конечно, мог образованный грузин, хорошо знающий историю родного языка, культуру и историю Грузии. «Мцыри» было редкое полузабытое архаичное слово, которое как-то не соответствовало тому, что рассказанная в поэме история произошла совсем недавно, «немного лет тому назад». Остановив свой выбор на этом слове, Лермонтов как бы даровал ему в грузинском языке новую жизнь, благодаря его поэме оно вновь обрело популярность. К этому следует добавить, что в Грузии существует также довольно распространенное собственное имя Бери. Слово «мцыри» также употреблялось как имя собственное, как прозвище, соответствующее русскому — младший. Например, широко известны имена

¹ У Лермонтова — «бэри», но согласно грузинской орфоэпии и орфографии «бери».

средневековых грузинских ученых и писателей — Эфрема Мцире и Георгия Мцире.

А может быть, и встреченный Лермонтовым во Мцхета молодой человек назвал себя Бери, т. е. Бери Мцире?

Возможно, дело было так: маленького Бери по приказу Ермолова везли в Тбилиси. В дороге он заболел и поэтому был оставлен в Шиомгвимском монастыре на попечение старого монаха — «бери». Маленький Бери сначала бунтовал, пытался бежать. После одного из побегов он серьезно заболел, едва не умер. Старый монах выходил его. Бери остался в монастыре, смирившись со своей судьбой. Впоследствии с помощью настоятеля монастыря Бери был определен в духовное училище, а затем в Тифлисскую семинарию. Здесь он выучил русский язык и получил достаточное образование. Закончив семинарию, он вернулся в Мцхета, где получил какую-то должность при мцхетском соборе Светицховели. Здесь его и встретил Лермонтов, проезжавший Мцхета в 1837 году. Они разговорились. Бери показал ему собор и поведал свою историю. Затем сопровождал его по окрестностям Мцхета, рассказывая местные предания и легенды, рассказал и о своем спасителе старом монахе — «бери». Он объяснил значение своего имени и прозвища.

Конечно, трудно утверждать, что дело обстояло именно так, что все наши предположения могут оказаться верными, но если подтвердится хоть одно из них, то это заставит взглянуть на поэму иначе. Тогда придется допустить, что Бери Мцире был грузином. И, забегая вперед, скажем, что он был имеретинцем. Кстати, он и в этом случае оправдал бы одно из значений слова «мцыри» — «чужой»: ведь его привезли из Имерети в Картли, из Западной Грузии — в Восточную.

Но почему Лермонтов не сказал прямо, что герой его был имеретин? А потому, что это было бы напрямую связано с целым комплексом крамольных понятий: Имеретинское восстание и заговор 1832 года, критика колонизаторской политики царского правительства в единой Грузии и т. п. Хотя Лермонтов и понимал, что присоединение Грузии к России обеспечивало Грузии безопасность от внешних врагов и представляло собой единственный путь для развития ее экономики и культуры, он в то же время глубоко сочувствовал борьбе народов Кавказа против власти российского самодержавия. Пафосом борьбы пронизана и его юношеская поэма «Измаил-бей» и «Мцыри».

Несомненно, что в ближайшем окружении Лермонтова во

время его пребывания в Грузии в 1837 году были люди, только что или недавно вернувшиеся из ссылки, на которую они были осуждены как участники заговора 1832 года или как «прикосновенные» к нему. Еще живо помнили восстание 1819—1820 гг. в Имерети как участники этого восстания, так и те, кто его подавлял. Круг этих вопросов настолько интересовал Лермонтова, что он собирался писать роман «из кавказской жизни с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране»¹. О своем замысле Лермонтов с увлечением рассказывал секунданту Глебову по дороге к месту дуэли с Мартыновым. В поэме «Мцыри» отразились мысли Лермонтова об этих вопросах. Не случайно появление поэмы было горячо встречено в Грузии, причем особое внимание придавалось здесь мотивам борьбы, преодоления, сопротивления. Своим мятежным духом Мцыри оказался близок грузинским умонастроениям. Рассказывая о переводе И. Чавчавадзе поэмы «Мцыри», Л. Хихадзе² пишет, что перевод был сделан превосходно, при этом везде, где допускается текстом оригинала, акцентируется мятежная непримиримость Мцыри, органическая невозможность для него приспособиться к плену. В условиях русской самодержавно-крепостнической действительности пленник монастырской кельи Мцыри воспринимался как пленник русского самодержавия и шире — как символ несвободного человека вообще.

Колониальный режим, установленный в Грузии царизмом после присоединения к России в 1801 году, вызвал недовольство самых разных слоев населения. Первое серьезное восстание в Грузии произошло в 1804 году. За ним последовало восстание 1812 года в Кахети и Картли и др. Великодержавная политика царизма вызвала в 1819 году антиколониальное народное восстание в Имерети, которое было одним из крупнейших в Грузии в XIX веке. Оно продолжалось больше года, захватило Имерети, почти всю Гурию и Самегрело. Народ восстал против чужеземного господства, он боролся за родной

¹ Мартыанов П. К. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. — Исторический вестник, 1892, с. 90 (Цитируется по кн. И. Андроникова, с. 165).

² Хихадзе Л. Д. К вопросу об изменчивости восприятия литературных явлений (На материале восприятия наследия Лермонтова в Грузии). — Труды ТГУ, № 191, Тб., 1977, с. 29—37.

язык и национальную самобытность. Дворянство, потерявшее свою политическую и административную власть, примкнуло к восставшим так же, как и духовенство, выступившее против церковной реформы, против перечисления в казну церковного имущества и доходов.

По определенным причинам Имеретинское восстание в нашей историографии долгое время не получало должной оценки. Н. Б. Махарадзе¹, одним из первых грузинских ученых подробно изучивший это восстание, утверждал, что Имеретинское восстание было самым крупным выступлением против колониальной политики царизма в Грузии, значение которого сознательно преуменьшалось официальной историографией. Долгое время советские историки, как грузинские, так и русские, интерпретировали восстание как антифеодальное движение, игнорируя его национально-освободительный характер. Лишь в 60-х годах появились труды грузинских ученых, в которых были прямо высказаны суждения о том, что Имеретинское восстание было всенародным национально-освободительным движением, в котором объединились все слои и классы тогдашней Имерети².

Восстание в Имерети возглавляло дворянство, выдвинувшее идею провозглашения самостоятельного Имеретинского царства во главе со своим царем. Однако дворянство и священники, ставшие на сторону восставших, не являлись в обычном понимании реакционной силой — основной задачей борьбы большинство считало не отстаивание своих привилегий и званий, а общенациональные интересы. Поэтому идея своего царя и автокефалии была для того времени скорее фантастически-утопической, нежели реакционной. Кроме того, не могла быть реакционной борьба за эликсир жизни нации — язык.

И хотя восстание было жестоко подавлено и восставшие не достигли ни одной из своих целей, все же нельзя сказать, что оно было напрасным, как и любое национально-освободительное движение. В какой-то мере оно все же положило определенную границу беспредельному ранее своеволию царских

¹ Махарадзе Н. Б. Восстание в Имерети. 1819—1820 гг. — Материалы по истории Грузии и Кавказа. III вып. Тб., 1942, с. 3—165.

² См. Эбаноидзе Л. И. Николоз Бараташвили и некоторые вопросы национально-освободительного движения в Грузии. Тб., Накадули, 1969, с. 114—135 (на груз. яз.).

сатрапов в Грузии. В национально-освободительном движении грузинского народа следует искать основы того, что Грузия несмотря ни на что сохранила свою самобытность и минимальные гражданские права для своего народа.

Именно с этих позиций мы рассматриваем события, совершившиеся в Имерети, отклики которых, несомненно, дошли до Лермонтова, находившегося в ссылке в Грузии в 1837 году из-за стихотворения «На смерть поэта», также направленного против царских сатрапов.

Одной из причин восстания 1819 года в Имерети явилась ликвидация автокефалии грузинской церкви с конфискацией принадлежащих ей земель. Иванэ Джавахишвили писал об этом следующее: «В 1811 году была уничтожена автокефалия грузинской церкви: католикос, вызванный, якобы, по делам в Петербург, не мог уже более вернуться к родной пастве. Католикосат, вопреки воле грузинского духовенства, был заменен экзархатом с подчинением грузинской церкви и экзарха Синоду. На первое время экзархом был назначен угодливый и послушный из грузинских иерархов архиепископ Варлаам, но уже в 1817 году он также был вызван в Петербург, а на его место назначили русского, архиепископа Феофилакта. Таким образом была уничтожена самостоятельность грузинской церкви, автокефальное существование которой имело 1400-летнюю историю; тогда же началась русификаторская политика и деятельность в церковной и религиозной сфере» (И. Джавахов (Джавахишвили), Энциклопедический словарь «Гранат», т. 17, с. 209—210). Как рассказывает он далее, на энергичный протест грузинских иерархов было отвечено рядом репрессивных мер. Первой мерой Феофилакта, приехавшего в Грузию с русскими священниками, было столь резкое ограничение грузинского языка в богослужении, что в тбилисском кафедральном соборе богослужение на грузинском языке допускалось лишь по понедельникам, средам и четвергам, и то лишь в неспраздничные дни. А чтобы население не могло реагировать на русификаторскую разрушительную деятельность по отношению к родной церкви, генерал Торماسов предложил чудовищную меру: церковных дворян с крестьянами переселить с веками насиженных мест на пустопорожние казенные земли. Особенно непримиримых противников эти меры встретили со стороны иерархов имеретинской епархии. Русское правительство срочно послало в Имерети войска.

Ермолов в это время находился на Северном Кавказе. Вместо него оставался генерал-лейтенант А. А. Вельяминов.

который для успокоения жителей Имерети обратился к ним с прокламацией о том, что экарх Феофилакт Русанов будет отозван из Имерети. В конце прокламации говорилось: «...не забудьте при том, что Россия могла тридцать миллионов французов, возбужденных мятежным Наполеоном против законной власти своего государя, в несколько месяцев усмирить, восстановить власть законного короля Франции и произведя благодетельный переворот к спокойствию народов в целой Европе. Чего же от силы и могущества России может ожидать слабая Имеретия при несчастном своем ослеплении?» («Акты», т. VI, ч. I, с. 538).

Феофилакт вынужден был вернуться в Тбилиси. Восстание на время утихло. Но когда русское правительство начало расследование этого дела и назначенный для усмирения восставших в Имерети генерал Сысоев потребовал от населения «покаяния в грехах» и принятия новой клятвы в верности русскому императору, народ отказался подчиниться, и восстание вспыхнуло с новой силой. Начались массовые аресты среди имеретинской знати и духовенства, преследующие цель обезглавить восстание. Командиру 41-го егерского полка полковнику Пузыревскому, назначенному правителем Имерети вместо Курнатовского, которого правительство обвиняло в излишней мягкости, было поручено арестовать и выслать в Россию митрополита Гелатского Евфимия, Кутаисского митрополита Досифея (который умер по дороге возле Сурами), царевну Дареджан (дочь царя Имерети Соломона I) и целый ряд дворян и князей, среди них — и Сехниа Цулукидзе, представителя одного из самых богатых феодальных родов Имерети. Пузыревский, рьяно взявшись за дело, составил целый план осуществления арестов, одобренный Вельяминовым, который возражал лишь против того, чтобы убитые (те, кто окажут сопротивление) были бы брошены в реку. Тела, по его словам, в любом случае надлежало вывезти за пределы Грузии, чтобы они не были опознаны.

Кроме восставших, были арестованы и высланы в Россию и многие из подозреваемых в сочувствии к восставшим. Царевна Дареджан с 10-летним внуком была сослана в Пензу. Известно, что в Пензенской губернии жили многие родственники Лермонтова; он постоянно слышал о ссыльной имеретинской царевне, а может быть, и о самом восстании.

С апреля 1820 года восстание разгорелось с новой силой, перекинувшись из Имерети и в другие районы, продолжалось до осени 1820 года. К этому времени в Гурию со

своими войсками прибыл полковник Пузыревский, который вскоре был убит гурийцами. После его убийства Ермолов назначил правителем Имерети командира 44-го егерского полка полковника князя П. Д. Горчакова. Для командования войсками, подавлявшими восстание, Ермолов прислал в Имерети генерал-майора А. А. Вельяминова, с которым Лермонтов позже, в 1837 году, встретится на Кавказе. Известно, что Вельяминов был расположен к Лермонтову и покровительствовал ему. От него также Лермонтов мог слышать о восстании в Имерети, тем более, что оно изобиловало драматическими эпизодами.

А. А. Вельяминов подавил восстание в Гурии, куда он прибыл в июне 1820 года. Ему было приказано жестоко расправиться с восставшими, сровнять с землей восставшие села, на месте расстреливать попавших в плен «преступников». Приказ был выполнен неукоснительно. Особенно жестоко расправились с Рача¹, подвергли огню деревни, сровняли их с землей, разрушили крепости. Ермолов в своих записках хвастал, что дома восставших были разрушены и разгромлены, сады и виноградники с корнем выкорчеваны. Имеретинское восстание было жестоко подавлено. В результате длительной вооруженной борьбы сотни были убиты и ранены, десятки расстреляны, повешены и сосланы на каторжные работы. Многих из восставших переселили в Россию, а их собственность передали в казну. Царь Александр щедро наградил орденами и медалями руководителей подавления Имеретинского восстания.

Литературы об Имеретинском восстании очень немного, особенно мемуарной. Тем интереснее воспоминания одного из участников этих событий — Иосифа Петровича Дубецкого, в те времена 22-летнего офицера, полкового адъютанта при правителе Имерети князе Горчакове, написанные в середине прошлого века и опубликованные в апрельском номере журнала «Русская старина» за 1825 год. Глава «Бунт в Имеретии. — Личный подвиг» записок Дубецкого повествует о самом, может быть, драматическом эпизоде восстания.

Имеретинское восстание длилось уже около полугода, когда в Рачинском округе во время незначительного сражения был взят в плен Ломкаца Лежава, предводитель рачинских повстанцев. Его приговорили к смертной казни через повешение. Дубецкому удалось склонить Лежава к предательству. Ему была обещана жизнь, свобода и помощь жене и детям.

¹ Одна из исторических провинций Грузии.

взамен он должен был выдать главарей восстания. Лежава назвал всех, в том числе и князей Цулукидзе.

Один из руководителей восстания Георгий Цулукидзе наиболее влиятельный имеретинский князь, полковник царской армии, награжденный за свои заслуги и храбрость орденом св. Анны с бриллиантами и пенсионом в тысячу рублей, находился при отряде, которым командовал князь Горчаков. Кроме Георгия Цулукидзе, в отряде находился его брат Леван Цулукидзе и старший сын, 28-летний Симон Цулукидзе. В этом же отряде состояли еще несколько грузинских князей, тайно поддерживавших повстанцев: четверо представителей рода князей Эристави, четверо — из князей Иашвили и двое — из князей Абашидзе. Это был, по существу, штаб восстания.

Узнав с помощью Дубецкого о составе этого штаба, Горчаков решил арестовать заговорщиков. Но прежде Горчакову необходимы были неопровержимые доказательства заговора и причастности к нему грузинских князей. Для этого он решил воспользоваться показаниями Ломкаца Лежава, который сообщил, что для набора войск он получил грамоту, подписанную всеми князьями (одновременно это была и как бы письменная присяга повстанцев). Грамота хранилась у жены Лежава. Жена же с детьми жила в то время в доме Георгия Цулукидзе, который находился в селении Агара, всего в верстах семи от лагеря, где расположился отряд Горчакова. Привезти в отряд грамоту, уличающую руководителей Имеретинского восстания, было поручено Дубецкому. Лежава сообщил ему пароль и условные знаки, с помощью которых Дубецкий сможет получить грамоту от его жены.

Дубецкий, блестящий молодой офицер, недавно прибывший с полком из Парижа, пользовался большой популярностью в отряде. Приятелем Дубецкого был Симон Цулукидзе, вызвавшийся проводить его в имение отца, куда направился Дубецкий под каким-то благовидным предлогом.

Там хладнокровному молодому офицеру удалось выполнить нелегкое поручение — взять грамоту у жены Лежава и даже увезти ее вместе с детьми.

Хозяйка дома, жена Георгия Цулукидзе — Анна, заподозрила недоброе. Дубецкий пишет о ней с явным восхищением: «Эта женщина по уму и красоте известна была по всей Имерети. В молодости славилась интригами, а под старость, ей было 40, ворочала как хотела и своим мужем и чужими». Анна Цулукидзе то пыталась расположить к себе гостя лас-

ковым приемом, то бросалась в ноги и умоляла «быть ей сыном». Однако догадаться, зачем именно приехал Дубецкий, и предотвратить несчастье она так и не смогла. Дубецкий вспоминает, что при ней был ее сын, мальчик 9-10 лет. Возможно, это был Бери Цулукидзе (впрочем, об этом речь пойдет ниже).

Получив доказательства заговора, Горчаков отдал приказ о немедленном аресте князей-заговорщиков. Он как командующий отрядом пригласил их всех к себе под каким-то предлогом. Ни о чем не подозревая, они прибыли в лагерь. Здесь их тотчас же окружили солдаты с ружьями наизготовку, «...тогда первый князь Леван Цулукидзе, обнажив саблю, закричал: «Жизнь и свобода едины», ему последовали другие, и завязался страшный рукопашный бой. Князь Леван Цулукидзе и еще двое были заколоты штыками, а прочие ранены». Правительство щедро наградило предателя Лежава.

В сентябре 1820 года Горчаков составляет «Список о бунтовщиках, убитых во время возмущения, удаленных из Имерети, содержащихся под арестом в Кутаиси и находящихся в бегах, с означением семейств каждого из них и куда предполагается обратить их имения». По делу каждого из бунтовщиков в список внесена резолюция главнокомандующего генерала Ермолова (см. Н. Б. Махарадзе. Материалы..., с. 92).

Из списка явствует, что полковник Георгий Цулукидзе был отправлен в Тифлис, где вскоре умер, вероятно, от ран, полученных при аресте. Дубецкий же пишет, что Георгий Цулукидзе был приговорен к ссылке в Сибирь. Возможно, дело обстояло именно так, но высылке в Сибирь помешала смерть.

Далее говорится, что жена Георгия Цулукидзе Анна (дочь князя Симона Абашидзе) «отправлена в Тифлис». Дубецкий же сообщает, что она была заточена в монастырь.

Некоторое время спустя умерли в Тифлисской крепости братья Цулукидзе — Георгий и Давид. Были арестованы и высланы в Россию и другие князья Цулукидзе. О старшем сыне Георгия Цулукидзе Симоне, его жене Марии и их трехмесячном сыне Георгии говорится, что они находятся в «бегах». Резолюция Ермолова гласит: «Мошенника стараться достать». Остальные дети Георгия Цулукидзе были розданы в различные княжеские и дворянские дома. Так, старшая дочь, 18-летняя Дареджан, оказалась в доме Бегуа Лежава. 15-летняя Таисия и 10-летний Бери находились в доме Зураба Церетели, которого повстанцы первоначально собирались сделать царем Имерети. 5-летняя Мария жила в доме Симона Макиашвили.

И, наконец, 6-летний Леван — в доме князя Ростома Эрста-
ви.

Горчаков предполагал забрать в казну имение лишь Си-
мона Цулукидзе, однако Ермолов приказывает забрать в каз-
ну все имения семейств, сказав: «...Так должны наказываться
главнейшие бунтовщики».

Ермолов отдал также приказ об «определении в школу»
двух сыновей князя Георгия Цулукидзе — шестилетнего Ле-
вана и десятилетнего Бери. Кроме них, согласно приказу, под-
лежали определению в школу: Константин (8 лет), сын Мераба
Цулукидзе, и другие дети повстанцев, всего вместе с Бери и
Леваном — 12 детей не младше 6 и не старше 14 лет. Детей,
младше 6, оставляли матерям и родственникам, старше 14
лет брали на службу в армию.

Но что за школа имелась в виду в приказе Ермолова?
Губернатор Пензы, куда была сослана царевна Дареджан с
внуком, обратился к Ермолову с просьбой об увеличении ее
содержания. Ермолов ответил отказом, заметив, что ссыльная
царевна является матерью опасного бунтовщика. Пензенский
губернатор попытался искать содействия в других инстанциях,
которые, в свою очередь, вновь обратились к Ермолову. Тот
опять резко отказал, написав тогдашнему министру внутрен-
них дел графу Кочубею, имея в виду внука царевны Даред-
жан, сына Иванэ Абашидзе, претендовавшего на царский пре-
стол Имерети: «Сего изменника сын находится при царевне,
и я совершенно на справедливость в. с. полагаюсь, нужно ли
иметь столько попечения о воспитании его, когда дети прочих
изменников состоят в Военно-сиротских отделениях и службу
императору начнут с самых первых степеней оной» («Акты»,
т. VI, ч. I, № 28).

Под военно-сиротскими отделениями подразумеваются пол-
ковые школы при гарнизонах для солдатских детей. В Закав-
казье в 20-х годах XIX века полковые школы были при не-
которых штаб-квартирах. Имеются сведения о полковой шко-
ле Нижегородского полка (в котором служил Лермонтов в се-
лении Карагач¹). Итак, двенадцать имеретинских мальчиков,
из них трое из рода Цулукидзе, должны были поступить в

¹ Подробнее о школе см.: епископ Кирион. Краткий очерк
истории грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. Тифлис,
1901; Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка;
Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904,
т. 3, ч. 2, с. 590.

гарнизонные школы, чтобы позднее стать солдатами, почти без надежды на какое-либо облегчение своей судьбы.

Можно считать установленным, что в школы на территории Кавказа мальчики-имеретины не попали. Они оказались в Ростовской школе кантонистов, а после посещения этой школы Александром I их перевели в Петербург в Первый кадетский корпус (где, между прочим, учился, а позднее преподавал отец Лермонтова). Интереснейший рассказ об этом содержится в воспоминаниях князя Д. Н. Абашидзе (одного из ребят-имеретин), опубликованных в «Историческом вестнике» (1903, т. 94, № 12, с. 865—884) под названием «История бедствий одной семьи. Из воспоминаний старого кавказца».

Но, как видно, в эти школы попали не все мальчики. Следует сказать, что события Имеретинского восстания несколько неожиданным образом содействовали возвышению архиепископа Софрония, также урожденного князя Цулукидзе, возглавлявшего рачинскую архиепископию. 19 ноября 1821 года он стал архиепископом Имеретинским после того, как все прежние епархии Имерети были объединены в одну. Экзарх Грузии Феофилакт протестовал против назначения Софрония на эту должность, подозревая его в причастности к восстанию. Ермолов же настоял на своем, объясняя, что Софроний действовал с усердием при описании церковного имущества, «ибо старался загладить вину свою, как имевший некоторое с мятежниками согласие, чего доказательства были в руках моих» (Записки Ермолова, с. 113).

Архиепископ Имеретинский Софроний исполнял эту должность до самой своей смерти в 1843 году, являясь весьма значительной фигурой в грузинском экзархате. С 1853 года архиепископом Имерети стал другой князь Цулукидзе — Евфимий, с 1820 года архиепископ Гелатского монастыря.

Несомненно, как Софроний, так и Евфимий не остались безучастными к судьбе своих племянников, мальчиков Левана, Бери и Константина, постарались помочь им избежать солдатчины.

Существует книга под названием «Списки княжеским и дворянским родам Грузии, Имеретии и Гурии». Место и время издания в ней не указаны, но можно предположить, что она была издана в 90-годах XIX века. Так вот, в этих списках нет Георгия Цулукидзе, его жены Анны, сыновей — Бери и Левана, но под номером 145 значится подпоручик Симон Георгиевич Цулукидзе, бывший «в бегах», но впоследствии, видимо, получивший помилование, его жена Майя и их дети.

Здесь говорится и о том 8-летнем в 1820 году мальчике Константи́не, которому, видимо, удалось избежать солдатчины и сохранить княжеский титул. Кстати, в 1830 году Николай I издал указ вернуть из ссылки дворян и князей, сосланных после подавления Имеретинского восстания, и возвратил им отобранные земли, хотя процесс этот формально длился десятки лет.

Итак, следы Бери и Левана Цулукидзе затерялись. Но именно это обстоятельство и позволяет нам вернуться к нашей версии. Можно предположить, что стараниями архиепископа Имерети Софония Бери Цулукидзе, сын одного из главных предводителей Имеретинского восстания Георгия Цулукидзе, оказался в Шиомгвимском монастыре, и именно он стал прототипом для лермонтовского Мцыри. Мы считаем, что в детских воспоминаниях Мцыри есть моменты, сходные с биографическими деталями из детства Бери. Правда, здесь должна делаться поправка на дагестанский колорит.

Мцыри говорит: «И вспомнил я отцовский дом, Ущелье наше; и кругом В тени рассыпанный аул; ...Я помнил смуглых стариков, При свете лунных вечеров Против отцовского крыльца Сидевших с важностью лица... А мой отец? Он как живой В своей одежде боевой Являлся мне, и помнил я Кольчуги звон, и блеск ружья, И гордый непреклонный взор, И молодых своих сестер... Лучи их сладостных очей И звук их песен и речей Над колыбелию моей...»

Отчий дом Бери — дом князя Цулукидзе — находился в высокогорной Раче в селении Агара. Отец Мцыри, как видно, был князем, ведь в его доме собирались старейшины. И Бери помнил о своем происхождении, даже если ему изменили фамилию и не рассказывали о родителях и родственниках. Мцыри вспоминает об отце-воине, то же мог помнить и Бери. Мцыри вспоминает о своих сестрах, которые пели у его колыбели. О старших сестрах — Дареджан и Таисии мог помнить и Бери. Наконец, в другом месте поэмы Мцыри говорит о старшем брате. Старший брат Симон был и у Бери. Можно возразить, конечно: все эти воспоминания могли быть почти у любого горского мальчика. Но для нас важнее, пожалуй, то, что в них нет ничего, что опровергало бы наше предположение.

Наша версия, что Мцыри — грузин, не отрицается и текстом самой поэмы. В ней нет даже намек на то, что Грузия для него не родина, а чужая страна; ни природа, ни дом, ни песня грузинки не «чужие» его сердцу. «Мцыри — это грузин — пленник Грузии» (см. С. Ломинадзе. Куда бежит

Мцыри. — «Вопросы литературы», 1984, 10, с. 145—177).
т. е. он совершает свой побег не в поисках «родины», а в по-
исках «воли».

Романтический пафос поэмы заключается и в том, что «родина» как арена «тревог и битв» изображена в поэме полуметафорически, в сущности это собирательный образ вольной горной страны, где «в тучах прячутся скалы» и «люди вольны, как орлы». Свобода, «воля» для героя — это не столько стремление вырваться из стен монастыря, сколько желание видеть свою родину свободной от колониального ига. И горячее неудержимое стремление Мцыри к вольной жизни — это протест против жестокого подавления стремления народа к независимости, так ярко проявившегося в Имеретинском восстании. И он как сын одного из участников подавленного восстания особенно остро ощущает нехватку воздуха в порабощенной стране и бежит от гнета в поисках «воли».

Лермонтов в своей поэме выступает не только против физического, но и против духовного рабства. Поэмой «Мцыри» он полностью отрицал официальную концепцию патриотизма. Поэт показал глубоко земные истоки любви к родине, прославил привязанность к реальной отчизне. Мцыри, не колеблясь, готов отвергнуть блаженство «в святом заоблачном краю» ради «блаженства вольного», ради «тревог и битв», неразлучных с героическим служением отчужденному краю.

В «Мцыри» Лермонтов приходит «к гениальному поэтическому утверждению права людей на вольность, на любовь к родине и на героическое служение ей» (см. Любович Н. Мцыри в идейной борьбе 30-40 гг. — в сб.: Творчество Лермонтова. К 150-летию со дня рождения. М., «Наука», 1964, с. 106—132). И изображенная в поэме Грузия — не живописная декорация, а органический элемент в новом решении многолетнего идейного замысла, разворачивающегося на фоне впечатлений от трагических событий Имеретинского восстания. Вольный дух борьбы человека-гражданина, свободного, непокорного, гордого, подобного героям Имеретинского восстания, проявившийся в самой сути взволнованной, возвышенной и смятенной интонации поэмы, проступает более явственно сквозь ее поэтическую ткань, если хоть на миг представить, что наша гипотеза — реальность.

Аполлон ЦАНАВА

Символика „цепи“ в новеллах Реваза Мишвеладзе

Новеллы Реваза Мишвеладзе проецированы на вечные истины. Писателя волнует состояние нашего общества, причем его интересуют не отдельные факты или явления, свидетельствующие о неблагополучии нашей жизни, не конкретные ошибки или виновники происходящего, но главное — чем вызвана утрата нравственных ориентиров, моральное падение общества, опутанного символической «цепью», от которой невозможно избавиться — ни «распилить», ни «сбросить»... Символика «цепи», подобно парадигме, лейтмотивом проходит через все творчество Реваза Мишвеладзе (один из сборников его новелл, удостоенный в 1986 году Государственной премии, так и называется — «Цепь»).

Еще совсем недавно требовалось определенное гражданское мужество, чтобы писать об этом. Надо отдать должное писателю, он всегда резко выступал против той модели жизни, которую сформировала и узаконивала «цепь». Нетрудно догадаться, что под «цепью» подразумевался действующий бюрократический аппарат, непосильным грузом висящий на шее больного общества.

Большинство новелл Р. Мишвеладзе написаны в юмористическом плане, и тем острее боль за простых людей, звучащая в них.

Герой одного из рассказов, Ахатанг Гоголашвили, не мо-

жет въехать на своей машине во двор гостиницы, где он остановился, поскольку двор «оцеплен», а конец цепи прикреплен висячим замком к столбу. Ахатанг вылезает из машины и принимается спиливать висячий замок. «Закончив работу, он отшвырнул замок подальше, убрал цепь с дороги, положил напильник в багажник и медленно въехал во двор». На лестнице гостиницы его поджидает сержант милиции, приставленный стражем к цепи — парень «лет двадцати, облаченный в не по росту короткую, будто с чужого плеча, форму». «Поединок» между милиционером и Гоголашвили в итоге завершается победой последнего. Но на следующий день начальник говорит сержанту: «Я поручил тебе одну цепь, а ты не уследил даже за ней». Ахатанг же настроен весьма решительно: «Сколько раз повесят замок, столько раз и спилю. Не poleнюсь». Здесь напрашивается типологическая параллель с одним из мотивов сюжета фильма «Покаяние»: Кети Баратели, единственный уцелевший из репрессированной семьи человек, заявляет на суде: «Сколько раз ни похороните, столько раз вырощу». Так и герой рассказа Р. Мишвеладзе не может не спилить замок и не убрать цепь с дороги. И сержант милиции, приставленный ее охранять, понимает, что Гоголашвили совершил какой-то важный поступок. Подвыпив, он заявляется к Гоголашвили в номер с двумя бутылками шампанского и объявляет себя его сторонником. «В нашем городе немало хороших парней, но кто из них распилит цепь? Никто. Даже те, кому она мешает, не сделали этого. Пусть люди отныне свободно входят в гостиницу. Зачем им трепать нервы? Выпьем за тебя, за твою смелость!». Однако «на второй день после отъезда Гоголашвили въезд во двор гостиницы был вновь прегражден цепью. И новый висячий замок повесили, и нового охранника к ней приставили». И все-таки необычный поступок Ахатанга не остался без последствий: «кто-то в течение месяца трижды спиливал висячий замок. Правда, тайно, ночью (когда милиционер крепко спал), но ведь спиливал!».

В этом рассказе, написанном со свойственным ему юмором, Р. Мишвеладзе, используя достаточно определенный символ «цепи», поднимает исключительно острый для нашей современности вопрос. Действие, основанное на запрете, насилии и произволе, не может привести к добру.

В новелле «Ветер, ветер, ветер» символика «цепи» раскрывается в ином ракурсе. Здесь радетель порядка и спокойствия на пляже не дает возможности заплывать за огражденное

веревкой пространство романтику Володе, приехавшему из далеких краев. Володя говорит прямо в лицо мнимому спасателю: «Ты просто заурядный цербер. Ты даже не подозреваешь, что на свете есть романтика. Так знай же, за буйком порой наступает минута, когда кажется, что все в твоих силах и ты можешь переплыть море... А ты — бдительный гражданин, стоящий на страже, должен выполнить свой гражданский долг и немедленно сообщить о происшествии в милицию... Но я не допущу этого. Ты, конечно бы, с удовольствием сослал меня за тридевять земель, если бы это было в твоей власти. У тебя же просто в горле перехватило от возмущения — человек свободно плавает в море, кто дал ему на это право?! Тебя бесит, что я свободен... Таких, как ты, слишком много, даже на этом пляже. Да, вас очень много, и вы все нам очень мешаете. В печенках у нас сидите!». Вот ведь как ревностно защищают старые правила и указы бюрократы — приверженцы рутины и штампа, для которых принципиально неприемлемо все новое — и перестройка, и возрождение в человеке человека, и гласность.

«Цепь» и «замок» у нас на всем, они непрменные атрибуты нашего бытия. В новелле «Дело» автор выступает против помпезности и показухи, обычно сопровождающих праздники и различные мероприятия, связанные с памяtnыми датами. В местечке Кимонаант 14 и 15 октября должен состояться праздник «Платоноба». Этим делом, если праздник можно назвать делом, руководит председатель сельсовета Альказар Швангирадзе. «С сияющим, как луна, лицом он стоял на месте тамады и готовился к произнесению речи. Кратко ознакомив приехавших гостей с историей народных праздников вообще и конкретно с задачами «Платоноба», он подробно остановился на достижениях и успехах в текущей пятилетке». Но вот в помещение входит министр Саурмаг Какабадзе. И все смешалось. Альказар обнял Саурмага... люди постепенно стали расходиться. Все кончилось тем, что почетных гостей повели к специально для них накрытому столу. «С двух сторон дороги были наспех выстроены пацхи. На пацхах там и тут висели связки чурчел и початков кукурузы. Крышу каждой второй пацхи украшали лозунги... Дети хлопали в ладоши и беспрерывно кричали «ура!»... У входа в аллею выстроились в шеренги пионеры-ветераны с повязанными вокруг шеи галстуками и кратко, но туманно отвечали детям, которых заставляли задавать им

вопросы». Дороги были перекрыты повсюду, поскольку на Платоноба ожидали министра. «У наспех выстроенных дощатых строений стояли почетные гости и в ожидании начала митинга глухо кашляли. Здесь же, немного правее, находился хор певцов в национальных одеждах, тоскливо смотревших на голубеющий горизонт». Наконец митинг начался, и все смотрят себе под ноги, стараясь не задеть ногой кабель телевидения.

Человеку, не знакомому с нашим бытом, описанная картина может показаться действием, спектаклем. Это и есть спектакль, но он страшен тем, что подменяет настоящую жизнь. В новелле друг другу противопоставляются два героя: Джамлет Пурухванидзе — человек положительный, серьезный, и Артем Хасия, живущий сиюминутными интересами, всегда четко знающий, куда подует ветер.

Реваз Мишвеладзе в своих новеллах вскрывает, так сказать, механизм продвижения по служебной лестнице и с грустью констатирует, что движущими силами здесь являются подхалимство, протекционизм, очковтирательство, обман и показуха. Для людей, таким образом делающих свою карьеру, жестокость и равнодушие не исключение, а норма жизни. Поэтому борец за справедливость чаще всего оказывается единственным воином на поле. Общество — в тупике, оно не в состоянии поддержать честного труженика, добывающегося справедливости. Более того, именно оно и подталкивает таких людей к пропасти. «Я так и знал, что ты в конце концов останешься один. Научись ловчить и изворачиваться, будешь непобедим. Тогда Джумбера Брегвадзе никто не сможет одолеть!» — так говорит председатель месткома одного научно-исследовательского института Виктор Цападзе сотруднику того же института Джумберу Брегвадзе, прозванному Дон Кихотом. Родители Джумбера в свое время были репрессированы, он прожил жизнь в нужде, поступил в университет и по окончании его два года без зарплаты проработал в научно-исследовательском институте, прежде чем его зачислили в штат.

В новелле «Случай из юности Джумбера Брегвадзе» писатель резко критикует несправедливость и беззаконие, царящие в нашей жизни как следствие безответственности и волюнтаризма бюрократической системы.

Все сотрудники научно-исследовательского института знают, что их директор Эрмало Абесадзе — неуч, плохой работник, к тому же еще и взяточник, преступник. Но Эрмало

Абесадзе назначен директором «сверху», поэтому все и по-малкивают, и пока «кто-то», посадивший Абесадзе в директорское кресло, еще в силе, никто не посмеет сказать Эрмало правду в лицо. Так «цепь» молчания сковала коллектив. Только молодой специалист Джумбер Брегвадзе решился сказать правду. Он составил документ на четырех страницах, в котором одно за другим перечислялись преступления Эрмало Абесадзе, и попросил каждого сотрудника, в кулуарах возмущавшегося директором, подписать его. И получил отказ. Брегвадзе понял, что все сотрудники института, включая академика, охвачены страхом. А человек «с перепуганной душой» не способен на борьбу.

Но один в поле не воин. Молодого специалиста начали травить. Дело дошло до того, что его стали посещать видения: «...чудились отдаленные звуки шагов, казалось, что кто-то преследует его. «Странно, на каблуках металлические подковки... Кто теперь набивает подковки?». Звук шагов приближался. Еще секунда — и неизвестный откроет дверь лаборатории».

Не выдержав напряжения, Джумбер выбрасывается из окна лаборатории. Автор в конце новеллы пишет, что «падение с третьего этажа вовсе не предполагает смертельного исхода; можно, Божьей милостью, остаться в живых», но ведь главное в том, что Джумбер Брегвадзе был доведен до такого состояния, когда человек решается на самоубийство, видя в нем единственный выход из положения.

В «Случае из юности Джумбера Брегвадзе» вскрыты типичные для нашего общества порочные явления. Автор предвидит поражение своего героя в борьбе с негативными явлениями, поскольку бюрократическая система, порождающая их, все еще очень сильна и не собирается сдавать позиций.

Реваз Мишвеладзе как-то написал в одной из своих боевых, заслуживающих особого разговора публицистических статей: «Никакое общественное начинание не получит реализации, если не будут основательно изучены социальные корни... в течение десятков лет мы были разделены на всезнающих руководителей и на стадо людей, которых никто ни о чем не спрашивал... Мы так глубоко погрязли в болоте бюрократизма и несправедливости, что так просто вылезти из него не сможем».

Несправедливость, беззаконие, своевластие укоренились во всех сферах общественной жизни. А все то, что мы назы-

ваем повседневным трудом и считаем своей заслугой, по справедливому утверждению писателя, есть только видимость труда, по сути неизменно оборачивающегося показной и бесполезной суетой.

В новелле «Один трудовой день» со свойственным Мишвеладзе едким юмором рассказывается история о том, как в одном из районов встречали представителей различных министерств. Секретарь райкома, смертельно уставший от ежедневных банкетов и приемов вышестоящего начальства, вызывает своего заместителя и дает ему следующие указания: «Я открою заседание, но потом смоюсь, не то прямо на сцене засну. Ты заменишь меня, а то я себя знаю — только поднимется кто-нибудь на кафедру и начнет толкать речь, как на меня находит... Даже если я перед этим выспался... Спать хочу — умираю. Ну ладно! Ты, значит, подведешь итоги и все такое. А я встану, извинюсь, скажу, что меня ждут еще на одном собрании, а сам сосну в кабинете».

Труд перестал дарить радость человеку. Большинство трудится — словно барщину отработывает. Творчество изгнано из повседневного труда. А если кто-то и получает от него удовольствие, то это воспринимается как ненормальное, необычное явление.

Молодой художник Ушанги Киртадзе решил заново расписать стоящую «в центре города, на левом берегу реки Риони» церковь Святого Квирике (новелла «Любите своих врагов»).

Но настоятель церкви отец Калистратэ объясняет несправимому романтику, что в этом деле личная инициатива только помешает, решение должно быть принято в вышестоящих инстанциях, только тогда можно будет осуществить задуманное. Он советует ему прежде чем приниматься за такую сложную работу, найти где-нибудь маленькую недействующую церковь и для начала поупражняться в ней. Молодой художник уверен в своих силах, но действительность безжалостна: потеряв надежду получить разрешение на роспись церкви Святого Квирике, он принимается искать недействующую церковь и находит ее «в конце Сатаплийского леса», в овраге. «Это было полуразрушенное, забытое Богом и людьми строение». Но трудности не остановили художника — он заново оштукатурил стены, починил развалившуюся крышу, покрыл ее толем и начал расписывать церковь. «На седьмой день к нему пришли. Их было двое. Сперва потребовали копию договора, затем сме-

ту, лотом акт комиссии и под конец согласие конторы. Художнику ничего не оставалось, как на каждое их требование отрицательно качать головой и горько улыбаться. «Ты с виду вроде бы человек порядочный, а идешь на преступление, да еще улыбаешься. Кто тебе дал право разрисовывать исторический памятник? Знаешь ли ты, что эта церковь находится под защитой государства? Собирай свои манатки — пойдем в милицию. Ты за все ответишь, разбойник!».

Реваз Мишвеладзе смело обнажает царящие вокруг нас равнодушие, бессмысленность, безнравственность. Он заставляет о многом задуматься, на многое посмотреть иными глазами. Человек, сам ни во что не верящий, не может требовать слепой веры от других. Об этом новелла «Прорицатель», в которой «ясновидец» Калистратэ Панчуладзе спрашивает приехавших проверять лыжные базы ревизоров из спорткомитета: «Как вы можете ходить и проверять чужую работу, когда сами не верите в необходимость своей?!» Ревизоры откровенно признаются любознательному Панчуладзе, что они приехали напрасно. «Мы только помешали тем, кого проверяли, а тем, кто требует представить материалы проверки, правда не нужна. Из нас сделали шутов. Пока мы готовили наши заключения, в комитет уже, как всегда, позвонили и сказали все, что нужно... Вот нам ничего и не остается, как зря терять время в конце концов, не такие уж мы дураки, чтобы биться головой об стенку и доказывать правду там, где тебя никто не слушает...» Вот как характеризуют ревизоры директора одной из спортивных баз: «У Шамиля оформлено до семисот спортсменов. Эти спортсмены в большинстве своем — мертвые души... Спортивный инвентарь продается по спекулятивным ценам, а зарплату сорока липовых тренеров делят между собой уважаемый Шамиль и трое опухших от безделья тренеров базы... А мы делаем вид, что ничего не видим и не знаем. И сейчас дадим такое заключение, как раньше». Калистратэ Панчуладзе пытается воззвать к совести ревизоров: «Ведь если никто не начнет бить тревогу, будет все хуже и хуже. Ведь когда-нибудь что-то должно измениться?!».

Равнодушие и беззаконие цветут пыльным цветом из-за тотального ничегонеделания служащих. В обществе, скованном цепями, свободны только бюрократы и подхалимы, в нем нет места порядочным людям. Супруги Нино Салуквадзе и Евгений Лоладзе после тщетных попыток найти работу в городе переселяются в деревню («Пэпэ»). Евгений Лоладзе,

закончивший вечернее отделение инженерно-педагогического факультета, начинает работать на ферме. «Шесть месяцев проработал Евгений инструктором-механизатором на молочной ферме и вдруг на общем собрании пастухов выступил с разоблачением махинаций, совершаемых заведующим фермой. Через неделю приехали представители из района, проверили качество работы Лоладзе и, придя к заключению, что он является недостаточно квалифицированным работником, поскольку по своей специальности не имеет отношение к сельскому хозяйству, и «слишком много болтает», в тот же день освободили его от работы».

Евгений возвращается в город и вместе с привезенной из деревни козой Пэпэ поступает на работу в цирк. Пэпэ оказалась прирожденной артисткой. Вместе со своим дрессировщиком она становится лауреатом седьмого республиканского фестиваля. Но в конце концов козе надоело прыгать через круг, и она перестала слушаться Евгения. Ни угрозы, ни угрозы не действовали на упрямцу. Евгений вынужден написать заявление об освобождении с работы. «Что мне надо было в цирке? Еще хорошо, что я вовремя ухожу отсюда. Можно ли было попасть в более глупое положение? Почему судьба моей семьи и моя должна зависеть от того, захочет эта бестолковая коза прыгать или нет? Надо подыскать нормальную работу...»

В нашем обществе люди зачастую вынуждены заниматься не своим делом. Фактически человек не может найти себе работу по призванию.

Бюрократическое общество закрыто для счастья и хорошего настроения. Цепь, догма, правило связывают человека по рукам и ногам. Но ведь каждый человек — целый мир, космос. Жизнь его бесценна. Для писателя важно освободить его.

Р. Мишвеладзе всегда стремится увидеть в обычном необычное, волнующее и возвышающее человека и показать это нам, читателям. Он ненавидит все то, что унижает человеческое достоинство. Когда люди, подобно марионеткам, вслепую действуют по чьему-то указу, впустую тратят свою энергию на то, чтобы, скажем, устроить достойную встречу кому-либо из начальства («Радуга»), мы как бы читаем между строк призыв: «Люди, опомнитесь! Делайте дело, вас достойное!».

Достоинство новелл Реваза Мишвеладзе именно в том, что они поднимают самые злободневные вопросы нашей действительности, без прикрас показывают ее недостатки.

„Настало время рассказать...“

Если когда-нибудь кто-то всерьез заинтересуется историей «Литературной Грузии», то среди множества замечательных писательских имен, связавших свою судьбу с этим журналом, непременно обнаружит прекрасную и яркую личность — Наталью Николаевну Чхеидзе — переводчика, писательницу, литературоведа, искусствоведа, человека с широчайшим диапазоном интересов и необычной эрудиции.

В первый же год своего существования «Литературная Грузия» печатала большое и значительное произведение Шалвы Дадиани «Семья Гвиргвилиани». По выражению самой Натальи Николаевны, сотрудники редакции брали с ее рабочего стола еще «дымящиеся» страницы переводимого ею романа.

С тех пор Н. Чхеидзе верна «Литературной Грузии»: перечислить все ее переводы, статьи, воспоминания, опубликованные журналом, невозможно. И сегодня, когда ей уже немало лет и трудно выходить из дома, когда она всецело поглощена разбором своего богатейшего, бесценного архива, Наталья Николаевна сочла необходимым сообщить редакции о сохранившейся у нее речи (вернее, фрагментов речи) отца, Николая Семеновича Чхеидзе, на заседании Государственной думы IV созыва, депутатом которой от Тифлисской губернии он был с 1907 года, возглавляя в ней меньшевистскую фракцию.

— «Я думаю, настало время ее опубликовать», — сказала она.

Действительно, настало время рассказать соотечественникам, да и не только им, о человеке, будоражившем умы в то бурное противоречивое время, о его роли в социал-демократическом и революционном движении, деятельности на посту председателя

Закавказского сейма (1918 год) и председателя Учредительного собрания Федеративной Демократической республики Грузии (1919 — 1921 годы), его жизни в эмиграции.

Владимир Ильич Ленин видел в Н. С. Чхеидзе «одну из самых видных фигур» социал-демократической фракции (ПСС, т. 24, Москва, 1961, с. 41). Он вообще очень высоко отзывался о деятельности Николая Семеновича, хотя и критически оценивал его политическую платформу. «Надо сказать, что единственно честное и гордое слово демократа было сказано социал-демократом. Депутат Чхеидзе вошел на трибуну, заявил, что социал-демократическая фракция будет голосовать против законопроекта...» (ПСС, т. 16, Москва, 1961, с. 406) — эти слова В. И. Ленин произнес по поводу выступления Н. С. Чхеидзе на заседании Государственной думы 27 февраля 1908 года, посвященном внешней политике царского правительства.

Выступление Чхеидзе в Государственной думе в 1912 году с обличительной речью, направленной против официальных сообщений о существовании на Кавказе (в частности в Грузии) свободных земель и переселении крестьян, В. И. Ленин оценил в статье «Переселенческий вопрос»: «Полнее всего вскрыл эту сторону дела депутат Чхеидзе (в своей речи во 2-ую сессию Государственной думы), подробно нарисовав картину переселенческой политики на Кавказе, социал-демократический оратор, прежде всего, фактами и цифрами доказал, что все официальные сообщения о свободных землях на Кавказе самым вопиющим образом противоречат истине...» (т. 21, Москва, 1961, с. 328).

В первые же дни Февральской революции в Петербурге был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, первым председателем которого был избран Н. Чхеидзе. Он был также председателем первого созыва Всероссийского центрального исполнительного комитета. Эти факты наглядно свидетельствуют о том, сколь высок был его авторитет среди революционных масс России.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Н. Чхеидзе вернулся на родину. В 1918 году он был председателем Закавказского сейма, а в 1919—1921 годах председателем Учредительного собрания Грузии.

Участвовал в переговорах с советом Антанты, чтобы тот поддержал Грузинское буржуазное государство. С 1921 года находился в эмиграции.

Историкам предстоит еще воссоздать политический и человеческий портрет этой выдающейся личности.

А я прошу Наталью Николаевну поделиться своими воспо-

минаниями об отце и разрешить записать их на магнитную ленту. Мне хочется передать ее рассказ во всей его непосредственности, эмоциональности, не вторгаясь в свободный ход ее размышлений, памяти, со всеми отступлениями, неожиданно возникающими подробностями, деталями. К сожалению, «за кадром» останется артистизм Натальи Николаевны, когда каждый «персонаж» говорит с только ему свойственной интонацией.

* * *

...Я, между прочим, помню себя совсем маленькой девочкой лет с трех-четырёх. К этому моему заявлению всегда относятся с недоверием, считают, что это просто смешно. Многие наблюдают, как память переходит в воспоминания. Но у меня нет воспоминаний, мне ничего не нужно вспоминать — у меня есть только память: все помню, будто это произошло со мной вчера. Я думаю, дело не в памяти, а в пронзительной остроте переживаний. Только глубокое переживание отпечатывается в сознании, оставляет яркий след, отзвук, хранящийся там всю жизнь. Механическая же память не имеет никакого отношения ни к какому виду искусств и даже ни к какой науке.

Росла я, можно так сказать, в Таврическом саду Петрограда и в винограднике Верхней Имерети в районе Зестафони. В Таврическом дворце происходили заседания Государственной думы и мой отец, будучи ее депутатом, старался снимать квартиру в районе Таврического дворца.

На летний же период отец возил нас в свою деревню — и правильно делал, — прекрасное получалось сочетание в нашем воспитании.

С одной стороны Петроград — город мировой культуры, город Пушкина, Блока, Гоголя, Достоевского, город театров и широчайших литературных, научных, культурных связей России с другими странами и национальностями, составлявшими тогда Российскую империю.

С другой — наша деревня.

Я с малых лет наблюдала за отцом, стараясь привлечь к себе его внимание, вызвать доверительное отношение.

Как сейчас вижу перед собой картинку: еще совсем маленькая, я важно вышагиваю по нашему винограднику, где

находился отец, и громко декламирую услышанные от мамы, имевшие хождение в ту пору, строки:

За здоровье того, кто «Что делать?» писал,

За героев его, за его идеал.

(Имелся в виду роман Чернышевского).

А сама исподтишка наблюдаю, как папа реагирует на мое «политическое выступление».

Ведь ему, находившемуся полностью во власти политики, это, как мне казалось, должно понравиться.

К нам на петроградскую квартиру ежедневно доставлялись стенографические отчеты выступлений депутатов Государственной думы. И мне еще в раннем детстве было поручено складывать их в отцовской библиотеке в определенном порядке. Я очень была этим горда. Потом поняла, как эта обязанность дисциплинировала, воспитывала определенные наклонности к собирательству, к библиотечному делу, которые были свойственны мне на протяжении всей жизни.

Наталья Николаевна достает из ящика письменного стола пожелтевшую фотографию многочисленной семьи, и сразу каждое запечатленное на ней лицо обретает характер, судьбу, неповторимые черты и «дышит почва», из которой все произошло.

— Эта деревенская фотография сделана во дворе дома моего деда, вот он в центре.

Мой дедушка Симон Бежанович Чхеидзе происходил из довольно распространенного слоя грузинских «осенних» дворян, из так называемых «тахтис азнаури» — столбовых дворян среднего достатка.

Если перефразировать слова великого критика о том, что все мы вышли из гоголевской «Шинели», то так же определенно можно считать, что грузинская интеллигенция вышла из «осенних дворян» Давида Квдиашвили, крупнейшего мастера, которого я с упоением переводила на русский язык.

Дед знал русский язык, что по тем временам было довольно редким явлением.

Видимо, ему приходилось не однажды ходить по разным инстанциям, разрешать спорные дела в уездных канцеляриях и объясняться на языке, установленном тогда в государственных учреждениях.

По-грузински можно было уладить тогда бытовые вопросы, но не юридические, не деловые споры, до которых мы

имеретины (а «осенние дворяне» особенно), большие любители.

Но это был весьма своеобразный русский язык с удивительным интонационно-лексическим строем. В нем были перемешаны и древнеславянские, и церковно-приходские словечки, и канцеляризмы. Мой дедушка примерно говорил так: «Коль скоро вы полагаете (конечно, прозносилось это с сильным акцентом), что это кушание моему чреву вредит, я не буду его кушать».

Необходимым пределом в образовании для него была средняя школа. «Кончил школу — женись!» — изрекал дед свою жизненную установку. Среди его окружения почти не было молодых людей, получивших высшее образование. Он был активно настроен против новых веяний. «Просвещенный человек — рассеянный». — говорил дед, в последнем слове сильно ударяя на «я».

Мой отец же был в числе первых, кто из сел Западной Грузии отправился в Россию получать по окончании средней школы, а затем кутаисской классической гимназии высшее образование.

Он поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе.

В студенческие годы отец увлекся идеями марксизма, читал много специальной литературы.

В моей библиотеке по сей день хранятся некоторые книги, принадлежавшие в ту пору отцу, — редкие издания «Капитала» К. Маркса, труды прогрессивных деятелей того времени, среди которых очень тогда популярная блестящая книга «Первобытное слово» Максима Ковалевского и другие.

Приезжая домой, отец любил вслух читать особенно понравившиеся ему отрывки из политической литературы, из «Капитала» К. Маркса. Прислушиваясь к часто повторяющимся формулам «товар — деньги», «деньги — товар», дедушка недоумевал: для такой науки вполне хватило бы коммерческого училища, разве стоило посылать сына так далеко на учебу, тратить такие средства.

У дедушки было трое детей — кроме моего отца Николая Семеновича (это его официальное, анкетное имя, дома же его все звали Карло и домашнее имя навсегда сохранилось за ним в Грузии), были еще сын Каленик и дочь Като.

Каленик Семенович никогда из деревни не уезжал, а

жил к удовольствию деда, как настоящий «осенний» дворянин со своей женой Шушаникой Девдариани.

У отца нас было пятеро. К тому моменту, когда мы фотографировались, уже не было в живых моего старшего брата Симоника — он скончался от скарлатины; мы все тогда переболели, но у него был ревмокардит и его не могли спасти.

Я осталась за старшую и тогда уже на всю жизнь выработалась потребность заботиться о младших, опекать их.

Лидуся — моя младшая сестра — грациозная девочка, гибкая, легкая, воздушная, веселая попрыгунья, не утруждавшая себя глубокими серьезными вопросами и иронически относившаяся к моему увлечению поэзией, сочинению стихов.

Стасик, младший после Лидуси брат, всеобщий любимец, красавец, подавал большие надежды. Он учился в петроградской частной средней школе, где ученикам не ставили отметок, а выдавали характеристики. У меня до сих пор хранится целая папка замечательных характеристик и вообще всех Стасикиных документов. Судьба его сложилась драматически. Стасик погиб от нелепой случайности — сраженный шальной пулей, разряженной в юношеских забавах.

Двух сыновей потерял мой отец...

Самая младшая моя сестричка Лялечка — дочь отца во втором браке с батумчанкой Александрой Ивановной Тагановой. С ними он и уехал в эмиграцию, во Францию.

На этом снимке, который сделан в 1914 году, в начале первой мировой войны, но она еще не опалила своим дыханием жителей далекой грузинской деревни, отец мой был уже депутатом Государственной думы, сложившимся политическим деятелем, публицистом.

Когда Карло Чхеидзе учился в Одесском университете, он принимал очень деятельное участие в революционном движении студентов, за что и был исключен. Затем перевелся в Харьковский университет и там продолжал заниматься политикой. Результат тот же, что и в Одессе. Диплома о получении высшего образования у моего отца так и не было. Пришлось пойти на службу. Надо же было зарабатывать, получать жалованье. Но главным в его жизни оставалась общественная деятельность — он активно занимался политической журналистикой, много печатался.

Следы работы моего отца в политической литературе я обнаружила много лет спустя, вернее, совсем недавно, когда взяла в руки I том трехтомного библиографического описания

библиотеки Иосифа Гришашвили — нашего замечательного поэта, которого я много переводила в свое время.

Этот ценнейший библиографический справочник вышедшей Анной Лазариди — племянницей поэта, она сейчас — директор дома-музея И. Гришашвили и хранительница его уникальнейшей библиотеки, достойной стать предметом особого изучения и серьезного полноценного очерка.

Так вот, из вышеупомянутого библиографического справочника я узнала, что в библиотеке Иосифа Гришашвили хранится книга А. Быкова «Из истории Англии с XI по конец XIX века», перевод с русского на грузинский сделал Карло Чхеидзе. Книга издана в Батуми в 1901 году. Это труд о рабочем движении в Англии.

Когда отец впервые был избран депутатом Государственной думы, мы жили в Батуми. Но избирался он от Тифлисской губернии. Помнится, что одним из условий для избрания в Государственную думу было наличие недвижимого имущества, либо земельного участка в городе.

Никакого же строения у моего отца не было. Ему некогда было этим заниматься, хотя желание, чтобы у семьи был очаг, дом со своим укладом, владело им всегда. Как-то он даже приобрел в Боржоми строительный материал, который остался лежать нераспакованным — построить дом отец так и не успел. Мы владели небольшим усадебным участком во дворе, принадлежащем деду и дяде. Участки не были разделены.

Не было случая, чтобы, приехав в деревню, отец не посадил хоть несколько деревьев. Уже в бытность свою членом Государственной думы он специально ездил на станцию Скра, чтобы привезти оттуда саженцы особо любимых сортов яблوك и груш («гулаби»). Так на нашем участке отец посадил сад, который очень быстро стал плодоносить.

Я не была вундеркиндом (и слава Богу!), но была не без способностей и учиться могла как зверь. Училась я в самом лучшем по тем временам частном учебном заведении Петрограда — так называемой Преображенской новой школе (восьмилетней) товарищества учителей. Я в огромном долгу перед своей школой, перед ее необыкновенными учителями, потому что не успела рассказать об этом замечательном учебном заведении — с особой системой, методикой преподавания, когда учащихся побуждали самих обращаться к истокам в изу-

чении того или иного предмета. Нам давали не пассивные знания, а пробуждали потребность обращаться к первоисточникам. Например, обучая рисованию, нам вкратце рассказывали историю мировой живописи. В результате таких занятий я всерьез увлеклась «Трактатом о живописи» Леонардо да Винчи. И сегодня помню наизусть: «Величайшая прелесть света и тени запечатлевается на лицах тех, кто сидит в дверях темных зданий». Я потом сама проверяла точность этого наблюдения. Нам преподавали общие основы культуры, начиная с античной, греко-римской. Обучали двум иностранным языкам — французскому и немецкому на выбор. Я учила оба, хотя никто меня не заставлял. И все, что я усвоила тогда, осталось со мной по сегодняшний день.

Увлеченно писала стихи в духе тех революционных настроений, которые витали в воздухе и в атмосфере нашей семьи, насыщенной политической деятельностью отца. Помню, в день, когда была объявлена первая империалистическая война, нас собрали в актовом зале. Грянул гимн «Боже, царя храни». Все встали, а я сижу. Упорно сижу и не думаю вставать. А через день я написала такие строки:

Что дерзкий гром рукоплесканий
холопов и глупцов слепь,
и ложь их слов, и ложь исканий
иллюзий детских золотых.
Что зов их звучный и невнятный,
слепых картежных игроков,
пред этой ночью необъятной,
пред этой тяжестью веков!

(Я воображала, что имею право такие слова произносить!)

В университете я уже училась в Тбилиси, когда он только был создан. Среди моих преподавателей были такие корифеи науки, как Иванэ Джавахишвили, создатель университета. Это поистине была пора расцвета целой плеяды подлинных мужей грузинской науки, деятельность которых достойна сегодня быть глубоко изучена.

В июне 1917 года мой отец тяжело заболел в Петербурге и не смог поехать в Мариинский дворец, где тогда решался вопрос создания коалиционного министерства, шли дебаты, каким партиям входить в эту правительственную организацию

или оставаться вне ее. Группа людей пришла к нам в маленькую петроградскую квартирку, чтобы обсудить все настоящие вопросы с отцом. Среди них были социал-демократы Ираклий Георгиевич Церетели, Матвей Иванович Скобелев — депутат от Баку, Виктор Михайлович Чернов, известный революционер-социалист, грузинские социал-федералисты — была такая партия.

Находясь в соседней комнате, я слышала их горячие споры и поняла, что они уговаривали отца войти в коалиционное министерство, где ему будет предоставлен один из министерских портфелей, а именно, чтобы он возглавил министерство труда. Особенно энергично убеждал моего отца И. Г. Церетели. И помню категорический ответ отца: «Я не стану заниматься не своим делом. Я предпочитаю иную форму служения своему народу, когда бываю им избранным. На выборной должности я больше смогу сделать, широко используя предоставленные возможности». И когда уговоры не прекратились, отец очень решительно их оборвал: «Форма служения моего уже определена и я не могу поступиться своими принципами».

Здесь у них, очевидно, произошло определенное расхождение во взглядах. Известно, что сам И. Г. Церетели вошел в состав коалиционного министерства.

Я хочу вспомнить один любопытный эпизод, происшедший в момент болезни отца.

К нему пригласили придворного врача, лейб-медика Льва Бернгардовича Бертенсона, который и поставил диагноз: крупозное воспаление легких. Он назначил лечение, посоветовал как можно скорее сменить климат, увезти отца из Петрограда на юг, в Грузию, на родину.

Друзья моего отца, положив в конверт двадцатипятирублевую ассигнацию (тогда это была валюта), вручили доктору гонорар. На следующий день от него пришел посыльный и вернул конверт с купюрой и запиской: «Я счел за честь для себя оказать безвозмездную посильную помощь, как врач, Николаю Семеновичу Чхеидзе».

Широко распространялись остроумные реплики Н. С. Чхеидзе, которыми ему нередко приходилось отбиваться от злых колкостей, зачастую пошлых шуток и выпадов в адрес «левых», доносившихся из ложи, в которой сидели на заседаниях Государственной думы царские министры. Это придавало всему иную окраску.

— И это ваше понимание государственных задач? спросил их однажды Карло Чхеидзе с трибуны.

На оскорбительную великодержавно-шовинистическую реплику Вл. Пуришкевича, брошенную во время его выступления на заседании Государственной думы, он ответил:

Ваши предки по лесам бродили,
Когда наши Евангелие переводили.

Ноэ Жордания написал воспоминания о моем отце, опубликовав их в журнале «Брдзола» (№ 12—13, 1926 г.), выходившем в Париже.

Вот строки оттуда, которые использовал Гурам Шарадзе в своем очерке о моем отце «Карло Чхеидзе — «старый орел» российской революции» («Сахалхо ганатлеба», 22 февраля 1989 г.): «Когда на трибуну думы поднимался Карло Чхеидзе, депутаты вставали со своих мест и начинали двигаться вниз к трибуне, чтобы не пропустить ни одного его слова».

Или еще вот такие слова о Карло Чхеидзе из воспоминаний того же Н. Жордания: «Карло является чрезвычайно моральной личностью. В нем никогда не было честолюбия, зависти, гордыни. Он возглавлял величайшее дело, однако всегда старался подчеркнуть заслугу другого, а самому остаться в тени. Он принадлежал к поколению, отличительными чертами которого были самопожертвование и скромность. Святая цель, святое средство — Евангелие этого поколения. Это нежное поколение и не выносит опошления этого Евангелия, господства грязных целей и более грязных средств в их достижении».

Карло глубоко мыслил и непринужденно изъяснялся. Это был весьма начитанный, образованный деятель, тихий и остроумный, он любил общество, был кабинетным человеком и трибуном, личностью с теплым сердцем и холодной наружностью, нежными нервами и сухим рассудком. Карло весьма сложная моральная личность, для многих не до конца раскрытая. В личных отношениях он был редким человеком. Никогда не было, чтобы он с кем-либо ссорился, дурно отзывался о человеке, принимал участие в интригах. Его слово воспринималось с вниманием. В нем всегда сквозила глубокая мысль и искренность».

Мне хочется сейчас обратить внимание на то обстоятельство, что в средствах борьбы и ее направленности между

В. И. Лениным и Н. С. Чхеидзе существовала определенная общность, родственность. Она проявлялась прежде всего в особой напряженной отдаче всех душевных сил, характерной для борцов за народное дело, в душевной боли за угнетенный класс.

Ленин в своих статьях, установках обращался к материалу, взятому из выступлений Н. С. Чхеидзе, кстати, и приводимая ниже речь на заседании IV Государственной думы не была обойдена вниманием вождя революции.

Сосредоточив внимание на итогах Циммервальдской конференции, которая в ту пору была в центре революционно-политической жизни страны, огромным явлением всемирно-исторической важности, Н. С. Чхеидзе сумел и в данном случае привлечь факты, непосредственно касающиеся его страны, Грузии. Слова протеста Н. С. Чхеидзе против ужасного состояния рабоче-крестьянских масс, доведенных до крайней степени обнищания и одичания империалистической войной, метко попадали в цель.

До революции 1917 года мы в Тифлисе не жили.

Когда же свершилась Великая Октябрьская революция и была образована Демократическая республика Грузии с Учредительным собранием во главе, мой отец был избран председателем этого Учредительного собрания. Здесь снова восторжествовала его жизненная установка — никогда не занимать никакого ни министерского, ни правительственного кресла, а исполнять только выборную должность. Нам была предоставлена квартира на нынешней улице Джорджиашвили (тогда Бяратинской).

В феврале 1919 года Н. С. Чхеидзе и И. Г. Церетели, как лидеры Учредительного собрания Грузии, были посланы представителями от Грузии на мирную послевоенную конференцию, которая происходила в Париже и Сан-Ремо.

Конференция созывалась для утверждения *de jure* тех новых соотношений между государствами, которые сложились после тяжелой империалистической войны.

Поехали они крупным путем, в России шла гражданская война и проехать через нее было нельзя.

Уехали они 7 февраля 1919 года, а вернулись 20 декабря 1920 года, проведя там около двух лет и весьма успешно осуществив все те акции, которые и составляли цель их поездки.

Было получено необходимое для Грузии признание *de*

жиге независимой Грузии, что позволило нашим представителям достойно возвратиться на родину.

Моего отца я просто не узнала. Он прямо-таки светился от удовлетворения, выглядел, будто помолодел.

По его возвращении к нам приходило много людей — его друзей, представителей деловых кругов, он рассказывал о том, как велись переговоры, какими путями они добивались положительных результатов. Из всех этих разговоров запала в память одна его фраза: «Тяжело обивать пороги Европы!..» Вот одна такая многоговорящая фраза...

И еще запомнился факт, который произошел сразу по возвращении отца из Европы, совсем, возможно, малозначительный, но очень показательный для его характера.

Отцу не свойственно было покровительствовать кому-либо из родственников или близких. Но однажды, в бытность председателем Учредительного собрания, он вопреки своим правилам внял просьбе своего родственника Акакия Девдариани и рекомендовал его на должность бухгалтера, в котором Учредительное собрание очень нуждалось. Так вот именно Акакий Девдариани был одним из первых, кто пришел к нам в дом поздравить отца с благополучным возвращением. Он стал перед отцом на колени и признался, что взял из кассы Учредительного собрания большую сумму. Молил не губить его, клялся в ближайшее время покрыть этот долг. Мне больше никогда не приходилось видеть своего отца таким разгневанным: близкий ему человек предал его, поставил в ужасное положение. Как он может впредь положиться на него?

Потрясенный отец подошел к телефону и попросил кого-то немедленно прибыть на квартиру по нашему адресу и задержать его. Акакия Девдариани посадили в тюрьму, где он просидел, кажется месяца три, пока не вернул задолженность в кассу Учредительного собрания.

В 1921 году отцу пришлось покинуть родину вместе со всем правительством Грузинской республики во главе с Ноз Жордания. Все уезжали, и он не мог остаться.

Сегодня многие из эмигрантов, вернее, потомки тех эмигрантов, имеют возможность возвратиться на родину, их тепло встречают, как, очевидно, и должно быть.

Я глубоко убеждена, будь хоть малейшая возможность остаться на родине, отец никогда не уехал бы — для его натуры было противоестественным оказаться вдали от родной земли, от своего народа.

Мои воспоминания не всегда совпадают с тем, что приходилось читать в официальных изданиях и с отдельными сообщениями, которые поступали, да и сейчас доходят из мест, где обосновалась наша эмиграция в Левиле — предместье Парижа.

Я нигде, например, не обнаружила указаний на то, что когда они оставляли родину в феврале 21-го года, в Тифлисе происходили военные действия.

Были военные действия на Коджорском шоссе. Я сама не была их свидетельницей, но видела убитых там людей. Нам с сестрой Лидусей сообщили, что в морге Михайловской больницы среди убитых есть и наш друг Коля Каландаришвили — красивый русоволосый стройный юноша, прекрасный человек, друг. Мы помчались в морг прямо со службы (обе уже работали в Центральном статистическом управлении, созданном при меньшевиках, куда активно приглашалась на работу молодежь) и опознали там среди убитых Колю Каландаришвили. Это было одно из тяжелейших переживаний.

В те дни в народе даже родилась песенка, передававшаяся из уст в уста:

Во сне увидел Грузию.
Кипела кровавая каша,
И растерзанный наш флаг
Над Коджори трепыхался.

(Подстрочный перевод)

У меня очень тяжелые воспоминания, связанные с отъездом отца в эмиграцию. Он как будто сразу постарел, согнулся, выглядел удрученным. Между нами состоялся разговор, отнюдь не детский, в котором я почувствовала его доверительное и серьезное отношение к себе.

Тогда мне пришлось его утешать, успокаивать: «О нас не беспокойся, мы будем продолжать учиться и работать, мы со всем справимся, уезжай со спокойной душой».

Но о каком спокойствии можно было помышлять, когда все вокруг было охвачено смутой и тревогой, полной неопределенностью, неизвестностью перед тем, что ждет впереди — его? нас?

Г. Шарадзе в очерке упомянул, что решение об отъезде было принято только в самый последний момент. Я же знаю, что прежде чем уехать из Тбилиси, где уже начались военные действия, отец побывал и в Батуми, и в Кутаиси.

Я никогда не слышала от отца разговоров о любви к Грузии, к своему народу, не любил он об этом говорить. Но вынужденная разлука со всем родным и стала причиной его трагической кончины.

В 1926 году в Тифлисской прессе я обнаружила сообщение о том, что во Франции покончил с собой политический деятель Карло Чхеидзе. Без подробностей, без деталей, которые сейчас всплыли на поверхность и содержат определенную сенсационность.

Его выступления на заседаниях Государственной думы, вся его деятельность опрокидывают все те сведения, которые просачивались из парижского предместья, где они жили и где он буквально задохнулся — ему необходим был хоть глоток родного воздуха, он не мог вынести разлуку с родиной, не мог жить вдали от своего народа. Именно это и заставило его принять решение уйти из жизни. Это, как я считаю, акт огромного самообладания, хотя бытует другая точка зрения — из жизни уходят малодушные...

Мне думается, что акт, который он над собой совершил, свидетельствует об огромной силе воли, проистекающей из невероятной, сверхмощной любви к родной земле, к родному народу. Разве сравнимы его последние, проведенные в эмиграции годы с той бурной, насыщенной борьбой жизнью выдающегося революционного трибуна, бесстрашного и мужественного политического деятеля?

Его не останавливали ни возможные ссылки, ни аресты, ни сложнейшие препятствия на пути политической борьбы — это было истинное, всепоглощающее служение высокой цели, утверждению светлых идеалов. Я иногда задумывалась, почему он не воспользовался правом дипломатической неприкосновенности — ведь не могло его не быть у членов Государственной думы; это неременное условие парламентской системы в любой стране, хотя я не специалист в области правовых отношений, не знаю и статуса государственных деятелей, но думаю, что все его поступки были продиктованы любовью к родной земле какой-то невиданной силы.

Сейчас хотелось бы все имеющиеся о нем сведения привести к одному знаменателю, и этим знаменателем, конечно, должна стать именно эта любовь.

В эмиграцию он уехал со своей второй женой Александрой Ивановной Тагановой и их общей дочерью — моей млад-

шей сестрой Лялечкой. Из дошедших откуда-то слухов возникла версия, что именно эта русская женщина причастна к трагической гибели моего отца: пытаются обвинить ее, якобы она в чем-то его подвела.

Я должна категорически отместить эту версию. А. И. Таганова была безгранично преданным отцу человеком, глубоко его уважающим. Возможно, она и не могла определить во всех тонкостях масштабы его политической деятельности, но огромный потенциал его человеческих личностных качеств она прекрасно осознавала.

Как-то запал в душу один эпизод нашей совместной жизни. У моего брата Стасика появились рейтузы бордового цвета, которые послужили поводом к шуткам товарищей: его стали дразнить: — Смотрите, «французские знамена» идут!

Стасик ужасно расстроился и высказал дома свою обиду, на что Александра Ивановна ему сказала: «Разве можно придавать значение такой чепухе, это от детского недомыслия. Главное, ты всегда помни и гордись тем, чей ты сын».

— Не рассказывала ли о жизни отца в эмиграции в своих письмах ваша сестра?

— Переписываться с Лялечкой я стала лишь спустя шестьдесят лет после нашей разлуки. У меня сохранилось много ее писем, но к тем, прошлым событиям она в письмах не возвращалась. Слишком все это тяжело. Ляля (Вероника) скончалась в 1986 году и похоронена на кладбище в Левиле, рядом со своим мужем — эмигрантом из Прибалтики, бароном Анатолием фон Грасманом.

Во всяком случае воспоминания друзей и близких, присутствовавших при последних минутах жизни Карло Чхеидзе, приведенные в работе Гурама Шарадзе о моем отце, служат подтверждением того, что я чувствовала интуитивно.

В коротенькой предсмертной записке он просил: «В моей смерти никого не винить. К. Чхеидзе — июнь, 1926 г., с. Левиль». («Чвени дроша». Париж, 1986), ст. 78—79).

Предсмертными словами Карло, оказывается, были: «Клянусь моей родиной, я желаю смерти. Мечтал увидеть мать-родину, но не удостоился этого. Не забывай, страна моя, своего недостойного сына. Взглянуть бы на мир с гор Бахмаро, где наверху солнце, а внизу облака!».

Это было, наверно, первое его признание в любви к родине, высказанное вслух.

Воспоминания НАТЫ ЧХЕИДЗЕ записала Л. БРАИЛОВСКАЯ

Речи в Государственной думе

*Лозунги и действительность*¹

После того, как в прошлую сессию Ваша работа была прервана на полуслове, после того, как созыв Гос. думы откладывался, в явное нарушение закона, после того, как в верхах правительства была произведена очередная смена декорации и ушел ветеран бюрократии, увенчанный лаврами в победах не только над думой третьейиюньского режима, но и над думой народного гнева, после назначения на его место главы правительства, тоже испытанного в боях, получившего первое боевое крещение свое при штурме тверского земства — мы, в знак доброжелательства и благоволения к нам, получили в конце концов возможность снова вернуться к вопросу, который и тогда стоял в центре общественного внимания и стал теперь еще более острым, жизненным и животрепещущим. Это вопрос о том, что совершено за 18 месяцев непрерывного кровопролития, самого крайнего напряжения духовных и материальных сил. Конечно, единодушной оценки всего того, что происходит, нет и теперь. Но одно выяснилось в достаточной степени. — это то, что человечество за все время своей истории не было еще свидетелем такой лжи и лицемерия, которые наблюдаются в настоящее время. Куда девались те великие лозунги, во имя которых эта война была провозглашена? Нам скажут, пожалуй, что война еще не доведена до конца, но г.г., разве культурнейшая, цивилизованнейшая страна в

¹ Взгляды, высказанные Н. С. Чхеидзе по вопросу о войне, отражают точку зрения только одной части соц.-демократии. Взгляды другой части с.-д. примыкают по своим воззрениям к Г. В. Плеханову.

мире, страна великих ученых, мыслителей и философов Бельгия не разгромлена до основания и не превращена в пепелище? Разве грузины-мусульмане, часть того народа, который еще век тому назад связал добровольно свою судьбу с Россией, не стерты с лица земли? Разве многострадальный армянский народ, живущий в Турции, не вырезан уже поголовно? Разве Сербия и Черногория не истекают кровью, и разве уже не наступила очередь за Грецией, Румынией и Персией? Разве Польша недостаточно истерзана и польская земля недостаточно полита кровью? Разве Болгария и Турция не попали уже в железные тиски милитаризма, из которого придется долго и долго выкарабкиваться? Где же великие принципы свободы народов, самоопределения национальностей?.. Где лозунг разгрома милитаризма? Об этом теперь никто и не заикнется. Наоборот, все недавние пророки теперь уже говорят, что все эти разговоры о разоружении и ослаблении милитаризма, как совершенно верно сказал Н. Е. Марков II, сущий вздор. Война и здесь одержала большую и блестящую победу. Она показала, что это право есть узаконенная норма измены, предательства и пиратства. Если в этом отношении пальма первенства принадлежит германским командующим классам, и если они действительно покрыли позором на всю историю себя, нарушив права Бельгии, то ведь надо быть справедливым и сказать, что и другие воюющие страны проявили в этом отношении довольно большое рвение и усердие. Во всех воюющих странах уже фактически осуществлена милитаризация труда, и капиталисты, во имя высоких патриотических задач, втрое усилили эксплуатацию рабочего класса на счет его недоедания, на счет его изнурения и вырождения. Вот те великие начала, во имя которых в продолжение 18 месяцев проливается кровь! И я вас спрашиваю: каково будет дальнейшее течение этих событий, если их предоставить тем, которые их вызвали? Да, война уже стала достаточно победоносна: она обнаружила весь свой смысл и открыла свое лицо, и противоречие современного общества, в котором господствует политика захвата, политика империализма, иначе не могло разрешиться, как оно разрешилось теперь...

В подтверждение я приведу выдержку из решения, принятого на социалистическом народном конгрессе в Циммервальде, в Швейцарии, где присутствовали, между прочим, представители социалистических партий воюющих держав — немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, ру-

мыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы, швейцарцы и др. Вот что гласит один пункт этой резолюции: «...необходимо начать борьбу за мир без аннексий и всяких контрибуций. Такой мир возможен только при осуждении всяких помыслов о насилии над правами и свободой народов. Занятие целых стран или их отдельных частей не должно вести к насильственному присоединению. Никаких аннексий, ни открытых, ни скрытых, никаких насильственных экономических присоединений, которые вследствие неизбежно связанного с ними политического беспорядка носят еще более невыносимый характер. Самоопределение национальностей должно быть непоколебимой основой новых национальных отношений».

А вот декларация наших товарищей, прусских социал-демократов, произнесенная в прусском ландтаге: «Мы требуем, чтобы имперский канцлер отказался от всякой аннексической политики; она составляет решительное препятствие для заключения мира. Продолжение этой империалистической политики насилий с необходимостью одолеть мир в недоступной взорам дали уничтожает европейское население и культуру во все более безумной борьбе за существование, в которой будут не победители, а побежденные. Само собою разумеется также, что, с точки зрения с-д. принципов, никто не должен навязывать Германии таких условий мира, которые нанесли бы ущерб нашей политической или хозяйственной самостоятельности, и, наоборот, мы никогда не дадим своей руки, чтобы поработить другие народы или нанести ущерб их политической и экономической независимости и самостоятельности». К призывам циммервальдской конференции присоединилось и меньшинство наших товарищей-французов. Что же касается роста оппозиции войне и империалистической политике германского правительства среди наших германских товарищей, то это известно всякому, и это подтвердили наши германские товарищи своим голосованием. Мы приветствуем все эти шаги наших товарищей. Мы считаем нужным поддержать всячески эти шаги и рассчитываем, что этот призыв найдет живой отклик среди пролетариата всего мира как воюющих, так и нейтральных стран. Но, одновременно с этим мы должны сказать, что у нас в России эти задачи обязывают и к кое-чему другому. Для нас, конечно, не секрет, что российская бюрократия давным-давно вела страну к разрухе и разложению. Бюрократия связана кровью с той частью общества и с теми элементами, которые и на войну смотрят, как на подходящий момент для

того, чтобы восстановить старую жизнь и отбросить нас к XVII веку, как об этом совершенно ясно и определенно говорилось устами бывшего министра И. Г. Щегловитова на последнем съезде черносотенцев. Бюрократия, конечно, не могла не привести страну в то положение, в котором она находится сейчас. И результат деятельности и политики самодержавной бюрократии у нас налицо. Живя в богатейшей стране в мире, мы переживаем в настоящее время хлебный, дровяной, масляный и угольный голод. Благодаря систематической борьбе со всякой общественностью, страна очутилась без достаточной сети железных дорог, без хорошо оборудованных фабрик и заводов, без специалистов и техников. Но зато мы имеем в наличии классически-бездарную и образцово-продажную администрацию. В такое время правительство взялось мобилизовать промышленность, но, наблюдая, что происходит кругом, присматриваясь к тому моговству и роскоши, которые теперь царят среди всякого рода аферистов, банкиров и дельцов, можно сказать, что это была не мобилизация промышленности, а мобилизация грабежа народных денег. Новый глава правительства сказал нам, что надо, в конце концов, серьезно приняться за урегулирование жизни рабочих. Это — давнишнее обещание. Но за последнее время об этом много говорили вновь назначенные министры. Но к чему свелись обещания и нового правительства, и других? Расстрелы в Иваново-Вознесенске, — а то, что было в Туле, а то, что происходит в Петрограде? Ссылки, ежедневные аресты, новые разъяснения прав сената, упразднение профессиональных союзов, отмена ограничений относительно женского и детского труда, привлечение не только редакторов рабочих газет, но даже и разносчиков, проект о милитаризации труда — все это сводится к закабалению рабочих капиталистами.

Наши товарищи-депутаты, которым рабочие доверили свое дело, томятся в ссылке.

К чему, наконец, свелось благожелательное отношение ко всем верным сынам России, в особенности к инородцам? Полякам, после того, как Польша очутилась в чужих руках, преподнесли автономию. Из уважения к польскому народу я не хочу настоящим образом назвать это. Но и от русской бюрократии, и от русского правительства можно было бы ожидать большего уважения к правам польского народа. А когда поляки заявили, что пора их внутри России причислить к гражданам первого разряда, им ответили, что для этого еще время

не приспело — вы не созрели. Когда об отмене ограничений заявляют мусульмане, им тоже отвечают, как ответили недавно в сеньерен-конвенте: «Обождите, когда война кончится, мы посмотрим, что вы получите, полтинник или рубль». (Возгласы: «Это Марков»). Да, господа, Марков, но устами Маркова вот кто сейчас говорит (жест в сторону министерской ложи; возгласы на скамьях к-д. и прогрессистов: «Что правда, то правда!»). Для того, чтобы вы знали, какое отношение к евреям, позвольте огласить вам один документ:

«Министерство внутренних дел. Департамент полиции. По 6-му делопроизводству. 9-го января 1916 года губернаторам, градоначальникам, начальникам областей, губернским жандармским управлениям. По полученным департаментом полиции сведениям, евреи, посредством подпольных организаций, в настоящее время усиленно заняты революционной пропагандой, причем, в целях возбуждения общего недовольства в России, они, помимо преступной агитации в войсках, крупных промышленных и заводских центрах Империи, а равно и подстрекательств к забастовкам, избрали еще два важных фактора: искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение в обращении звонкой монеты».

Это, г.г., говорят люди, которые в продолжении войны, не говоря уже о том, что было раньше, отравляли атмосферу общественной жизни ядом антисемитизма и шовинизма. Это говорят люди, которые сами провоцируют забастовки на каждом шагу. (Родичев с места: «И погромы»). Это говорят люди, которые превратили железнодорожное хозяйство в форменное хозяйство грабежа, подкупов и взяточничества. Далее: «Исходя из тех соображений, что ни военные неудачи, ни революционная агитация не оказывают серьезного влияния на широкие народные массы (пораженцы чистой воды, они рассчитывали, что эти неудачи повлияют известным образом внутри страны на массы!), тайные сторонники Германии намереваются вызвать общее недовольство и протест против войны путем голода и чрезмерного вздорожания жизненных припасов». Это говорят, г. г., искренние друзья германских юнкеров, идеологи бронированного немецкого кулака! «Благодаря недостатку звонкой монеты в обращении, евреи стремятся внушить в населении недоверие к русским деньгам, обесценивать таковые и заставить вкладчиков брать свои сбережения из государственных кредитных учреждений» (Возгласы слева: «Государственная мудрость»). «По поводу выпуска разменных марок

евреи усиленно распускают в населении слухи, что русское правительство обанкротилось, так как не имеют металла даже для монеты. Широкое участие евреев в описанной преступной деятельности, по-видимому, объясняется стремлением добиться отмены черты оседлости, так как настоящий момент они считают наиболее благоприятным для достижения своих целей путем поддержания смуты в стране. Об изложенном департамент полиции сообщает вам для сведения». Следуют подписи (Возгласы: «Какой позор, какая гадость!»). «Исп. об. директора Кафаров, за делопроизводителя Борецкий, исп. должность регистратора Виноградов». (Смех слева; Родичев с места: «Вот куда попало наследство Азефа»).

Вам, г. г., казалось, что, ставши техническими помощниками правительства, вы сумеете развить всякого рода организации общественного характера. Но вы забыли, что фактически власть находилась в руках правительства, и что в его руках была сила, с помощью которой оно регулировало всю нашу работу, всю нашу деятельность. И вот, г. г., страна и по сию пору находится, если не в худшем, то, во всяком случае, не в лучшем положении, в котором находилась несколько месяцев тому назад. Что же оставалось в наших руках? В наших руках остался теперь прогрессивный блок. Но пока этот блок будет обращен спиною к народу, а лицом сюда (жест в сторону министерской ложи), он обречен на полное бессилие. Надо обернуться, г. г., к народу, тогда вы действительно делаете то, что нужно стране. Мы, с своей стороны, заявляем, что все ваши прогрессивные шаги мы будем поддерживать, но все ваши соглашательские шаги мы будем разоблачать самым беспощадным образом. Во-вторых, вопрос стоит не так, как вы его ставите. Вопрос не в частичных предприятиях и не в заплатках. И вчера нам с этой трибуны об этом заявили вновь. Старые устои жизни незыблемы. Вчера это было центральное место нового главы правительства. И когда вы заявляете, что вы боретесь не за власть, то это глубокая ошибка. Борьба за власть есть лозунг сегодняшнего дня, ибо, если власть останется в руках заседающих (показывает на министерскую ложу), спасения стране не будет. Поэтому лозунг сегодняшнего дня есть полное раскрепощение народа, полная демократизация страны. Вне этого пути спасения нет.

По запросу о террористических актах на Кавказе (10.XII.1908)¹

...И вот, на основании таких данных, в комиссии единогласно было решено принять этот запрос. Мне кажется, если на основании кажущихся данных запрос этот будет решен, то это охарактеризует, насколько серьезно отнеслась комиссия к поставленной задаче. Затем я перейду к самому запросу. Вы, вероятно, помните, что представитель Наместника, между прочим, привел следующие сведения: в Тифлисской губернской тюрьме, рассчитанной на содержание 300 арестантов, содержится 626 арестантов; в Бакинской тюрьме, рассчитанной всего на 280 чел., содержится — 700 заключенных; в Батумской тюрьме, которая может вместить лишь только 80 чел., содержится 400 чел. и т. д. Затем ему, заместителю Наместника, угодно было сообщить, что из двух губерний Кавказа, Тифлисской и Кутаисской, выслано в административном порядке в 1906 г. 1.525 чел., в 1907 г. — 3.740 чел., а за 3 месяца 1908 г. было сослано 301 чел., затем казнено было 113 чел., сослано было определенное количество. Гг., я думаю, что представитель Наместника, приводя эти данные, рассчитывал несколько успокоить авторов запроса, но мне кажется, что расчет этот его не был верен, ибо, что в самом деле для авторов, подписавших данный запрос, что значит для них, если в тюрьму на место 10 чел. втискивают, напр., ну, 100. Если бы, напр., туда Правительство ухитрилось сажать вместо — 10 — 1.000 чел., они могли бы сказать, это еще куда ни шло, а то, помилуйте, 10 чел. можно поместить в тюрьме, а сажают всего 80 чел., или сотню. А что до казни, если бы сказано было, что за год вешают 1.300 чел., это отчасти могло бы их успокоить; так что расчет представителя Наместника на Кавказе, по моему мнению, не оправдался. Но думаю, что в этом отношении представитель Наместника немного скромничал. Администрация Кавказа не так уже плоха для подписавших этот запрос, как это явствует из данных самого ответа представителя Наместника, и раз это ему негодно было сделать, было бы неблагодарностью с нашей стороны не воздать должное этой администрации и не развернуть всю картину ее деятельности; и эту роль я возьму на себя.

Публикация Наты ЧХЕИДЗЕ

¹ Фрагмент из речи.

* * *

8 мая я получил из Сухуми телеграмму от известного абхазского писателя Алексея Гогуа, в которой сообщалось, что в пятом номере журнала «Дружба народов» в небольшой публикации им допущена «нелепая ошибка», касающаяся меня. Отправитель телеграммы выражал сожаление и приносил свои извинения по поводу (не известной мне) «ошибки».

Позднее, 11 мая, я получил телеграмму от редакционной коллегии «Дружбы народов», в которой меня уведомляли, что, к сожалению, по вине автора (т. е. Алексея Гогуа — А. Б.) и редакции допущена ошибка, касающаяся меня, в связи с чем приносили свои извинения и сообщили, что поправка будет опубликована в следующем номере.

Редакционная коллегия «Дружбы народов» сочла нужным принести мне свои извинения и через газету «Литэратурули Сакартвело» (19.5.89).

Я был в недоумении, совершенно не понимая, чем вызван этот переполох. Ситуация прояснилась, когда я получил пятый номер «Дружбы народов» с публикацией статьи Алексея Гогуа «Наша тревога» (с. 157—159). По ходу статьи А. Гогуа полемизирует «с покойным академиком Барамидзе», который в «Истории мировой литературы» пишет, что по древним источникам «абхаз» означает «грузин»: «Некий абхаз, т. е. грузин» (с. 158). Речь идет о византийском источнике, в котором сообщается, что одним из самых преданных последователей опального византийского философа Иоанна Итала был «некий абхаз». Я действительно отождествляю абхаза с грузином и отмечаю, что, по мнению Н. Я. Марра, этим лицом, возможно был грузинский философ XI—XII вв. Иоанэ Петрици (ИВЛ, 2, 1984, с. 309). Из-за специфического характера «Истории мировой литературы» я всего лишь коротко касаюсь данного вопроса. Ссылаюсь на авторитет Н. Марра, скорее всего, повторяю его соображение, приведенное в его известной монографии — «Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—

ХІІ веков» (Петербург, 1910, на русском языке). В этом труде Н. Марр прямо говорит о том, что, когда Иоанна Итала предали анафеме, его многие ученики отреклись от опального наставника, истинное сочувствие и участие «он встретил в одном абхазе, т. е. значит в грузине» (с. 108). В связи с этим Марр пишет: «Может возникнуть вопрос, не есть ли абхаз, друг Итала, и наш грузинский философ одно и то же лицо». Таким образом, отождествление абхаза и грузина по Н. Марру бесспорно. Разумеется, бесспорно для него и то, что Петрици грузин. Спорным остается лишь идентичность неизвестного абхаза и Петрици.

Необходимо отметить и то, что Н. Марр имеет неоспоримые заслуги в деле изучения современного абхазского языка и культуры.

В дефиниции смысла «абхаза» и «абхазского» дает нам ценный материал сын Н. Я. Марра Юрий (Георгий) Марр, замечательный иранист и картвелолог. В одном из лирических стихотворений ширванского персоязычного поэта Хакани Юрий Марр обнаружил чисто грузинские слова. Хакани говорит, что опустошенный любовью, он «поселился в Абхазии и стал говорить по-грузински». И «столько говорил ей «Приди! Приди!», «Мои, мои», что язык мой обратился в волос». По-персидски волос — «мой». А «мой» — народная форма грузинского слова «моди», — приди. Для достижения определенного художественного эффекта Хакани прибегает к сопоставлению слов различных по значению, но одинаково звучащих как в персидском, так и в грузинском языках (см. сб. «Хакани, Низами, Руставели», 1935, с. 7—14). В данном случае для нас представляет интерес то, что по предлагаемому тексту Абхазия — это Грузия, разговорная речь абхазов — грузинская и даже зафиксировано конкретное слово этого языка.

Восприятие Марром стихотворения Хакани полностью разделил крупный русский иранист А. Болдырев (Сб. «Памятники эпохи Руставели», Л. 1938, с. 137). «От любви к этой красавице кудрявой ясноликой стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински. Столько раз говорил я ей: «мой, мой», что язык мой стал тонким, как волос, а волосы все стали языками». (Болдырев, с. 137). Впрочем, отрывок этого стихотворения Хакани в вольном поэтическом переводе Державина внесен в «Историю мировой литературы», в раздел второго тома, где представлена литература Азербайджана (с. 328).

В «Искандер-Намэ» Низами Гянджеви идеализирован ближайший соратник Александра Македонского (Искандера), от важный воин, добрый, отзывчивый человек и мудрый правитель своей страны — Абхазии, Малик Дувал. Столица его владений, т. е. Абхазии — Тбилиси. Итак, и в этом случае Абхазия означает Грузию, объединенную Грузию, с престольным городом Тбилиси (доскональные подробности об этом в моем труде «Низами и грузинская литература». (Труды Тбилисского университета, XXXII, 1947, с. 139—144).

Также и по «Хосров и Ширин» того же Низами под Грузией подразумевается та прелестная страна, именуемая Абхазией.

Некоторых вопросов, затронутых в этой статье, касается и очерк профессора Давида Кобидзе — «Значение термина «абхаз» по персидским источникам» («Мнатоби», 1957, № 2).

Персоязычные и иные зарубежные авторы не случайно отождествляют Грузию с Абхазией (и грузин с абхазами). Дело в том, что в официальной титулатуре цари всея Грузии называют владыками абхазов, картлийцев, кахетцев, арранцев, армян... Таким образом, в этом перечне абхазы занимают первое, почетное место.

Разумеется, меня полностью удовлетворяет этическая сторона дела: извинение Алексея Гогуа и редакционной коллегии «Дружбы народов», хотя, мне думается, что не так уж и трудно было избежать этой «нелепой» или же просто «ошибки».

Но это не главное. Главное то, что в телеграмме А. Гогуа сказано, что будто я «несправедливыми и обидными словами» поминал его «без вины виноватый народ». Судя по всему, уважаемый Алексей Гогуа имеет в виду мое выступление на общем собрании Академии наук Грузинской ССР 11 апреля при встрече с Эдуардом Шеварднадзе и Георгием Разумовским. Я не отрицаю, что мое выступление было действительно резким. Моя обида и глубокое возмущение были вызваны пресловутым лыхнинским «Абхазским письмом» (или же декларацией), которое пронизано неопишуемой ненавистью к грузинской нации (ко всему грузинскому народу). Я осудил не абхазский народ (Боже меня упаси!), а те 47 лиц, которые подписали лыхнинскую декларацию и среди которых, к сожалению, я обнаружил некоторых довольно хорошо мне знакомых ученых, писателей, общественных деятелей. Я всегда уважал и уважаю абхазский народ и абхазскую культуру. Был

лично знаком и глубоко уважал основоположника современной абхазской культуры — поэта, ученого, общественного деятеля Дмитрия Гулиа, о чем и писал в статье «Знаменитый абхазский поэт» (Очерки, 1978, с. 238—240; Из недавнего прошлого 1987, с. 318—320). Два раза я принимал участие в юбилее Дмитрия Гулиа. Как руководитель Института грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузинской ССР я всем сердцем стремился подготовить для Абхазской АССР достойные научные кадры. К примеру, именно у нас выпестовались и сформировались достойными учеными поэт Георгий Гублиа, фольклористы Шота Салаканиа и Сергей Хухба. (Мне было очень горько увидеть подпись Хухба под «Абхазским письмом»). У нас были налажены превосходные взаимоотношения с Институтом абхазского языка, литературы и истории имени Д. Гулиа,

Не могу не вспомнить один случай последнего времени наших добрых отношений с абхазами. 24 марта нынешнего года в университете защищала кандидатскую диссертацию абхазка Екатерина Бебиа. Как раз в тот день в университете проводился многолюдный митинг в связи с абхазским вопросом. Разумеется, все мы стремились попасть на тот митинг, но чтобы не смутить диссертантку, Ученый совет отнесся к ней на редкость участливо, терпеливо. Неторопливо, с соблюдением всех необходимых правил прошло обсуждение диссертационного труда. Диссертантке заслуженно была присуждена искомая научная степень. Следует отметить и то, что одним из официальных оппонентов был кандидат филологических наук, абхазский писатель Борис Гургулиа, который произнес речь о своем уважении к грузинской культуре на прекрасном грузинском языке. (Представьте, и Б. Гургулиа подписался под «Абхазским письмом»).

Это была подлинная демонстрация добрых, братских грузино-абхазских культурных связей. Именно такие взаимоотношения всегда мне доставляли и доставляют радость.

Но я всей душой осуждаю оскорбительное для грузинского народа, клеветническое «Абхазское письмо».

Александр БАРАМИДЗЕ

Ламара БАРАМИДЗЕ

«СТРОИТЕЛЬ ХРАМА ВЕЧНОСТИ» И ИАСАМАНИ

Имя Тараса Шевченко в Грузии издавна упоминается с любовью. В сокровищнице грузинской переводной литературы творчество великого украинского поэта занимает одно из основных мест, и это естественно — ведь без Шевченко вряд ли возможно представить себе мировую поэзию.

Отношение грузин к поэтическому гению братского народа очень верно охарактеризовал академик К. Кекелидзе: «Нам понятна грусть, снедавшая сердце великого поэта, — говорил К. Кекелидзе, — нам дороги его горькие слезы, которыми он обильно окроплял журчащие волны Днепра, и больше всего понятен тот идеал, которому поклонялся гражданин-мученик; нам так же понятен звон меланхолических струн Кобзаря, как звуки чонгури Акакия Церетели; нам понятны национальные и революционные мотивы его творчества так же, как и подобные мотивы в произведениях Ильи Чавчавадзе, и это потому, что у нас, у грузин и украинцев, была одна дорога, покрытая в прошлом терниями». Иакоб Гогешвили еще в начале нынешнего века обращался к грузинским писателям: «Советую нашим поэтам обогатить грузинскую литературу переводами Шевченковских творений; печатать их пока в журналах и газетах, а затем издать отдельным сборником, как это сделали замечательные русские поэты, издавшие однотомник стихотворений и поэм Шевченко под заглавием: «Кобзарь Шевченко в переводе русских писателей».

К тому времени грузинский народ был знаком всего лишь с некоторыми произведениями Кобзаря, публиковавшимися в

прессе и периодике: с поэмой «Работница» («Наймичка») в переводе Нико Ломоури, со стихотворениями «Проходят дни, проходят ночи» в переводе М. Гуриэли, «Завещание», «Мне все равно», «Ой, зачем ты почернело, зеленое поле...» в переводах Иасамани и др. Потому-то И. Гогешвили и призывал своих собратьев по перу переводить стихи и поэмы «малороссийского поэта».

Иасамани — псевдоним известного грузинского советского поэта и украинолога М. Кинцурашвили (1885—1955 гг.). Он был одним из первых, кто обратился к творчеству Кобзара и познакомил с ним грузинскую общественность.

Иасамани принадлежал к кругу той прогрессивной грузинской интеллигенции, которая мужала в бурный период революции 1905—1907 годов. Творчество Шевченко он открыл для себя будучи еще студентом историко-филологического факультета Харьковского университета. Маленький томик, подаренный ему товарищем по курсу, ввел грузинского поэта в мир иноязычной поэзии, где все поражало красотой и изяществом формы, музыкой и гармонией звука, богатством тематики и смелостью обличения.

Выбор переводчика пал на ныне столь известное стихотворение «Завещание», согретое горячей любовью поэта к родной земле и призывающее к борьбе против ее угнетателей. Перевод «Завещания» сразу же привлек внимание современников (годы спустя к этому стихотворению обратился и С. Чиковани, который, используя опыт Иасамани, создал новый, почти равноценный оригиналу перевод).

В 1914 году царское правительство запретило празднование столетия со дня рождения Т. Шевченко. Иасамани подготовил к юбилею ряд переводов, но опубликовать их не удалось. Грузинская периодика ограничилась лишь хрониками о демонстрациях и выступлениях в память поэта. Позднее Иасамани сумел напечатать некоторые из этих переводов: «Я, чтоб не сглазить, не хвораю», неоконченную поэму «Юродивый», в которой сатирическое обличение самодержавия достигло наивысшей силы, и др.

После установления Советской власти в Грузии еще более расширились традиционные культурные и литературные связи с Украиной, и грузинский народ получил возможность ближе познакомиться с поэзией Т. Шевченко. Иасамани вместе с другими писателями активно включился в переводческую деятельность.

Известно, что в 20—30-х годах особое значение придавалось познавательной стороне художественного перевода. В связи с этим появилось множество так называемых дословных переводов. Однако Иасамани пошел другим путем: он отверг «буквализм» и, опираясь на традиции грузинского художественного перевода второй половины XIX в., создал близкие к оригиналу по форме и по содержанию переводы произведений Кобзаря.

Некоторые из них — «Сон», «В неволе тяжко...», «Хотя лежащего не бьют», «Свете тихий! Свете ясный!», «Доля» — были опубликованы в журналах и газетах, перевод поэмы «Работница» был включен в книгу «Стихи и поэмы Т. Шевченко» (Тб., 1937 г.).

Во второй половине 30-х годов возникла новая форма литературных взаимосвязей — совместное празднование юбилейных дат классиков литературы. 125-летие со дня рождения Шевченко отмечала вся советская страна. Грузия встретила эту дату изданием «Кобзаря», в основу которого легли переводы Иасамани (46 произведений).

В критике общая оценка грузинского «Кобзаря» была положительной, причем многие отмечали особенно удачные переводы Иасамани, в которых поэзия Шевченко зазвучала естественно и непринужденно. Поэтический и переводческий талант, глубокое знание языка и жизни украинского народа позволили Иасамани выполнить столь близкие к оригиналу высокохудожественные переводы.

«Я не могу назвать ни одного советского украинского поэта, который бы не ощутил на своем челе прикосновения горячей ладони Тараса Григорьевича», — писал Максим Рыльский. Но поэзия Шевченко оказала влияние не только на украинскую литературу, оно ощутимо и в творчестве русских, белорусских, польских и других писателей.

Грузинская литература тоже испытала на себе благотворное влияние идей Шевченко. Так Акакий Церетели вспоминал, что самоотверженной любви к родине он научился у Кобзаря, которого знал лично и уважал («Мои воспоминания о Тарасе Шевченко», «Закавказье», 1911 г., 20/II.). Г. Леонидзе склонял голову перед «поэтом-Прометеем» (стихотворение «К Шевченко»); так же высоко ценили его творчество и другие грузинские поэты.

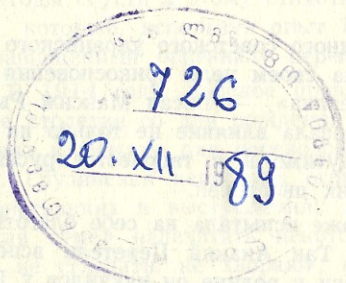
Лиризм Кобзаря вдохновлял и поэтическую музу Иасамани. В посвященном Украине стихотворении, зачитанном им

на выступлениях в Киеве в 1939 году, в дни празднования юбилея Шевченко, Иасамани воссоздал яркий образ поэта-борца за освобождение всех угнетенных народов. В переводе И. Гончара оно было включено в юбилейный сборник «Вінок Шевченкові».

Огненное слово Кобзаря «орлиным клетотом» (А. Корнейчук) зазвучало в суровые годы Великой Отечественной войны. Образ украинского поэта, воссозданный в сонетах Иасамани «Шевченко в Колхети», «Колхетские гайдамаки», «Сталинграду», был осмыслен как образ современника, горячо призывавшего к борьбе против поработителей, воодушевлявшего боюющийся народ своим высоким примером.

Библиография литературы о Шевченко на грузинском языке насчитывает свыше сотни страниц. Среди них особого внимания заслуживают труды Иасамани.

«Особой заслугой Иасамани, по нашему мнению, является создание им собственной школы перевода Шевченко, которая будет иметь последователей до тех пор, пока Шевченко будет считаться «строителем храма вечности народа, над которым не властны никакие тлетворные влияния моды, никакие перемены времени» (В. И. Кочетков).

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 16.10.89 г. Подписано к печати 24.11.89 г.
УЭ 08942. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд.
л. 14,0. Тираж 6.250. Заказ 2265. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

26-89

89-726
ეროვნული
ბიბლიოთეკა
ИНДЕКС 76117

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურნაია ვრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

